

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (46) 2018

BULLETIN

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2018

Вестник Волгоградской академии МВД России : науч.-метод. журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2018. — № 3 (46). — 184 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.

Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-50037
от 4 июня 2012 г.

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Н. И. Батурина, доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. М. Гуляхин, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Волгоградского государственного университета, доктор философских наук, доцент.

И. С. Дикарев, директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, начальник кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. И. Косяченко, профессор кафедры тактико-специальной подготовки Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Е. А. Матвиенко, начальник кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент.

Редактор
С. М. Голятина
Компьютерная верстка
А. А. Сеницыной

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.

Подписано в печать:
17.09.2018.

Дата выхода в свет:
27.09.2018.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 23,0.
Усл. печ. л. 21,4.
Тираж 500. Заказ № 38.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513, 44 руб.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2018

Д. М. Миразов, начальник кафедры предварительного следствия и криминалистики Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

С. И. Рябов, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, доктор исторических наук, профессор.

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

П. М. Филиппов, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Состав редакционной коллегии

О. А. Абрамов, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

С. М. Голятина, редактор редакции журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

Ю. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Н. В. Котельников, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Попов, доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia : scientific and methodical journal. —

Volgograd : VA MVD
Russia, 2018. —
No. 3 (46). — 184 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-50037
of June 4, 2012

Subscription index
at the catalogue
"Rospechat" is **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

A. P. Alekseeva, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Baturina, Associate Professor at the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. N. Gulyaikhin, Head of the Department of Social Work and Pedagogics of the Volgograd State University, Doctor of Philosophical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Faculty of Law of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. I. Kosyachenko, Professor at the Department of Tactical and Special Training of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the OVD of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

E. A. Matvienko, Head of the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the

Editor
S. M. Golyatina

DTP
A. A. Sinitsyna

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
17.09.2018.

Date of publication:
27.09.2018.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 23,0.
Conventional print sheets 21,4.
500 copies. Order № 38.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513, 44 rub.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia,
2018

Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. I. Ryabov, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Historical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

P. M. Filippov, Professor at the Civil Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

O. A. Abramov, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

S. M. Golyatina, Editor of the Editorial Board of the journal „Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia“ of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, senior lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. V. Kotelnikov, Deputy Head of the Civil Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Конев А. Н.

Идеологические основы уголовного судопроизводства:
«проблемы проблематизации»

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Донцова К. Б.

О понятии, содержании и структуре
материального права

Мерзликин Р. А., Бойко Д. В., Яловенко Т. В.

Роль международного права при осуществлении
правоприменительного усмотрения

Попов В. В., Мингес И. А.

Две стороны нормативности права:
решение в семантическом аспекте

Редько А. А.

Современное состояние
правовой инициативы

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Алексеев А. П.

О функциональном назначении
местного самоуправления в современных условиях
Непомнящий С. В., Батуринов В. Ю., Ястребов А. В.
Особенности охраны общественного порядка
и обеспечения безопасности
на объектах чемпионата мира по футболу FIFA 2018
(г. Волгоград)

Попов М. Ю.

Место и роль правосубъектности
в конституционно-правовом статусе личности

Пронин В. В.

Проблемы административно-правового регулирования
системы тылового обеспечения
органов внутренних дел
при ликвидации чрезвычайных ситуаций

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Батурина Н. И., Медведев А. И.

Восстановительный ремонт транспортного средства
как основной способ страхового возмещения
по ОСАГО

Котельников Н. В., Садков А. Н., Мородумов Р. Н.
Свободное использование объектов
интеллектуальных прав

Перегудова Д. А.

Институт неосновательного обогащения в России
и зарубежных странах (теоретико-правовой анализ)

Рыженков А. Я.

О принципе обеспечения инвалидам условий
для беспрепятственного доступа
к объектам социального и иного назначения

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

9 *Konev A. N.*

The ideological foundations of criminal justice:
«the problem problematization»

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

15 *Dontsova C. B.*

About the concept, contents and structure
of the substantive law

20 *Merzlikin R. A., Boyko D. V., Yalovenko T. V.*

The role of international law
when exercising law enforcement discretion

25 *Popov V. V., Minges I. A.*

Two aspects of the normality of law:
a solution in the semantic aspect

30 *Redko A. A.*

Current status of legal initiative

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE LAW

36 *Alexeev A. P.*

The functional purpose of local self-government
in modern conditions

44 *Nepomnyashchiy S. V., Baturin V. Yu., Yastrebov A. V.*

Features of the protection
of public order and security
at the facilities of the FIFA 2018 World Cup
(Volgograd)

48 *Popov M. Yu.*

The place and role of legal personality
in the constitutional and legal status of the individual

53 *Pronin V. V.*

Problems of administrative and legal regulation
of the administrative support system
of the internal affairs bodies
during emergency response

PRIVATE LAW

61 *Baturina N. I., Medvedev A. I.*

Refurbishment of vehicles
as the main way to make OSAGO
insurance compensation

66 *Kotelnikov N. V., Sadkov A. N., Morodumov R. N.*

Free usage of objects of intellectual rights

72 *Peregudova D. A.*

Institute of unjust enrichment
in Russia and foreign countries
(theoretical and legal analysis)

77 *Ryzhenkov A. Ya.*

On the principle of ensuring conditions
for the free movement of persons
with disabilities access to social and other facilities

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Артюшина О. В.
Уголовный проступок
в контексте экономики уголовной репрессии

Вишнякова Н. В.
Уголовно-правовая оценка сбыта нефтепродуктов,
не соответствующих требованиям
технического регламента, а также деяний,
являющихся условиями указанного сбыта

Желудков М. А., Попов А. М., Дубровина М. М.
Проблемы правового обеспечения
противодействия киберпреступности
в России и зарубежных странах

Ковальченко А. А.
Меры государственного регулирования
антитеррористической деятельности
в Российской Федерации

Федоров А. Ф., Ботвин И. В.
Особенности предупреждения
рецидивной преступности в регионе
(по материалам Алтайского края)

Ханахмедов А. С.
Проблемные вопросы ответственности
за вовлечение несовершеннолетнего
в совершение преступлений
экстремистской направленности

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бирюков С. Ю., Скориков Д. Г., Закатов А. А.
Значение культуры речи в работе следователя

Горкина Е. В.
Проверка показаний на месте:
нерешенные проблемы

Домовец С. С.
О некоторых элементах
криминалистической характеристики мошенничества
в сфере кредитования

Казначей И. В., Тихонов В. В.
Транснациональная преступность:
правовой и криминалистический аспекты
(на примере организованных преступных сообществ
в криминальном автобизнесе)

Купин А. Ф., Павлова А. А.
Использование возможностей сети «Интернет»
при раскрытии преступлений

Печников Г. А., Блинков А. П.
О формальной и объективно-истинной законности
в уголовном процессе

Пупцева А. В.
Некоторые особенности выявления,
раскрытия и расследования преступлений
в сфере незаконного оборота наркотиков,
совершенных с помощью сети «Интернет»
бесконтактным способом

Рустамзода З. Р.
Типичные следы и механизм слепообразования
при совершении незаконного оборота
наркотических средств, психотропных веществ
и их аналогов

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

- 83 *Artushina O. V.*
Criminal offense at the context
of economy of criminal repression
- 89 *Vishnyakova N. V.*
Criminal-legal assessment of petroleum products sales,
not compliant with the requirements
of technical regulations, and also assessment of actions,
which are the conditions of the above sales
- 97 *Zheludkov M. A., Popov A. M., Dubrovina M. M.*
Problems of legal support of counteraction
of cybercrime in Russia and foreign countries
- 102 *Kovalchenko A. A.*
Measures of state regulation anti-terrorist activity
in Russian Federation
- 106 *Fedorov A. F., Botvin I. V.*
Features of the prevention of recidivism in the region
(on materials of the Altai territory)
- 111 *Khanahmedov A. S.*
The problematic issues of liability for involvement
of minor in committing crimes of extremist orientation

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

- 116 *Biryukov S. Yu., Skorikov D. G., Zakatov A. A.*
Value of culture of speech in the work of the follower
- 121 *Gorkina E. V.*
Verifying evidence on site: pending problems
- 126 *Domovets S. S.*
On some elements
of the criminalistic characteristics
of fraud in the field of credit
- 130 *Kaznachey I. V., Tikhonov V. V.*
Transnational crime: legal and criminalistic aspects
(analysis of the organized criminal communities
in criminal automobile business)
- 134 *Kupin A. F., Pavlova A. A.*
Organization of opportunity of usage
the Internet network in solving crimes
- 140 *Pechnikov G. A., Blinkov A. P.*
About the legality of formal and objectively true
in the criminal procedure
- 146 *Puptseva A. V.*
Some peculiarities of identification,
disclosure and investigation of crimes in the sphere
of illegal trafficking of drugs completed
by the network "Internet" with a non-contact way
- 151 *Rustamzoda Z. R.*
Typical traces and the trace formation mechanism
in committing illicit trafficking of drugs,
psychotropic substances and their analogues

Хоршева В. С., Токарева Е. В.
Некоторые организационно-тактические проблемы
производства выемки

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Брюхнов А. А., Вакуленко Н. А., Зубенко В. В.
Особенности профилактики
нарушений дисциплины и законности
в органах внутренних дел

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

157 *Khorsheva V. S., Tokareva E. V.*
Some organizational-tactical problems
of manufacture production

SCIENTIFIC DISCUSSION

164 *Bryukhnov A. A., Vakulenko N. A., Zubenko V. V.*
Modern problems of prevention of violations
of discipline and law
in the internal affairs bodies

170 ABOUT THE AUTHORS

УДК 343.1
ББК 67.410.2

DOI 10.25724/VAMVD.CGHI

А. Н. Конев**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
«ПРОБЛЕМЫ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ»**

В статье обосновывается необходимость конкретизации проблемы идеологических основ современного уголовного судопроизводства. Сегодня уголовно-процессуальная наука реагирует на эту проблему лишь отдельными работами. Вместе с тем результаты данных исследований могут использоваться при формировании научного представления об идеологических основах уголовного судопроизводства. Конечно, можно возразить, что тема идеологии целиком аккумулируется тематикой принципов. Однако тема принципов не исчерпывает собой темы идеологических основ. Более того, она почти целиком поглощается ею и в смысле научной строгости должна выводить из нее свои ключевые понятия, неслучайно в уголовно-процессуальной науке нет пока ни одного внятного объяснения идеологической сущности понятия принципов. Многие ученые определяют принцип как идею, но глубже и дальше этой констатации не идут. Исходя из этого автор показывает обстоятельства, которые мешают юридической науке осмыслить всю важность понимания широты и разносторонности этой проблемы. Критикуется упрощенный подход к идеологическим проблемам.

Ключевые слова: идеология, уголовно-процессуальная идеология, идеологические основы уголовного судопроизводства, проблематизация.

А. N. Konev**THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF CRIMINAL JUSTICE:
«THE PROBLEM PROBLEMATIZATION»**

The article substantiates the need for a clear specification of the problem of ideological foundations of modern criminal proceedings. Criminal procedure science still reacts to this problem only by individual scientific works. The results of these studies can be useful in the formation of a scientific understanding of the ideological foundations of criminal proceedings. Of course, one can argue that the theme of ideology is entirely accumulated by the theme of principles. However, the topic of principles does not exhaust the topic of ideological foundations. Moreover, it is almost entirely absorbed in this topic and in the sense of scientific rigor should derive from it its key concepts. No wonder in the criminal procedure science there is no clear explanation of the ideological essence of the concept of principles. Many scientists define the principle as an idea, but deeper and further this statement does not go. Based on this, the author shows the circumstances that prevent legal science to comprehend the importance of understanding the breadth and diversity of this problem. Criticized a simplistic approach to ideological issues.

Key words: ideology, criminal procedural ideology, the ideological foundations of criminal justice, problematization.

«Идеологические основы уголовного судопроизводства»... На первый взгляд, очень внятная и понятная тема. Слова, составляющие ее, весьма известные, не раз упоминаемые в научной литературе как нечто само собой разумеющееся. Сама материнская тема — тема идеологии — находится, как модно сегодня говорить, в тренде и не только в сфере юриспруденции, но и в самых высоких государственных инстанциях. Курс на деидеологизацию уголовного судопроизводства признан ущербным уже не на уровне слов, а на уровне законотворчества и правоприменительной практики.

Однако при тщательном всматривании, вчитывании и вмысливании в объявленную тематику оказывается, что она имеет удивительную специфику в плане научной проблемной идентификации (проблематизации). С одной стороны, никто не отрицает, что идеологическая проблема, если понимать ее в самом широком смысле со всеми всевозможными ответвлениями и вкраплениями, имеет место. Более того, эта проблема определенно популярна, уважаема и в последние годы даже любима. Мнения, высказываемые и выкрикиваемые на ее счет, рассыпаются разноцветным бисером

различных аспектов, нюансов, пристрастий, антипатий, многочисленных доводов *pro et contra*.

Проблема есть. Проблема эмпирически проявленная. Казалось бы, бери все это, анализируй, синтезируй, систематизируй, выявляй закономерности и тенденции, сплети их в жгуты новых перспективных концепций, выплавляй теории. Но, увы, идеологическая проблематика в юридической и тем более уголовно-процессуальной науке не предлагает простых подступов к себе. Феноменальная и ноуменальная многоаспектность идеологии как таковой, стихийность идеологических подходов и полиобъектность их применения, вульгарность трактовки и декларируемая априорность ключевых идеологических понятий, а также масса других «особых примет» делают эту проблему весьма неудобной для быстрого и однолинейного освоения и структурной конкретизации. Кроме того, наш личный опыт исследования показал, что чем больше погружаешься в идеологическую тематику, тем больше она представляется неприступной, как скала без выступов. Все торчащие из этой «скалы» многочисленные частные мнения оказываются на поверку многообещающими «всходами» без глубоких корней. За них невозможно зацепиться при разностороннем сущностном освоении проблемы, требующем надежных точек опоры. По этим хрупким проросткам «когнитивных лиан» невозможно подняться на нужную вершину знания, позволяющую окинуть объективным взором все нюансы идеологической подоплеки современного уголовного процесса. И неизбежно в сознании всплывает вопрос: А нужно ли вообще туда подниматься? Нужно ли вбивать новые крючья в скальную породу идеологических предпосылок? Жила уголовно-процессуальная наука без проблематизации этих основ, поживет и еще. «Подножного» знания о проблеме вполне достаточно для решения текущих процедурных вопросов, латания законодательных пробелов и нестыковок. Вслед за этими «экзистенциальными» вопросами следуют раздумья вполне прагматичные. Может быть, эта вершина давно уже покорена и обжита иностранными проводниками, и есть резон лишь погромче по-иностранному крикнуть в вышину и попросить их по-братски сбросить интеллектуальный канат с удобными концептуальными узлами, а затем неспешно подняться по предложенным снастям на вершину и удовлетворить свое исследовательское любопытство готовыми ответами? Мы бы, наверное, были не против такого развития событий, но, увы, на подобные призывы пока откликается только эхо, да и специфика идеологической проблемы такова, что в первую очередь интересными в данном направлении представляются размышления соотечественников. А вот с этим как раз есть сложности. У нас невольно складывается впечатление, что в уголовно-процессуальной науке никто целенаправленно не штурмовал и кроме нас не собирается штурмовать гору, имя

которой «идеологические основы уголовного судопроизводства». Никто не отваживается забираться под облака. Судя по всему, тема идеологических основ (во всей своей концептологической сущности) относится к разряду тех проблем, которые у нас никто не украдет по той простой причине, что кроме нас эти проблемы никому не откроют своих тайн, и нам пока открывают неохотно.

Вместе с тем мы не можем не отметить, что тропинки к этой образной идеологической скале ведут хотя и не многочисленные, но усердно утопанные. У ее подножия мы обнаружили немало следов и «останков» предшественников. Есть и яркие надписи на этой скале, привлекательные лозунги, ругательства... Но все это располагается не очень высоко, не выше уровня человеческого роста. А на вершину, судя по всему, так никто и не поднялся. Рискнем предположить, что предшественники даже не поднимали голову, чтобы хоть в планах и мечтах прикинуть этот подъем.

Надеемся, читатель простит нам это образное введение в сложности проблематизации темы идеологических основ современного уголовного судопроизводства, поскольку образность в нашем случае есть инструмент особого эвристического приближения к проблеме, открытия в ней аспектов, которые до нас никто не видел. Нам чрезвычайно трудно было определиться, как приступить к ее сущности. Это только сначала «идеологические основы» представляют собой вполне понятную и осязаемую субстанцию.

Итак, первый вопрос, подаренный нам образом скалы, заключается в недоумении, почему идеологические проблемы в современной уголовно-процессуальной науке и ставятся, и решаются достаточно поверхностно. Теоретики права уже давно и активно осваивают эту тему, отмечают в «книжных летописях» мощными монографиями. Совсем недавно мы отозвались рецензией на подобную книгу [1, с. 327—336]. Уголовно-процессуальная наука пока реагирует лишь отдельными статьями и фрагментами кандидатских диссертаций. Конечно, нам могут возразить, что тема идеологии целиком аккумулируется тематикой принципов, а здесь дефицит интереса не наблюдается. В качестве примера можем привести монографию С. С. Безрукова [2] и поистине волшебную книгу В. Т. Томина [3]. Но мы полагаем, что тема принципов не исчерпывает собой темы идеологических основ. Более того, она почти целиком поглощается ею и в смысле научной строгости должна выводить из нее свои ключевые понятия, неслучайно в уголовно-процессуальной науке нет пока ни одного внятного объяснения идеологической сущности понятия принципов. Многие определяют принцип как идею, но дальше этой констатации не идут.

Есть и еще одна гипотеза, согласно которой идеологические проблемы в уголовно-процессуальной науке глубоко исследуются, правда, под другими именами. Так, вполне идеологичным выглядит докторское исследование, предпринятое И. Е. Адаменко. Он ищет именно идеологические точки опоры для отечественного уголовного процесса. Только он называет их системообразующими факторами и компонентами [4].

Серьезный идеологический труд проделан и Е. Г. Васильевой [5]. Мы с большим удовольствием обращаемся к нему в своей работе. Но при пристальной оценке все эти идеологические достижения оказываются лишь хорошим предпосылочным знанием или фактурой для обстоятельной критики. Их результаты могут существенно пригодиться при формировании научного представления об идеологических основах уголовного судопроизводства. Их можно включить как фрагменты учения. Но заменить отдельного монографического исследования они не могут, да и не претендуют на эту роль. Кроме того, сама проблема идеологических основ этими и другими авторами не актуализирована надлежащим образом.

Поверхностное освоение идеологической тематики, на наш взгляд, объясняется и тем, что идеологические проблемы исследователям представляются ясными и отчетливыми. Многие уже вполне определились в границах и предметном содержании этой проблематики, сформировали суровый образ врага и обнадеживающий образ панацеи. Так, процессуалисты «либерального клуба» видели и продолжают видеть проблему в том, что в современном уголовном судопроизводстве слишком много государственного участия и слишком мало гуманизма к тем участникам, кто по умыслу или неосторожности перестал чтить уголовный кодекс. Государство, по их мнению, должно быть озабочено не противодействием преступности, а заботой о правах и интересах личности, попавшей в сферу судопроизводства, причем речь шла и идет преимущественно о личности обвиняемого. Квинтэссенцией подобного подхода стала концепция уголовного судопроизводства как своеобразной формы ограничения государства [6].

Процессуалисты-государственники, напротив, все идеологические проблемы сводили и сводят к тому, что государство совершенно несправедливо перестало воспринимать уголовное судопроизводство как главнейшее средство борьбы с преступностью, совершенно неоправданно отказалось от целого ряда эффективных институтов и уклонилось от выполнения жизненно важных задач. Они отмечают, что подобный подход, реализованный в уголовно-процессуальном законе в ходе «либеральной реформы», снизил результативность и справедливость уголовного судопроизводства и привел к тому, что и так невысокое доверие населения к системе правосудия стало еще ниже.

В последнее время все чаще констатируется несостоятельность либеральной идеологической опоры современного судопроизводства. Так, И. Е. Адаменко пишет: «Сугубо формально воплощение либеральной идеологии в отечественное уголовное судопроизводство должно было повлечь за собой одно весьма важное последствие — повышение качества реализации уголовного закона, однако в действительности этого не произошло. По сравнению со своим предшественником (УПК РСФСР) УПК РФ не повысил качество (уровень) реализации уголовного закона» [4, с. 3].

В качестве примера антилиберального взгляда на идеологические проблемы уголовного процесса можно привести и рассуждения профессора В. А. Азарова, написавшего по этому поводу обстоятельную статью с показательным названием «Уголовно-процессуальная идеология и одновременная фразеология» [7, с. 4—8]. Суть его позиции сводится к тому, что либеральная идеология, положенная в основу уголовного судопроизводства, в конечном итоге существенно ослабила его эффективность, что привело к ущербу в плане защиты все той же личности, о которой так заботились реформаторы. В. А. Азаров предложил отказаться от либеральных концептов и вернуться к идеологии, составлявшей основу советской модели уголовного процесса, предусматривавшей примат государственных интересов во всех сферах общества. В заключение своей статьи он так и написал: «Думается, что идеологической основой нового УПК РФ должны служить идеи, взгляды и представления об усилении влияния государства через своих представителей в сфере уголовного судопроизводства» [7, с. 8].

Мы не станем давать оценку указанным позициям и принимать чью-либо сторону. Наша задача — обозначить подходы, которые присутствуют сегодня в науке при постановке идеологических проблем. Эти подходы, по нашему мнению, являются проблемными главным образом в эмпирическом смысле. Авторам известны как плохие, так и хорошие идеологические основы, и в смене одних на другие они уповают больше на волю законодателя, чем на научные открытия. В приведенной цитате из статьи В. А. Азарова мы улавливаем мысль о том, что все, что нужно для смены идеологического курса, в науке уже есть: и идеи, и взгляды... Вот в этом мы как раз и сомневаемся. Без добротных теоретических изысканий идеологических основ уголовного судопроизводства не сотворить. Все предлагаемые рецепты будут лишь советами по «самолечению». А для настоящего исцеления современному уголовному процессу нужна настоящая идеологическая диагностика, причем не просто идеологическая, а концептуально-идеологическая. В этом термине нет тавтологии. Это установка на то, что и к самим известным и неизвестным идеям нужен такой «дуальный

подход». Мало знать содержание и суть идеи, необходимо разобраться, к разряду каких идей она относится — феноменальных или ноуменальных. В контексте такого подхода вполне закономерен вопрос: является ли идеология либерализма, восхваляемая или критикуемая, собственно уголовно-процессуальной идеологией? Для В. А. Азарова это вопрос решенный. Для нас — нет. Нам представляется, что широта и глубина самого термина «идеология» вносят серьезную сумятицу в научные ряды. Происходит смешение самого понятия уголовно-процессуальной идеологии и определенного «запроцессуального» идеологического контекста, в котором эта идеология формируется. В качестве примера такого контекста либеральная идеология как раз и является весьма подходящей. Вокруг ее ключевых идей ведутся ожесточенные теоретические схватки. Ей достается в самых разных сферах: экономике, юриспруденции, государственном строительстве... Всюду либеральному подходу предъявляются претензии. Уголовный процесс здесь не остается в стороне. Все громче звучат сомнения в идеологической безупречности его основных концептов, выводящих уголовно-процессуальные нормы из идеи первенства свободы и общечеловеческих ценностей. В качестве альтернативы предлагаются «культурные ценности русского народа» и другие новые идеологемы, среди которых можно обнаружить уже и идею искусственного интеллекта. Однако все это делается по наитию, без серьезного концептуально-идеологического анализа. Осознанной методологической проблематизацией идеологических основ так никто и не занимается, а данной мыслительной процедуре следует подвергнуть многие объекты. Мы полагаем, что сам по себе термин «уголовно-процессуальная идеология» вне его связи с конкретным идеологическим проектом является, по сути, проблемным. Однако проблемные стороны разглядеть не так просто. К нему можно подобаться только отталкиваясь от воззрений, касающихся конкретных идеологических концепций, в частности концепций состязательности и розыска. Именно эти два направления сегодня презентуются в виде полярных уголовно-процессуальных идеологий. Но презентуются опять же с опорой на констатацию некой известности всех нюансов этих идеологических конструкций.

Нужно заметить, что сам термин «идеология» в научных работах обретает некое волшебное свойство... Его все чаще используют в качестве специальной добавки: и для унижения, и для возвышения определенных феноменов, имеющих для уголовного процесса программирующие свойства. Так, характеризуя технологию розыска уголовного судопроизводства именно как идеологию, ее критики тем самым пытаются показать всю ее вредоносность и процедурную несостоятельность,

обнародовать ее коварные намерения. В то же время, говоря об идеологии состязательности, соответствующие сторонники делают это в весьма позитивном аспекте и созидательном звучании, подчеркивая ее «райские» возможности и отсутствие подходящей альтернативы. Как видим, термин «идеология» способен и усилить, и ослабить технологическую оценку уголовно-процессуальных институтов. Но и это наблюдение не отменяет нашего вывода о том, что относительно идеологических вопросов в науке уголовного процесса никогда не возникало ощущение особой теоретической проблемности. Мы считаем, что подъем на образную идеологическую вершину не состоялся не потому, что это было чрезвычайно опасно и сложно, а, судя по всему, в этом не было явной осознанной эпистемологической необходимости. Не испытывает ее наука и сейчас, хотя испытывать, по нашему мнению, должна и даже обязана. Это веление времени.

Нам представляется, что нынешний день — это время, прежде всего, идеологическое. Идеологическое в том простом и одновременно глубоком смысле, что настала пора активных идеологических поисков. Поисков той плотной опоры, на которую может опереться энергия развития страны в целом и отдельных ее отраслей в частности. Само «развитие» становится ключевой направляющей идеей социальных преобразований. Призывы к поиску идей и идеологий слышны во всех сферах общественной жизни. Происходит осознание того, что без добротного научного идеологического осмысления не может правильно развиваться ни одна отрасль государственной деятельности. Свою созидательную идеологию ищут технари, ищут ее и гуманитарии. Ни «физики», ни «лирики» — никто не выпадает из-под власти наступившего идеологического времени, требующего ответы на многие вопросы.

В своих публикациях мы уже обращали внимание на то, что активные идеологические «брожения» наблюдаются и в сфере уголовного судопроизводства. Само слово «идеология» толкает исследователей к этому. Сегодня уже никого не удивляют и не смущают такие словосочетания, как «состязательная идеология», «розыскная идеология», «следственная идеология» и «инквизиционная идеология». Но желания разрабатывать эти идеологии на серьезном методологическом уровне пока не возникает, поэтому метафора «брожение» является подходящей. Она означает возникновение необходимой энергетике, отсутствие должной упорядоченности. Прежде чем переходить к решению идеологических проблем, их необходимо должным образом поставить. Нельзя осознанно решать неосознанные проблемы. Пока же освоение идеологических проблем часто заканчивается исключительно на терминологиче-

ском уровне, т. е. просто употреблением слова идеология. Авторы нередко даже не стремятся показать, для чего они это слово использовали.

Идеологические проблемы нужно конкретизировать и ранжировать предельно четко. Они крайне важны для уголовно-процессуальной теории, поскольку способны оказать существенное влияние на современные интерпретации ее основных понятий. Мы уже писали о том, что под напором этих понятий «начинают сгибаться и потрескивать постулаты уголовно-процессуальной типологии, слегка деформируется учение о принципах, в частности, и само понятие принципов. Иные очертания приобретают такие феномены, как состязательность и розыск. Даже „зловещее“ понятие инквизиционности в русле новых идеологических течений в уголовно-процессуальной науке выглядят чуть иначе... Уже не так однозначно зловеще, а всего лишь методологично» [8, с. 8—11]. Однако признаки идеологического времени лишь создают предпосылки для активизации научного интереса, но никак не обозначают четких контуров самих идеологических проблем. Как это ни тавтологично звучит, но проблеме идеологических основ нужна глубокая проблематизация — осознанная методически правильная процедура конкретизации. Пока же эта проблема туманна и расплывчата, как и само понятие уголовно-процессуальной идеологии. В свое время мы вошли в эту проблематику с вполне определенными представлениями. Идеи, составляющие костяк идеологических основ, изначально представлялись нам в качестве неких туманных первоидей, которые и предстояло отыскать и расшифровать. По этому поводу нами была написана статья, где мы озадачились целым рядом вопросов. Много ли мы сегодня знаем об изначальных идеях, вдохнувших жизнь в существующие типы уголовного процесса, действующие формы процессуальных институтов и отдельных формальных действий? Знакомы ли мы хотя бы в общих чертах с той первой ключевой идеей, которая воплотилась в уголовный процесс как культурно-исторический феномен? И вообще, была ли он эта первая идея? Предшествовали ли появлению первых судебных ритуалов какие-либо концепты, или же идеи, как таковые, возникли позже зарождения уголовно-процессуальной обрядности [9, с. 67—71]? Все эти вопросы были необходимыми шагами к проблематизации идеологических основ современного уголовного судопроизводства. Именно тогда мы отметили, что современная наука уголовного процесса не особо задается этими «дремучими» вопросами, не ищет инструментов, которыми бы можно было обнаружить, абстрагировать и актуализировать эти идеи. На наш взгляд, низкий уровень пытливости обусловлен иллюзией, что данные «котческие» и «материнские» идеи давно известны как сами собой разумеющиеся,

и что именно они составляют существо уголовно-процессуальных принципов современного судопроизводства, что общие категории уже давно открыты, и удел науки — детализация частных. Но наше исследование показало, что это иллюзия. Не стоит забывать, что более всего следует сомневаться в истинах, которые кажутся нам очевидными. Уголовно-процессуальная наука ведет себя так, будто она давно ответила на вопрос о том, что было вначале уголовно-процессуальной цивилизации, из каких ключевых идей она развилась. Но мы подобного ответа пока не обнаружили, не встретили текста, где прочитали бы о том, что вначале уголовного процесса была такая вот идея. Впрочем, подобный «идеализм» в науке уголовного процесса не популярен. Даже если авторы вдруг обращаются к нему, то делают это с большой опаской. Вот интересная цитата из работы Е. Г. Васильевой: «Парадокс заключается в том, что понятие процесса для того, чтобы быть единым для всех его пространственно-временных форм, должно быть свободно от последних, в то время как в самом существе своем процесс обычно представляется не иначе как свод определенных туземных правил. С этих позиций процесс скорее можно представить не как совокупность реальных процедур, а лишь как некую идею, обнимающую все его воплощения. Но поскольку любые идеализации, как впрочем, и абстракции, истине в принципе не релевантны, постольку и это знание не будет достоверным» [5, с. 10]. Подобная категоричность автора по поводу низкой достоверности результатов «идеологического подхода» есть тоже яркий штрих «к проблеме проблематизации». Как видим, здесь сама сложность пути преподносится как его нецелесообразность, ибо он априори ведет к заведомо ничемному результату. Но подчеркнем, что констатация этой ничемности именно априорная. Очень напоминает известный психологический «принцип зеленого винограда», поводом для которого стала басня о лисице. Суть сюжета сводится к тому, что после неуспешных попыток достать гроздь винограда, лиса все усилия сосредоточила на том, чтобы доказать себе, что виноград ей не нужен, поскольку он кислый, невкусный и т. д. Мы полагаем, что этот путь не для нас. Желание найти первоидею заставляет нас упорно двигаться в сторону идей и идеологии. Нужно непременно искать и осмысливать эти идеи. Идеи, которые лежали в основании уголовного процесса как некоего уникального «планетарного» феномена. Идеи, которые и сейчас дают о себе знать через различные парадоксы уголовно-процессуального права и «нестандартные решения» юридической практики. Искать и осмысливать в проблемном ключе, невзирая на все сложности проблематизации.

1. Конев А. Н., Баранов В. М. Методологическая роль общетеоретического анализа правовой идеологии для отраслевых юридических наук, материальных и процессуальных систем действующего российского законодательства: рецензия на монографию А. И. Клименко «Правовая идеология современного политически организованного общества» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (44). С. 327—336.

2. Безруков С. С. Теоретико-правовые проблемы системы и содержания принципов уголовного процесса: моногр. М.: Юрлитинформ, 2016.

3. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009.

4. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: дис. д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018.

5. Васильева Е. Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование: моногр. М.: Юрлитинформ, 2013.

6. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту, 1991.

7. Азаров В. А. Уголовно-процессуальная идеология и одновременная фразеология // Вестник Омского государственного университета. 2006. № 3. С. 4—8.

8. Конев А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства: новые понятия, новые подходы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 8—11.

9. Конев А. Н. Идеологические основы уголовного судопроизводства России: контуры проблем и очертания концепций // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 23. С. 67—71.

1. Konev A. N., Baranov V. M. Methodological role of General theoretical analysis of legal ideology for branch of legal Sciences, material and procedural systems of the current Russian legislation: review of the monograph by A. I. Klimenko "Legal ideology of modern politically organized society" // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Russian interior Ministry. 2017. No 4 (44). P. 327—336.

2. Bezrukov S. S. Theoretical and legal problems of the system and the content of the principles of criminal procedure: monograph. Moscow: YurLitinform, 2016.

3. Tomlin V. T. Criminal procedure: actual problems of theory and practice. Moscow: Yurayt, 2009.

4. Adamenko I. E. Criminal procedural activity: system-forming bases and components: dis. dr. jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2018.

5. Vasilyeva E. G. criminal procedure: dogmatic-axiological study: monograph. Moscow: YurLitinform, 2013.

6. Mizulina E. B. criminal procedure: the concept of self-restraint of the state. Tartu, 1991.

7. Azarov V. A. Criminal and procedural ideology and phraseology // Herald of Omsk state University. 2006. No 3. P. 4—8.

8. Konev A. N. Ideological bases of criminal proceedings: new concepts, new approaches // Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2018. No 1 (45). P. 8—11.

9. Konev A. N. Ideological basis of criminal proceedings in Russia: contours of problems and outlines of concepts // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2013. No 23. P. 67—71.

УДК 340.12
ББК 67.022.155

DOI 10.25724/VAMVD.CHIJ

К. Б. Донцова

О ПОНЯТИИ, СОДЕРЖАНИИ И СТРУКТУРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

Целью настоящей статьи является формирование определения понятия материального права, описание его существенных черт, специфики предмета регулирования, а также теоретическое моделирование структуры материально-правового блока. Основным методологическим подходом исследования избран системно-структурный анализ. Определяется сложная функциональная структура материального права, указывается ряд его существенных черт, дается его авторская дефиниция. Структуру материального права предлагается рассматривать в двух срезах: отраслевом (предметном) и функциональном. На основе функционального анализа в структуре материального права выделяются три подгруппы норм: регулятивные нормы материального права первичного характера, устанавливающие отправные правовые начала, права и обязанности участников материальных регулятивных правоотношений; охранительные нормы права материального содержания, предусматривающие основания и меры юридической ответственности за нарушение первичных регулятивных норм материального права; организационно-процедурные нормы материального права, устанавливающие организационные начала и отдельные процедуры реализации регулятивных материально-правовых предписаний первичного характера. Критикуется позиция, согласно которой организационно-процедурные нормы права регулятивного характера ошибочно включаются не в материальное, а в процессуальное право.

Ключевые слова: система права, материальное право, функциональная структура материального права, организационно-процедурные нормы права.

С. В. Dontsova

ABOUT THE CONCEPT, CONTENTS AND STRUCTURE OF THE SUBSTANTIVE LAW

The purpose of this article is to form the definition of the concept of material law, the description of its essential features, the specifics of the subject of regulation, as well as the theoretical modeling of the structure of the material-legal unit. The main methodological approach of the study is system-structural analysis. The complex functional structure of material law is determined, a number of its essential features are indicated, and its author's definition is given. The structure of substantive law is proposed to be considered in two main sections: branch (subject) and functional. On the basis of functional analysis in the structure of substantive law there are three subgroups of rules: the regulatory norms of substantive law of primary character, establishing the starting legal principles, the rights and obligations of participants of material regulatory legal relations; the protective rules of substantive law, providing the grounds and measures of legal liability for violation of primary regulatory norms of substantive law; organizational and procedural rules of substantive law, establishing organizational principles and separate procedures for the implementation of regulatory substantive regulations of primary nature. The position is criticized, according to which the organizational and procedural rules of the law of regulatory nature are mistakenly included not in the material, but in the procedural law.

Key words: system of law, the substantive law, the functional structure of the substantive law, organizational and procedural rules of law

Совершенствование и развитие норм материальной подсистемы российского права неизбежно вызывает соответствующие изменения и в процессуальном праве, призванном во многом обеспечить надлежащую реализацию и защиту материально-правовых предписаний. Однако модернизация

обозначенных наиболее крупных подсистем российского права осуществляется далеко не всегда последовательно и планомерно, что часто вызывает состояние их существенного дисбаланса и создает реальную угрозу нарушения правопорядка в обществе. До настоящего времени материальное

право и материально-правовые нормы не подвергались обстоятельному самостоятельному исследованию в общей теории права.

Дифференциация таких юридических явлений, как отрасли права, правоотношения, юридические факты, нормативные правовые акты на материальные и процессуальные носит объективный характер, причинно-следственное объяснение которому кроется внутри системных функциональных связей правовой системы общества и в предметной сфере самого процесса правового регулирования. Другими словами, деление права и иных правовых явлений на материальные и процессуальные не чисто умозрительная конструкция, оно имеет практически-прикладное значение, которое признается абсолютным большинством специалистов в области правоведения.

Понятие «материальность» можно распространить на любое правовое явление ввиду его участия в том или ином качестве в процессе правового воздействия на общественные отношения. Однако подобное использование термина «материальный» в теории права не имеет столь существенного значения, какое, напротив, заложено в понятийную конструкцию «материальное право» в рамках категориальной дихотомии «материальное и процессуальное право». В самом общем виде научное понятие «материальное право» призвано отразить относительно обособленную единую систему норм права, непосредственно регулирующих наиболее важные сферы социальной жизни. Кроме того, в систему материального права включаются и охранительные нормативно-правовые предписания, обеспечивающие действие регулятивных норм. В данном случае не подлежит сомнению, что материальными являются уголовные и административные нормы права, устанавливающие основания и меры юридической ответственности за совершение соответствующих правонарушений.

Именно нормы материального права закрепляют основы общественного и государственного строя страны, устанавливают формы собственности, материальные способы и гарантии защиты права, правоспособность субъектов, их права и обязанности, правовое положение имущества, учреждают порядок образования и структуру органов государственной власти, предусматривают основания и систему мер ответственности за правонарушения, организационно-правовые формы создания юридических лиц и т. д. Предметом регулирования материального права выступают значимые государственно-управленческие, имущественные, личные неимущественные, финансовые, трудовые, жилищные, семейные, экологические

и иные отношения. Фактическое содержание перечисленных общественных отношений составляет необходимую объективную основу для наименования норм права, их регламентирующих. Материальное право преимущественно функционально направлено на установление в рамках правовой системы первичных взаимных прав и участников общественных отношений.

В юридической литературе материальной составляющей системы права незаслуженно уделяется недостаточное внимание в том отношении, что отсутствует развернутое определение понятия материального права, описание его существенных черт, специфики предмета регулирования, не представлена в общетеоретическом плане собственная структура материально-правового блока. При этом имеется суждение о том, что «общая теория права в ее нынешнем состоянии индифферентна к различиям материального и процессуального права при оценке правовых явлений, и в большей мере ее можно считать «теорией материального права» [1, с. 18]. Парадоксальность ситуации в теоретическом осмыслении материального права состоит в том, что, по сути, в отечественной юридической науке презюмируется его определяющий характер в системе права, а также теоретическая ясность его содержания и специфики в отношении взаимодействия с процессуальным правом. В результате материальное право как объект самостоятельного правового исследования фактически не представлено в научных публикациях.

Е. Г. Лукьянова справедливо обращает внимание на полное молчание в теории права по вопросу о критериях отнесения той или иной отрасли к материальному праву, самом понимании «материальной отрасли права». Законодательное обособление уголовного и уголовно-процессуального права, гражданско- и гражданско-процессуального права дало повод правоведам не затруднять себя дополнительным обоснованием самостоятельной сущности материально-правового блока в системе права. В сложившейся ситуации общая теория права остается без надлежащего раздела знаний о материально-правовой составляющей. Е. Г. Лукьянова следующим образом характеризует столь удивительное положение вещей в отечественном правоведении: «Понятие „материальной отрасли права“ в системе права вообще не фигурирует. О материальном праве, материальной норме, материальном правоотношении говорят только тогда, когда надо отделить и не смешивать их с процессуальным правом, процессуальной нормой, процессуальным правоотношением. Гражданское право само по себе никто не называет „материальным“, не называют „материальным“ само по себе колхозное, трудовое, земельное и другие отрасли права.

Такого наименования нет ни в одном из существующих изложений системы нашего права, нет его и в заглавиях учебников по соответствующим отраслям права, нет его в законодательных актах. Необходимость в дополнительном эпитете „материальное“ появляется только при обращении к процессу» [2, с. 57].

По вопросам понятия, содержания и структуры материального права практически отсутствуют специализированные научные изыскания как общетеоретического, так и отраслевого характера. В отдельных публикациях проблема природы материальной составляющей системы права обсуждается лишь попутно при анализе иных вопросов, что свидетельствует о существенном пробеле в теоретико-правовом знании.

В общей теории права о материальной составляющей упоминают лишь для указания самого факта деления права на материальное и процессуальное и не более того. Суть подобных высказываний ограничивается, как правило, одним или двумя утверждениями общего свойства. Примером может служить верное, но весьма общее утверждение С. В. Полениной, охарактеризовавшей соотношение норм материального и процессуального права следующим образом: «Первые определяют правовой статус субъектов будущих процессуальных отношений, условия и основания возникновения таких отношений. Способ разрешения спорных ситуаций при реализации норм материальных отраслей права устанавливается процессуальными отраслями» [3, с. 8].

Д. М. Азми, обращаясь к проблемам структуры права, также ограничивается самой общей формулировкой: «Материальное право составляют правовые нормы, регулирующие непосредственно, в собственном смысле слова, правила поведения лиц (складывающиеся именно в ходе самой основной составляющей социального взаимодействия, т. е. независимо от процедурных аспектов их реализации, практического воплощения). Оно представлено посредством именно управленческих, имущественных и личных неимущественных (гражданских — в узком смысле данного слова), трудовых, семейных, образовательных, охранительных (также в „зауженном“ значении), иных правовых отношений такого же порядка» [4, с. 27].

В работе Р. В. Шагиевой материальное право предстает как комплекс правовых норм и отраслей, регулирующих общественные отношения, реально складывающиеся в ходе повседневной деятельности людей по созданию, распределению, обмену и потреблению разнообразных социальных благ во всех основных сферах жизнедеятельности человеческого общества. Оно занимает

исходное место в правовом регулировании, и его назначение заключается в приведении в определенный порядок прежде всего повседневной жизни общества: владение, пользование и распоряжение имуществом, его купля-продажа, трудовая и политическая деятельность, государственное управление, воспитание детей и т. д. Совокупность всех материально-правовых норм образует в правовом массиве нашей страны первичный пласт [5, с. 16].

Представители отраслевых юридических наук также не предлагают четкого критерия выделения материального права. Например, В. Н. Скобелкин определяет круг материальных норм в трудовом праве лишь посредством указания их отдельных видов, не оперируя общим критерием. Автор указывал в связи с этим следующее: «Обычно различие между ними проводится примерно так: материальные нормы устанавливают права и обязанности субъектов, подлежащие реализации, а процессуальные — порядок реализации этих прав и обязанностей. К этому иногда добавляют, что первые предоставляют права и обязанности в интересах самих субъектов, а вторые — в интересах других лиц (это относится, в основном, к правоприменяющим органам). В самой общей форме, в первом приближении такой подход можно считать приемлемым» [6, с. 105].

Структура материального права может быть рассмотрена в нескольких срезам: отраслевом (предметном) и функциональном. В отраслевом структуру материального права составляют предписания конституционного, гражданского, административного, уголовного, трудового и иных отраслей права. В функциональном все нормы материального права можно подразделить на регулятивные и охранительные. При этом следует констатировать преобладание в материально-правовом блоке именно регулятивных предписаний. Кроме того, для большей точности функциональный анализ позволяет выделить в структуре материального права три подгруппы норм:

— регулятивные нормы материального права первичного характера, устанавливающие отправные правовые начала, права и обязанности участников материальных регулятивных правоотношений, определяющие их правоспособность, а также фактические основания их возникновения, изменения и прекращения;

— охранительные нормы права материального содержания, предусматривающие основания и меры юридической ответственности за нарушение первичных регулятивных норм материального права, определяющие субъектов юридической ответственности, деликтоспособность, а также основания освобождения и исключения юридической ответственности;

— организационно-процедурные нормы материального права, устанавливающие организационные начала и отдельные процедуры реализации регулятивных материально-правовых предписаний первичного характера, предусматривающие основания и порядок реализации процедурных материальных правоотношений по регистрации сделок с недвижимостью, начислению пенсий и т. д.

Материальные организационно-процедурные нормы выступают необходимым средством реализации целого ряда материальных первичных регулятивных предписаний, находятся с ними в диалектическом взаимодействии. Особенно важным полагаем подчеркнуть тот факт, что в законодательном плане подобные процедурные нормы не могут быть обособлены от соответствующих отраслей материального права.

По причине сказанного следует не согласиться с мнением В. М. Горшенева, включающего организационно-процедурные нормы регулятивного свойства не в материальное, а в процессуальное право. С точки зрения ученого, «каждая отрасль материального права, особенно при наличии в ней норм, которые не могут реализовываться без правоприменительного процесса, имеет соответствующие процессуальные нормы с самой различной степенью группировки... Они обладают определенной самостоятельностью по отношению к отраслям материального права и не входят в их содержание в качестве составных частей» [7, с. 231].

Рассматриваемая позиция не соответствует реальному системному построению нормативно-правового материала, самостоятельность организационно-процедурных регулятивных норм искусственно провозглашается автором и не находит своего подтверждения на практике. Кроме того, следуя подобной логике, можно и вовсе довести ситуацию до абсурда, что предполагает законодательное разделение процедурных норм, например, гражданского права от основных его материально-правовых институтов (договорного права, вещного права и т. д.), их объединение в некоем отдельном, условно назовем его «нормативно-процессуальном» акте. Весь ход развития отечественного и зарубежного материального права свидетельствует об обратном — о недопустимости смешения организационно-процедурных норм материально-регулятивной направленности с процессуальными нормами охранительного назначения. При этом материальный характер процедурных норм регулятивного свойства отрицать крайне сложно и вряд ли перспективно в практическом и теоретическом плане.

При рассмотрении содержательной специфики и структурных особенностей материального права

следует упомянуть о том, что нормы, составляющие основу организации судебных органов, в отличие от процедурных норм их непосредственной деятельности имеют именно материально-правовой характер. Данный вывод подтверждается отраслевыми теоретико-правовыми изысканиями. Так, в ходе анализа права граждан на судебную защиту представители науки конституционного права подразделяют его гарантии на две группы: материально-правовые, обеспечивающие необходимую системную организацию судебной власти в целях выполнения ею функций по отправлению правосудия; процессуальные инструменты реализации права на защиту в виде норм, регламентирующих процессуальную деятельность судов по рассмотрению и разрешению споров [8, с. 5]; [9, с. 6]. К материальному праву нужно относить нормы, устанавливающие основы судебной системы, принципы и гарантии судебной деятельности, а также предписания, регламентирующие правовой статус судей, компетенцию судов.

Организационно-процедурные материальные нормы по критерию их связи с правоприменением представляется целесообразным подразделять на две основные группы:

— устанавливающие обычный порядок реализации диспозиций первичных материальных правовых норм, которые не связаны с применением права (например, порядок заключения договора, процедуры вступления в наследство, порядок расторжения сделки и т. п.);

— предусматривающие процедуры позитивного правоприменения (не связанного с возложением юридической ответственности за совершенное правонарушение), т. е. регламентирующие применение регулятивных норм материального права (например, порядок назначения и исчисления пенсии, процедуры выделения земельного участка, порядок осуществления регистрационных действий в отношении сделок с недвижимостью и др.).

Таким образом, с позиции близости к исходной социальной структуре материальным общественным отношениям, регулируемым правом, обозначенные группы процедурных регулятивных норм в большей степени «материальны» в сравнении с материальными охранительными правовыми предписаниями.

В юридической литературе поднимается вопрос о возможности выделения материальной составляющей в международном праве, что отчасти составляет определенную область для специализированного научного исследования. При самом же общем рассмотрении полагаем, что подобный ракурс видения проблемы имеет право на жизнь. Однако четкой разграничительной линии в между-

народных правовых актах нормативного характера материальных и процессуальных предписаний часто не проводится. По этому поводу Д. М. Азми отмечает: «Деление права на материальное и процессуальное признавалось и на уровне международной правовой системы. Но при этом отраслевой состав в рамках самого процессуального блока не выделялся, так как в каждой из признаваемых отраслей норм международного права допускалась возможность наличия не только материальной, но и процессуальной составляющей. Такое видение было актуально вплоть до настоящего времени. Отражается оно и в нормативно-юридических данных международного толка» [4, с. 27]. Автор в подтверждение собственной позиции приводит пример распоряжения Правительства Российской Федерации «О подписании Договора между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей» от 6 ноября 2008 г. № 1628-р, которое содержит, в том числе, сам договор, имеющий смешанный материально-процессуальный характер. Материальные правовые предписания установлены в общих положениях договора и касаются общих вопросов сотрудничества стран в обозначенной

сфере, обмена информацией. Процессуальные предписания доминируют в количественном отношении [10]. В них устанавливается сама процедура усыновления.

Конституция Российской Федерации декларирует включение норм международного права в правовую систему России, поэтому указанные предписания международного права материального характера также необходимо включать в структуру материальной составляющей системы российского права.

В завершение дадим следующую дефиницию материального права: материальное право — это целая относительно самостоятельная нормативно-правовая подсистема, объединяющая ряд отраслей права, а также нормы международного права материального характера, имеющая своим предметом непосредственного правового регулирования экономические, политические, социально-культурные и иные отношения, структурно включающая в себя регулятивные нормы первичного характера, охранительные нормы материального содержания, а также организационно-процедурные правовые предписания.

1. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. 143 с.

2. Лукьянова Е. Г. Теория процессуального права. М.: НОРМА, 2003. 233 с.

3. Поленина С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5—12.

4. Азми Д. М. К вопросу о системном значении и соотношении материального и процессуального права // Законодательство и экономика. 2010. № 2. С. 24—30.

5. Шагиева Р. В. Процессуально-правовые нормы и некоторые вопросы их реализации в зрелом социалистическом обществе. (Общетеоретические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1982. 174 с.

6. Скобелкин В. Н. Нормы нематериального характера в трудовом праве // Трудовое процедурно-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В. Н. Скобелкина. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002. 504 с.

7. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М.: Юрид. лит., 1972. 258 с.

8. Вершинин В. Б. Материально-правовые гарантии права на судебную защиту // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 5—7.

1. Protasov V. N. Fundamentals of General procedure theory. Moscow: Yurid. lit., 1991. 143 p.

2. Lukyanova E. G. the Theory of procedural law. Moscow: NORMA, 2003. 233 p.

3. Polenina S. V. the Interaction of law system and legislation system in modern Russia // State and law. 1999. No 9. P. 5—12.

4. Azmi D. M. about the system value and the ratio of substantive and procedural law // the Legislation and economy. 2010. No 2. P. 24—30.

5. Shagieva R. V. Procedural-legal norms and some implementation issues in a Mature socialist society. (Theoretical problems): dis. kand. the faculty of law. Kazan, 1982. 174 p.

6. Skobelkin V. N. Norms of intangible nature in labor law // Labor procedural law: textbook / ed. by V. V. N. Skobelkin. Voronezh: Publishing house Voronezh state University, 2002. 504 p.

7. Gorshenev V. M. Methods and organizational forms of legal regulation in the socialist society. Moscow: Yurid. lit., 1972. 258 p.

8. Vershinin V. B. substantive guarantee of the right to judicial protection // The Russian justice. 2016. No 9. P. 5—7.

9. Vershinin V. B., Moleva G. V. Procedural guarantees of judicial protection // The Russian justice. 2015. No 9. P. 6—9.

9. Вершинин В. Б., Молева Г. В. Процессуальные гарантии осуществления судебной защиты // Российская юстиция. 2015. № 9. С. 6—9.

10. О подписании Договора между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей: распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2008 г. № 1628-р // СЗ РФ. 2008. № 46. Ст. 5368.

10. On signing an agreement between the Russian Federation and the Italian Republic on cooperation in the field of adoption of children: order of the Government of the Russian Federation // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2008. No 46. St. 5368.

© Dontsova C. B., 2018

© Донцова К. Б., 2018

* * *

УДК 341.1/8
ББК 67.910

DOI 10.25724/VAMVD.CIJK

Р. А. Мерзликин, Д. В. Бойко, Т. В. Яловенко

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности международного права в их отношении к применению права по усмотрению. Исходя из специфики действия норм международного права, в правовом поле Российской Федерации выявляются очевидные проблемы его влияния на такой правовой институт, как правоприменительное усмотрение.

Отмечен ряд вопросов, связанных с соотношением международного права и правоприменительным усмотрением: какое решение принимать в ситуации противоречия норм внутринационального права и международного, как правоприменитель должен использовать общепризнанные принципы международного права, каким образом необходимо учитывать практику Европейского Суда по правам человека и др.

Рассматривается применение права по усмотрению в контексте соотношения международных и внутринациональных правовых норм. Авторы выделили две концепции такого соотношения: монистическую и плюралистическую.

Ключевые слова: право, правоприменительное усмотрение, международное право, внутринациональное право, права человека, правоприменение, коллизия, международное частное право, международный договор.

R. A. Merzlikin, D. V. Boyko, T. V. Yalovenko

THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW WHEN EXERCISING LAW ENFORCEMENT DISCRETION

The article focuses on some peculiarities of international law related to law enforcement at the discretion. Depending on the specific character of international law norms within the legal framework of Russia, the authors determine obvious problems of its influence on such a legal institute as law enforcement discretion.

The authors disclose a series of problems connected with the correlation of international law and law enforcement discretion: what decision should be made when there are some contradictions between norms of national and international law, how the law enforcer should apply universally accepted principles of international law, which way the practice of the European Court of Human Rights should be taken into consideration, etc.

Law enforcement at the discretion is considered in the context of correlation of international and national legal norms. The authors distinguish two concepts of correlation of international and national law: monistic and pluralistic ones.

Key words: law, law enforcement discretion, international law, national law, human rights, law enforcement, collision, international private law, international agreement.

Особенностью современного правоприменительного усмотрения и законности выступает тот факт, что согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Суды и иные правоприменительные органы обязаны учитывать эти положения, в том числе в случаях, когда они применяют право по усмотрению. Данные нововведения в правовую систему России нельзя рассматривать в отрыве от ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Исходя из специфики действия норм международного права, в правовом поле нашего государства выявляются очевидные проблемы его влияния на такой правовой институт, как правоприменительное усмотрение.

С учетом опыта международных отношений А. А. Головкин сформулировал свое определение усмотрения: «Усмотрение — это возможность международных органов, организаций, а также органов национальных государств отступать от прямого применения норм международного и национального права, в которых отсутствуют правила о разрешении конкретного конфликта или вопроса, подлежащих немедленному исполнению» [1, с. 24]. Хотя данное определение, по нашему мнению, является не особенно строгим, но учет норм международного права верен. Так, в практике работы Европейского Суда по правам человека сформулирована доктрина свободного усмотрения государства [2].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 2 февраля 1996 г. указал, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации и, соответственно, открывают дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений. Аналогичную позицию занял и Пленум Верховного Суда

Российской Федерации, указавший в постановлении «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10 октября 2003 г., что применение судами Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения конвенции.

Таким образом, в ситуации правоприменительного усмотрения наглядно встает ряд проблем: какое решение принимать в случае противоречия норм внутринационального права и международного, как правоприменитель должен использовать общепризнанные принципы международного права, каким образом необходимо учитывать практику Европейского Суда по правам человека и др.

В своем исследовании М. П. Исаева пришла к выводу о том, что международное и внутригосударственное право оказывают заметное влияние друг на друга [3].

В настоящее время в теории международного права господствуют две концепции соотношения международного и внутригосударственного права: дуалистическая и монистическая. Суть монистической заключается в верховенстве международного права во всем правовом пространстве. В соответствии с этим в ситуации коллизии внутринационального и международного права приоритет, несомненно, отдается последнему. Монисты также считают, что международное право имеет прямое действие на территории страны.

Представители судебной власти занимают несколько иную позицию: действовать на территории государства могут только самоисполнимые нормы. Таким образом, можно прийти к выводу, что механизм действия международного права непосредственно при правоприменении достаточно неоднозначен.

Последователи монистической позиции часто высказывают мнение о том, что международное право является частью внутринационального, поэтому механизм его действия не нуждается в дополнительной конкретизации.

Дуалистическая концепция подразумевает, что на территории государства действует не только внутринациональное право, но и международное. В рамках данной точки зрения считается, что внутринациональное право функционирует в пределах

одного конкретного государства и регулирует правоотношения между его гражданами, государством и гражданином. Предметом международного права выступают правовые отношения между различными государствами.

В странах, где приняты дуалистические принципы, сама идея непосредственного действия норм международного права кажется абсурдной и незаконной, здесь даже можно говорить о таких негативных явлениях, как произвол, должностные правонарушения.

О произволе как явлении, которое может наблюдаться в работе государственного служащего, и как факторе управленческой и правоприменительной деятельности упоминается и в международных правовых актах. Так, в Модельном кодексе поведения для государственных служащих, утвержденном Рекомендациями Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № R (2000) 10 «О кодексах поведения для государственных служащих» говорится: «При исполнении своих обязанностей государственный служащий не должен осуществлять произвол в отношении каких бы то ни было лиц, группы лиц или организаций и обязан учитывать права, обязанности и законные интересы других» (ст. 6) [4].

Необходимо иметь в виду, что в процессе государственного управления усмотрение в случае его бесконтрольного использования может перерасти в произвол. Именно этот момент является основным при решении вопросов о широком использовании усмотрения в правовой сфере и предполагает необходимость дальнейшего подробного изучения феномена правоприменительного усмотрения. Здесь можно согласиться с Д. В. Теткиным, который утверждает, что «законность — это особое состояние общественной и государственной жизни, состоящее в господстве права и закона в государственных и общественных отношениях, неукоснительном осуществлении предписаний правовых норм всеми их участниками, последовательной борьбе с правонарушениями и произволом в деятельности должностных лиц, в обеспечении правопорядка и организованности в гражданском обществе и правовом государстве» [5, с. 23].

Таким образом, можно констатировать, что правоприменительное усмотрение — это явление, имеющее открытый характер, что при определенных условиях может привести к переходу правовых границ и совершению преступных деяний в виде актов произвола и коррупции. Мы обратили внимание на наиболее общественно опасные явления, обозначив их как ситуации правоприменительного риска. Однако неконтролируемое усмотрение может порождать и иные соци-

ально-вредные последствия в виде бюрократизма, отчуждения граждан от власти, волюнтаризма, пренебрежения морально-этическими нормами, неэффективности управления и т. п. Все это требует пристального внимания к проблемам преодоления негативных качеств усмотрения, установления четких границ в его использовании, повышения гарантий законности и совершенствования механизмов обеспечения законности в ситуации правоприменительного усмотрения [6].

В своей работе О. Г. Иванова подчеркивает, что взаимозависимость и взаимодействие различных национальных уголовно-процессуальных законодательств (и шире — правовых систем) происходят главным образом через посредство международного права (общепризнанные принципы, стандарты правосудия и защиты прав человека, договоры о взаимной помощи и сотрудничестве и т. п.), а не машинально — через заимствования правовых категорий и норм друг друга [7]. В правоприменении часто встречаются такие ситуации, когда международные нормы играют важнейшую нормативную роль: в них и заключена диспозиция статьи, а следовательно, только с ее использованием можно применить правовую норму. Примером такой нормы внутринационального права является ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации, где закреплено право индивида обращаться в межгосударственные органы за защитой прав и свобод, которое обусловлено наличием соответствующих норм в международных договорах («Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации...»).

Еще одной ситуацией дихотомии норм международного и внутринационального права является существование отсылок норм закона: различные правоохранительные органы должны принять решение на основе не только норм национального права, но и международных договоров, на которые сделана отсылка, при этом деятельность по юридической квалификации деяния должна найти обязательное отражение в правоприменительном акте. Согласно ст. 106 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате документы, составленные за границей с участием должностных лиц компетентных органов других государств, принимаются нотариусом при условии их легализации органом Министерства иностранных дел Российской Федерации. Однако в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, такие документы принимаются нотариусом без легализации [7].

Несколько иная ситуация наблюдается, когда норма международного договора содержит отсылку на применяемый в данной ситуации закон.

Так, в соответствии с договорами о правовой помощи условия при заключении брака закрепляются для каждого будущего супруга законодательством того государства, гражданином которого он (она) является. Кроме того, должны соблюдаться требования законодательства в отношении препятствий к заключению брака того государства, на территории которого он заключается. Лицо, применяющее право, должно руководствоваться данными договорами в случае определения дееспособности физического лица (она устанавливается законодательством того государства, гражданином которого является данное лицо). Право- и дееспособность юридического лица подлежат определению по законодательству государства, согласно которому они было учреждено.

Сложные правоприменительные ситуации возникают, когда норма закона явно противоречит отдельным двухсторонним договорам, но при этом соответствует положениям общих многосторонних договоров (например, некоторые нормы советских, а теперь российских законов о консульских учреждениях и консульских отношениях соответствуют Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г., но в то же время не согласуются с отдельными правилами поведения, закрепленными в двусторонних консульских конвенциях, заключенных Союзом ССР и Российской Федерацией). Иногда норма внутринационального законодательства имеет противоречие с международными нормами двусторонних договоров, при этом же отсутствуют единые правовые положения международного характера (примерами таких ситуаций в Российской Федерации являются договоры о режиме Государственной границы и др.). В случае выявления данных противоречий вносить изменения в международный договор нецелесообразно, здесь необходима редакция закона в соответствии с договорами. Существует незыблемое положение о том, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются первые (ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Если в международном договоре имеются правила, требующие изменения некоторых положений Конституции Российской Федерации, то обязательность исполнения такого договора для нашей страны может быть установлена только федеральным законом после предварительного внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации либо после пересмотра положений Конституции Российской Федерации в установленном законом порядке. Результаты интерпретации указанных статей показывают,

что в Основном законе России не реализован принцип приоритета применения положений международных договоров в случае противоречия правовых норм.

Д. П. Стригунова отмечает, что при применении коллизионных норм представителям судебной власти, а также арбитрам приходится решать целый ряд вопросов, которые непременно возникают в применении судебного усмотрения [8].

Основанием судебного усмотрения считается коллизионность международного частного права. Она выражается в том, что в ситуации правового регулирования правовых отношений с иностранными субъектами часто наблюдается противоречие национальных правовых порядков, поэтому судебское усмотрение в рамках принятия решения по данной категории дел неизбежно.

При разрешении спора, одной из сторон которого является иностранный элемент, необходимо использование принципов международного частного права как специфической отрасли права: разумности, целесообразности, справедливости, добросовестности — а также специфических принципов по разрешению коллизий в международном праве (в сфере нормативного регулирования международных коммерческих договоров — автономии воли сторон, выбора наиболее близких норм регулируемых правовых отношений). Так называемые принципы разрешения коллизий являются нормативными основаниями для правоприменительного усмотрения судей, в то же время они служат средством ограничения усмотрения и сами ограничиваются общими принципами международного права.

В случае выбора сторонами используемого в международном коммерческом договоре права на основе принципа автономии воли сторон у суда исключается необходимость по поиску применимому к нему права, тем самым возникают рамки для вмешательства органа, применяющего право. Одновременно данный принцип ограничивает коллизионное судебское усмотрение. Примером такой ситуации является ст. 1215 Гражданского кодекса Российской Федерации, где закреплено право сторон международного частного права (международного договора), но сфера действия данного права ограничена принципом автономии воли сторон, эту юридическую особенность необходимо учитывать суду.

Если у сторон нет выбора права, применимого к международному коммерческому договору, то правоприменительный орган выбирает его норму с использованием принципа наиболее тесной связи: данный договор подлежит применению по законодательству той страны, к которой в значительной степени он относится или, иначе говоря, с которым

существует наиболее тесная устойчивая юридическая связь. О принципе наиболее тесной связи можно сказать, что, с одной стороны, он дает возможность широкого судебного усмотрения, поскольку обладает вариациями своего применения, установленными в ст. 1211 и 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации. С другой — в соответствии с ним при отсутствии явного права применения к международному договору правоприменительный орган должен устанавливать его на основе так называемого правила характерного исполнения, имеющего четкий механизм: законотворческий орган закрепил определенные рамки, которыми должен руководствоваться правоприменитель при выборе подлежащего применению законодательства страны (в данном случае решающее значение будет иметь то государство, где сторона международного частного права осуществляет исполнение). Данный механизм играет роль пределов правоприменительного усмотрения, соответственно, является гарантией законности правоприменительного усмотрения на основе норм международного права.

Таким образом, вопросы в сфере внутринациональной юрисдикции должны квалифицироваться с позиции российского законодательства, поскольку

ясно, что основой правовой системы (системы законодательства) любого государства является его внутригосударственное право. В целях правильной квалификации деяния необходимо сопоставить договорные нормы и нормы национального законодательства, затем определить, оправданно ли применяется право, лежащее в основе конкретного судебного решения.

Нарушением применения права будет выступать и ситуация, когда суд применяет международно-правовую норму, которая в данной ситуации не подлежит применению. Часто это связано с использованием международного договора, не распространяющегося на стороны, участвующие в деле, а также с нарушением правил соотношения договоров международного характера.

Международное право выполняет двойственную функцию по отношению к правоприменительному усмотрению: с одной стороны, оно является ценностным ориентиром, вектороопределяющим фактором, когда мы говорим о ситуации пробельности или коллизии права, с другой — своим существованием оно порождает коллизии между собой и внутринациональным правом. В настоящее время выработаны средства и механизмы устранения таких противоречий и пробелов.

1. Головкин А. А. Допустимо ли совместить законность и усмотрение? (Некоторые проблемы теории и практики) // Право и политика. 2006. № 3. С. 3—6

2. Липкина Н. Н. Правовые основания применения концепции «свободы усмотрения» в практике Европейского Суда по правам человека // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 106—117.

3. Исаева М. П. Международно-правовой аспект прямого действия. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. Модельный кодекс поведения для государственных служащих, утвержденный Рекомендациями Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № R (2000) 10 «О кодексах поведения для государственных служащих». URL: pravoteka.ru (дата обращения: 06.07.2018).

5. Теткин Д. В. Законность как реальное выражение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

6. Мерзлякин Р. А., Бойко Д. В. Соотношение свободы, правовой инициативы и усмотрения // Вестник Волгоградской академии России. 2016. № 3 (39). С. 16—20.

1. Golovko A. A. Is it admissible to combine legality and discretion? (Some issues of theory and practice). Law and Policy. 2006. No 3. P. 3—6.

2. Lipkina N. N. Legal grounds for applying the concept of freedom of discretion in the practice of the European Court of Human Rights. Russian Law Journal. 2008. No 9. P. 106—117.

3. Isaeva M. P. The international-law aspect of direct action. Access from the legal system "Consultant Plus".

4. Model Code of Conduct for Public Officials adopted by the Recommendation of the Committee of Ministers of the Council of Europe on May 11, 2000 No. R (2000) 10 on Codes of Conducts for Public Officials. Available at: <http://pravoteka.ru> (reference date: 06/07/2018).

5. Tetkin D. V. Legality as the real expression of law: thesis for a candidate's degree in juridical sciences. Saratov, 2007.

6. Merzlikin R. A., Boiko D. V. The correlation of freedom, legal initiative and discretion. Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2016. No 3 (39). P. 16—20.

7. Ivanova O. G. Is there a judicial discretion in Russian criminal proceedings? Access from the legal system "Consultant Plus".

7. Иванова О. Г. Есть ли судебское усмотрение в российском уголовном процессе? Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Стригунова Д. П. Пределы судебного усмотрения в коллизионном регулировании международных коммерческих договоров. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

8. Strigunova D. P. The limits of judicial discretion in collision regulation of international commercial agreements. Access from the legal system "Consultant Plus".

© Merzlikin R. A., Boyko D. V.,
Yalovenko T. A., 2018

© Мерзликин Р. А., Бойко Д. В.,
Яловенко Т. В., 2018

* * *

УДК 340.12
ББК 67.022.11

DOI 10.25724/VAMVD.CJKL

В. В. Попов, И. А. Мингес

ДВЕ СТОРОНЫ НОРМАТИВНОСТИ ПРАВА: РЕШЕНИЕ В СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Нормативность в правовой сфере принято рассматривать главным образом в двух аспектах, которые иногда называют «правовой нормативностью» и «нормативностью права». Эти аспекты есть нормативность как общий характер предписания и нормативность как тенденция или даже закономерность. Анализ возможности взаимной связи и взаимной выводимости нормативности через сведение их к информации ведет к двум проблемам. Первая — это «принципа Юма», не допускающий выводимости долженствований из описаний. Вторая — это неприменимость «старого модализма» Г. Лейбница в юридических исследованиях. В силу указанных обстоятельств представляется логически некорректным говорить в семантическом аспекте о связи или взаимной выводимости нормативности как предписания общего характера и нормативности как характеристики массовости поведения в социальной системе. Анализ структуры этих понятий делает очевидным то, что совершенно различны и их смысл, и их значение. Таким образом, неверно утверждать, что одно из этих понятий шире или уже другого и говорить о «различных аспектах» одного явления (нормы). У понятия «норма» в двух вариантах его определения общим является лишь само имя (знак) — «норма». Подобное явление иногда встречается в естественных языках и носит название омонимии.

Ключевые слова: норма права, нормативность права, правовая нормативность, правовое предписание, аспекты нормативности.

V. V. Popov, I. A. Minges

TWO ASPECTS OF THE NORMALITY OF LAW: A SOLUTION IN THE SEMANTIC ASPECT

Normativity in legal sphere is considered mainly in two aspects, which are sometimes called "legal normativity" and "normativity of law". These aspects are normativity as a General nature of prescription and normativity as a trend or even a regularity. Analysis of the possibility of mutual communication and mutual deducibility of normativity through reducing them to information leads to two problems. The first one is the "principle of Hume" who does not allow to deduce prescriptions from descriptions. The second one is an inapplicability of the Leibniz's old Modalism in legal studies. Because of these circumstances, it seems logically incorrect to speak in semantic aspect about mutual relation or mutual deducibility of normativity as a general requirement and normativity as a characteristic of mass behavior in the social system. The analysis of the structure of these concepts makes it obvious that both the sense and the meaning of these concepts are completely different. Thus, it is wrong to say that one of these concepts is wider or narrower than the other. It is not correct to say of "different aspects" of one phenomenon (norm). The concept of "norm" in two versions of its definition has as common only the name (sign) — "norm". This phenomenon is sometimes found in natural languages and is called homonymy.

Key words: norm of law, normativity of law, legal normativity, legal prescription, aspects of normativity.

Проблематика нормативности права и правовых явлений в той или иной мере рассматривалась в работах Е. Г. Александрова, С. С. Алексеева, В. К. Бабаева, Е. С. Барабашевой, Ю. В. Блохина, В. В. Борисова, М. И. Вайтина, А. В. Венгерова, М. Л. Давыдовой, В. Е. Кудрявцева, Ю. В. Кудрявцева, Э. Г. Липатова, Е. А. Лукашевой, А. Б. Мицкевича, А. Ф. Шебанова и др. Анализ содержания трудов названных авторов позволяет сделать вывод о том, что нормативность рассматривается главным образом в двух аспектах, которые иногда называют «правовой нормативностью» и «нормативностью права» [1, с. 20]. В первом аспекте (так называемая «нормативность права») предмет юридических исследований природы нормативных предписаний теснейшим образом совпадает с более общим предметом логико-философских исследований. В данном случае речь фактически идет о технико-юридических особенностях формулирования предписаний именно общего характера. К таким особенностям принято относить индивидуальную неопределенность адресата, многократность реализации, сохранение действительности независимо от реализации. Все они призваны отграничить правовые нормы от индивидуальных правовых предписаний, прежде всего от актов применения права (хотя подобные акты было бы правильнее называть индивидуализирующими). Названные отличия считаются, по сути, правовой догмой (по крайней мере, в отечественной юридической науке), что подчеркивает их важность. В связи с этим нужно отметить, что в исследованиях более общего характера (особенно в логических) подобным различием пренебрегают, не считая его существенным для семантического аспекта анализа преобразований нормативных выражений. Это может показаться странным, поскольку юридические исследования в данной сфере ничего не добавляют к логико-философским в семантическом плане, поэтому не дают оснований для существенного отличия в семантическом аспекте общих предписаний (норм) от индивидуальных. Более того, в юридической науке нередки случаи пренебрежения достижениями логических исследований норм.

Справедливости ради следует заметить, что ряд ученых-юристов широко используют отмеченную особенность логических исследований норм. Здесь уместно вспомнить, например, Г. Кельзена, который называл акты применения права индивидуальными нормами права [2, с. 230—231, 233—235], фактически нивелируя столь подчеркиваемое

многими отечественными учеными-юристами различие между общими и индивидуальными предписаниями.

Исследования нормативности в рамках второго аспекта (так называемая «правовая нормативность») приобретают несколько иной вид: нормативность рассматривается как объективная необходимость, закономерность, закон развития социальной жизни [1, с. 1—2], общее свойство правовых явлений [1, с. 2]. Хотя при этом родовыми универсальными признаками нормативности называют «направленность на регулирование вида общественных отношений, постоянный характер действия и неперсонифицированность адресата» [3, с. 6], все же ключом к различению названных аспектов является утверждение о том, что нормативность «не производна от совокупности правовых норм» [4, с. 101].

Полагаем, что подобная мысль основана на более общей идее, имеющей серьезнейшее методологическое значение. В формулировке, например, В. Д. Плахова она звучит следующим образом: «Характерной чертой социальных норм, правил является то, что они строятся из общественных отношений» [5, с. 15].

Говоря о механизме формирования норм самой социальной жизнью, В. Д. Плахов отмечает, что «отражение объективных закономерностей общественных отношений, имманентных мер осуществляется в нормообразе» [5, с. 15]. Соответственно, эти закономерности выражаются в социальной норме, которая является идеальным образом, «сформировавшимся в результате субъективной фиксации закономерных проявлений общественных отношений» [5, с. 16]. Здесь нужно рассмотреть вопрос о том, насколько вообще правильно говорить о производности двух указанных видов нормативности друг от друга. Для этого представляется правильным проанализировать характер связи данных явлений и вариантов понимания нормативности в семантическом аспекте. Приведем позицию академика В. Н. Кудрявцева, исследовавшего природу правового поведения: «... в философской и естественной научной литературе под нормой понимается не только общее правило, но и реально существующий тип массовидного процесса, то, что уже сложилось и давно бытует в действительности» [6, с. 17]. Более того, В. Н. Кудрявцев полагает, что именно так (и правило, и тип массовидного процесса) можно понимать социальную норму «в широком смысле слова». Отсюда становится

очевидным, что признание данного утверждения истинным позволит включать все признаки содержания понятия «норма» в его «широком смысле» (норма как тип массовидного процесса) в содержание понятия «норма» в его «узком смысле» (норма как правило поведения общего характера). Таким образом, необходимо установить допустимость сопоставления признаков содержания указанных понятий, их схожесть и возможность включения одних в другие. Здесь нужно принять во внимание следующее обстоятельство. Говоря о норме как о типе массовидного процесса, как о том, что сложилось в действительности, саму эту норму необходимо понимать лишь как некую информацию. Иными словами, норма не сами действия или явления, имеющие определенную схожесть, нечто общее между собой, а информация об этих явлениях, точнее, информация о чем-то общем, типичном для этих явлений. Понимать норму в «широком смысле» нужно именно так по следующим причинам:

1) фраза «тип массовидного процесса» логически предполагает это;

2) представляется некорректным даже сравнивать явления, онтологический статус которых совершенно различен, т. е. явления мира материального, физического (определенные виды деятельности людей, физические или химические процессы и т. д.) и явления мира нефизического, нематериального (информация). Между тем вне контекста сравнения неверно говорить ни о «широком», ни об «узком» смыслах (или понимании) нормы.

Таким образом, было бы правильно сравнивать сопоставимые объекты — информацию одного вида (нормы как правила поведения) с информацией другого вида (нормы как описание того, что служит чем-то общим для разных явлений, неких закономерностей в явлениях, процессах, например, деятельности людей и т. д.).

При сравнении указанных видов информации (в форме высказываний) заметим, что, например, в «Теории языка» К. Бюллера [7] изъявление, побуждение и репрезентация названы функциями естественного (человеческого) языка. При этом каждое языковое выражение может одновременно выполнять все три функции. Различие же между тремя употреблением языка определяется тем, какая из указанных функций является доминирующей [8, с. 12].

Если рассматривать языковую функцию воздействия, которая имеет и другие наименования: эвокативная (А. А. Ивин, А. Л. Никифоров) регулятивная (Н. Б. Мечковская и др.), воликативная (А. А. Сузов и др.), конативная (Р. Якобсон), апеллятивная (К. Бюллер) — то можно заметить, что ее разно-

видностью является прескриптивная (предписывающая) функция, выражающаяся в правовых либо любых иных социальных нормах(-предписаниях).

Исходя из изложенного можно заметить, что в информационном аспекте одним из вариантов характеристики нормы является ее отнесение к информации прескриптивного (предписывающего) характера. Если рассматривать такую информацию в форме высказываний, то мы получим определение понятия через правило поведения. Соответственно, в том же информационном аспекте другим вариантом характеристики нормы служит ее отнесение к некой информации о массовидном явлении. Речь в данном случае идет об информации дескриптивного (описательного) характера, отражение которой — информативная функция языка. Информация такого характера есть некое суждение, описывающее некоторое положение вещей, или дескриптивное высказывание. Его главной функцией является описание действительности в субъектно-предикатной форме — S есть p (S не есть p), причем данное высказывание может быть либо истинным, либо ложным. Допустимо ли в таком случае говорить о связи (в аспекте логической выводимости) норм-предписаний с нормами-описаниями (массовидных процессов)? Нет, в силу действия так называемого «принципа Юма», согласно которому невозможно с помощью одной логики перейти от утверждений со связкой «есть» (описательные утверждения) к утверждениям со связкой «должен» (предписывающие утверждения). Работоспособность данного принципа была хорошо продемонстрирована И. Кантом и А. Пуанкаре, на что авторы более обстоятельно указывали в иных публикациях [9]. Если же норму во втором варианте понимать не как описание массовидного процесса, а указание на закономерность (в терминах необходимости), то также недопустимо говорить о связи (в аспекте логической выводимости) норм-предписаний с нормами в алетической интерпретации (закономерностей-необходимостей). Иными словами, неприемлемо выводить предписания (обязанности, запреты, разрешения) из возможностей, необходимостей, случайностей, равно как и наоборот, поскольку так называемый «старый модализм» Г. Лейбница (транзитивность деонтических и алетических модальностей) был ограничен (самим же Г. Лейбницем, что относится к малоизвестному факту) посредством константы «*vis bonus*» (нравственно идеального или просто доброго человека). Фактически введением этой константы решался вопрос о некой предопределенности статистически приемлемой однозначности отклика сознания (этого нравственно безупречного человека) на конкретное информационное воздействие

(социальной нормы-предписания). Соответственно, можно было вести речь о предопределенности поведения самим фактом наличия нормы-предписания. Однако такой подход не вполне приемлем, поскольку:

1) можно выказать уверенность, что подобные допущения (все люди нравственно идеальны или даже просто добры) не позволят произвести адекватную теоретическую реконструкцию реальных социальных процессов, на что авторы более подробно указывали в иных публикациях [10];

2) даже если говорить о предопределенности поведения информацией вне конкретного «диктата нравственных идеалов», то мера сочетания детерминированного и случайного в откликах человеческого сознания и, соответственно, поведения на определенную информацию (норму-предписание) позволяет отличать, например, инстинктивную реакцию от осознанной. Следовательно, повышение меры случайного в таких откликах сознания можно воспринимать как проявление интеллекта, что исключает предопределенность единственного варианта отклика на информационное воздействие. Вместе с тем важно отметить, что особенности естественного языка (в котором и формулируются нормативные предложения) требуют учитывать несколько моментов.

Во-первых, под нормами в логике норм понимаются все предложения, которые выражают, что что-либо должно быть сделано независимо от того, выражают ли они это категорическим образом или как предложение, рекомендацию, пожелание, призыв и т. д. [11, с. 178]. Соответственно, сами нормативные операторы могут иметь форму различных языковых выражений: «может», «допускается», «должен», «не допускается» и т. д.

Во-вторых, не всегда нормативное содержание проявляется эксплицитно с помощью операторов нормативности. Часто языковая форма предложения не соответствует его нормативному содержанию, в связи с чем характер содержания устанавливается исходя из контекста употребления предложения. Например, в ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации зафиксирована следующая информация: «Убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, — наказывается лишением свободы...». Данная информация (формально) имеет вид некоего описания, т. е. ее допустимо рассматривать (если рассматривать как данность, изолировано от любого контекста) как описательное утверждение (дескриптивное высказывание). Иными словами, возможна дескриптивная интерпретация данной информации: «известно, что лицо, совершившее убийство (ибо речь идет о наказании лица, а не

его деяния, т. е. деяние нельзя наказать, лишить свободы и т. д.), наказывается лишением свободы». Однако контекстуальная интерпретация указанной информации (в рамках нормативного правового акта — Уголовного кодекса Российской Федерации) предполагает иной подход, а именно прескриптивную интерпретацию: «лицо, совершившее убийство должно быть наказано лишением свободы...». Поскольку любое правило поведения логически предполагает наличие конкретного адресата, то более точная интерпретация, корректное определение адресата позволяют дать следующую прескриптивную интерпретацию рассматриваемого высказывания: «соответствующие государственные органы обязаны применить указанные в настоящей норме вид и меру наказания к лицу, совершившему убийство», о чем авторы более подробно писали в иных публикациях [12; 13]. Таким образом, из данной оговорки следует, что не всякая информация (в форме высказываний), которая выглядит как норма(-предписание), будет являться такой нормой, и не всякое высказывание, выглядящее как описание, будет таковым, но может являться именно нормой(-предписанием).

В-третьих, необходимо различать деонтические и технические долженствования или долженствования практической необходимости (их называют также гипотетическими [14, с. 324] или целевыми [8, с. 174] нормами). Общая форма такой гипотетической нормы следующая: «если вы хотите быть физически сильным, вы должны много тренироваться». Кроме того, гипотетические нормы могут выражаться предложениями не только с «если, то», но и с «потому что» и «так как». Данные технические «долженствования» называют нормами условно, подчеркивая, что «техническое долженствование не является подлинно нормативным понятием» [14, с. 324].

Таким образом, поскольку так называемые гипотетические нормы могут быть сформулированы в терминах необходимости, важно учитывать, что из этого не следует логической связи между необходимостью и нормой-предписанием (неприменимость «старого модализма»).

В-четвертых, часто вид нормативных высказываний имеют описательные высказывания, например, описание с помощью слова «должен» каузальных (причинных) связей, например, «если металл нагреть, то он должен расширяться». Из этой оговорки следует, что описание необходимости через долженствование не относится к нормам(-предписаниям) и не является основой для утверждения о связи необходимости с предписанием (неприменимость «старого модализма» в случае высказывания о положении вещей, т. е. высказывания

de re, либо применимость принципа Юма в случае высказывания о высказывании — высказывания de dicto).

В-пятых, часто вид нормативных высказываний имеют вероятностные характеристики описываемого положения вещей, например, вероятности того, что некоторое событие произошло или произойдет: «он должен был приехать вчера», «завтра должен быть дождь», «он должен приехать завтра» и т. д. Отсюда — описание положения вещей через вероятностные характеристики, сделанное в форме нормативных (предписывающих) высказываний, не является основанием для утверждения о наличии логико-семантической выводимости предписаний и описаний вероятностных процессов (принцип Юма).

Не будем также забывать о том, что некоторые вероятности в гуманитарных науках нередко именуется закономерностями. Сами же закономерности принято описывать в терминах необходимости. Но сведение проблемы к этому выше уже рассматривалось: связь (и выводимость) не может появиться при соотношении предписаний и необходимости (неприменимость «старого модализма»). Речь идет лишь об общности языковой формы, что харак-

теризует часто встречающуюся некорректность обыденного словоупотребления со строго научной точки зрения (нарушение принципа однозначности именованья).

Таким образом, видно, что понятие нормы как правила поведения и понятие нормы как описания массовидного процесса совершенно различны. Иными словами, анализ их структуры делает очевидным то, что разнятся их смысл и значение (объем). В силу указанного обстоятельства в семантическом аспекте представляется логически некорректным говорить о том, что одно из этих понятий является «шире» или «уже» другого (они просто не сопоставимы), или говорить о «различных аспектах» одного явления (нормы). У данных понятий (норма в двух вариантах ее определения) общим является лишь само имя (знак) — «норма». Подобное явление иногда встречается в естественных языках и носит название омонимии. Вместе с тем сложно не поставить вопроса о предпосылках более или менее явного и осознанного игнорирования отмеченной омонимии через попытку рассуждения о нескольких аспектах (узости, широте смысла и т. п.) нормативности.

1. Липатов Э. Г. Нормативность правовых явлений автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. гос. академия права, 1996. 26 с.

2. Kelsen H. Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles, 1967. 356 p.

3. Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве: на примере нетипичных предписаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 26 с.

4. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности // Конфликтология. 2011. № 4. С. 100—108.

5. Плахов В. Д. Социальные нормы. Философские основания общей теории. М.: Мысль, 1985. 255 с.

6. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.

7. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка / пер. с нем., общ. ред. Т. В. Бульгиной. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001. 502 с.

8. Ивин А. А. Основания логики оценок М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.

9. Попов В. В. Проблемы теории прав человека: информационная природа прав человека // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 1. С. 14—20.

1. Lipatov E. G. Normative character of legal phenomena: autoabstract of the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences. Saratov: Saratov state academy of law, 1996. 26 p.

2. Kelsen H. Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles, 1967. 356 p.

3. Blokhin Yu. V. Criteria for the distinction between regulatory and legal requirements from non-normative in the Soviet legislation : on the example of atypical requirements: autoabstract of the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences. Moscow, 1991. 26 p.

4. Davydova M. L. Legal normative prescription as a primary level of legal normativity // Konfliktologiya. 2011. No 4. P. 100—108.

5. Plakhov V. D. Social norms. Philosophical foundations of the General theory M.: Mysl', 1985. 255 p.

6. Kudryavtsev V. N. Legal behavior: norm and pathology. M.: Nauka, 1982. 287 p.

7. Bühler, K. Theory of language: the Representational function of language: M.: Progress, 2001. 502 p.

8. Ivin A. A. Foundation of logic evaluations. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970. 230 p.

10. Попов В. В. О связи прав человека со свободой: некоторые логические проблемы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 2 (29). С. 9—16.

11. Герлох А., Кнапп В. Логика в правовом сознании / под ред. А. Б. Венгерова. М.: Прогресс, 1987.

12. Попов В. В. К вопросу о структуре правовой нормы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1. С. 10—15.

13. Попов В. В. Санкция правовой нормы: миф или реальность? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2. С. 154—158.

14. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.

© Попов В. В., Мингес И. А., 2018

9. Popov V. V. Problems of the human rights theory: the information nature of human rights // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. No 2. P. 14—20.

10. Popov V. V. Human rights and freedom: some logical problems Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. No 2. P. 9—16.

11. Herrloh A., Knapp, V. Logic in legal consciousness / ed. by A. B. Vengerov. Moscow: Progress, 1987.

12. Popov V. V. Discussing the structure of the legal rule // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. No 1. P. 10—15.

13. Popov V. V. Sanctions of legal rules: a myth or reality? // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2016. No 2. P. 154—158.

14. Wright, G. X. von Logical and philosophical research: Selected works. Moscow: Progress, 1986. 600 p.

© Popov V. V., Minges I. A., 2018

* * *

УДК 340.12
ББК 67.022.14

DOI 10.25724/VAMVD.CKLM

А. А. Редько

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Инициатива по улучшению своего правового положения, защиты прав и законных интересов, сохранению собственности по тем или иным причинам не попала в механизм правотворчества, а следовательно, не получила статуса законотворческой инициативы. На наш взгляд необходимо разграничивать инициативу по подготовке законопроекта и его предварительному обсуждению, предшествующую началу законодательной работы правотворческих органов, и собственно правовую инициативу негосударственных образований.

Законодательная инициатива — это деятельность уполномоченных на то субъектов по активизации процедуры законотворчества или восхождения закона. Она реализуется в стране на всех уровнях, но действует исключительно в поле позитивного права и может иметь и материальный, и процессуальный характер. С правовой инициативой ситуация обстоит по-другому. В каких условиях жить, каким законом подчиняться, как выстраивать правовую и политическую стратегию страны — должен решать каждый человек и гражданин. Таким образом, правовая инициатива представляется, с одной стороны, неотъемлемой частью конституционно-правовых основ, а с другой — механизмом реализации указанной сферы.

Ключевые слова: инициатива, подготовка закона, правотворчество, власть, право, государство, закон, права человека.

А. А. Redko

CURRENT STATUS OF LEGAL INITIATIVE

The initiative to improve its legal status, protect rights and legitimate interests, and preserve property for one reason or another, did not fall into the mechanism of lawmaking. However it is necessary to distinguish between the initiative to draft the bill and its preliminary discussion, preceding the beginning of the legislative work of law-making public authorities and the legal initiative of non-state organizations.

Legislative initiative is the activity of authorized subjects to activate the procedure of lawmaking or the ascent of the law. It is implemented in the country at all levels but operates exclusively in the field of positive law and can have both a material and procedural nature. The situation is different with a legal initiative. In what conditions to live, what law to obey, how to build legal and political strategy of the country — every person and citizen should decide himself. Legal initiative is an integral part of the constitutional and legal framework and mechanism for the implementation of this sphere.

Key words: initiative, preparation of law, law-making, power, law, state, law, human rights.

Современное состояние правовой инициативы, бурное развитие общества и государства приводят к осознанию необходимости участия в государственных явлениях активной образованной молодежи. Невозможно построить правовое государство, комфортное для проживания и развития, без части населения, которую в советский период называли интеллигенцией, а сегодня принято считать гражданским обществом.

На протяжении нескольких десятилетий группа ученых пытается донести до правовой действительности сведения о том, что правовая инициатива не сводится к процессу правотворчества и не может охватываться пониманием законотворческой инициативы хотя бы потому, что существуют позитивистская и естественно-правовая школы права. Вместе с тем в научной и специальной литературе понятия законотворческая инициатива и правовая инициатива отождествляются. Не имея цели перегрузить понятийный юридический аппарат, ежедневно наполняемый новыми терминами, считаем необходимым разобраться в фундаментальных основах теоретико-правовой мысли, так как даже небольшое их смещение в сторону в состоянии разрушить всю правовую пирамиду.

Анализ исторических источников показал, что в «советской юридической литературе правотворческий процесс (применительно к законодательным органам) рассматривается обычно в соответствии с традиционной схемой, включающей: 1) законодательную инициативу, 2) обсуждение проекта закона, 3) принятие законопроекта, 4) опубликование (обнародование) закона. Такое разделение стадий законодательного процесса сложилось еще в досоветской литературе применительно к основным началам буржуазного парламентаризма» [1, с. 3—11]. «При этом правовая инициатива рассматривалась исключительно как законодательная: одними учеными она воспринималась как право внесения предложения о принятии нового закона непосредственно на рассмотрение законодательного органа» [2, с. 11], «другими — в качестве права государственного органа или отдельного лица на внесение в законодательное учреждение нового законопроекта или на внесение предложений об издании нового закона, отмене действующего

закона или изменении его» [3, с. 32], «для третьих — как право определенных лиц и организаций вносить в законодательный орган проект закона, право внесения законопроектов на обсуждение законодательных органов» [4, с. 386].

Однако уже в советский период ученые, отдавая себе отчет в процессах правообразования, правотворчества, нормотворчества, законотворчества, задумывались о дифференциации правовой инициативы от смежных категорий. В частности, Л. И. Антонова, рассуждая о законодательной инициативе, констатирует, что существуют различия «между инициативой по созданию нормативного акта, исходящей от отдельных лиц, коллективов трудящихся и т. п., с одной стороны, и депутатов представительных органов и иных лиц и органов, имеющих право законодательной инициативы, — с другой; составлением проекта частными лицами, коллективами ученых и т. д., с одной стороны, и специально на то созданными органами, например Юридической комиссией Совета Министров СССР или постоянными комиссиями Верховного Совета СССР, — с другой; обсуждением проекта на страницах газет, собраниях трудящихся и т. п., с одной стороны, и обсуждением проекта на сессии Верховного Совета — с другой, и т. д.» [1, с. 3—11] Интерпретируя подобные мысли в современном состоянии, можем говорить о законодательной инициативе специально на то уполномоченных субъектов и законодательной инициативе отдельных членов гражданского общества, объединений, некоммерческих структур, благотворительных фондов и др. При этом в первом случае весь известный механизм правотворчества включится в работу вне зависимости от результата (отклонение или принятие инициативы). Во втором инициатива совсем не обязательна, а то и маловероятно попадет в правовую плоскость в силу определенных обстоятельств. Для того чтобы представителю гражданского общества устранить обнаруженный пробел в законодательстве или улучшить процессы правового регулирования, инициативы, как известно, не достаточно. Правовая действительность предписывает формулировать свои мысли письменно, обращаться в уполномоченный орган (в идеале — к субъекту законодательной

инициативы) и надеяться на разрешение вопроса. Этот процесс чрезвычайно длительный и громоздкий, в связи с чем была инициирована возможность ежегодного мониторинга правовой базы, а также введен институт общенародного обсуждения нормативных актов на федеральном портале проектов нормативно-правовых актов. В первом случае появились формализм и участие в правотворчестве с указания руководителей, во втором — формальный процесс (средний просмотр законодательных инициатив — 20—50 человек).

Таким образом, инициатива по улучшению своего правового положения, защиты прав и законных интересов, сбережению собственности имела место, но по тем или иным причинам, в том числе не зависящим от субъекта правовой инициативы, не попала в механизм правотворчества, а следовательно, не получила статуса законотворческой инициативы. Исходя из этого необходимо разграничивать инициативу по подготовке законопроекта и его обсуждению, предшествующую началу работы управомоченных правотворческих органов, и собственно правовую инициативу негосударственных образований. Такая точка зрения уже высказывалась в советской литературе. «Особенно четко она выражена в схеме правотворческой деятельности, предложенной С. С. Алексеевым, который первую из указанных стадий называет „юридическим оформлением государственной воли“, а вторую — стадией „придания государственной воле качества норм права“» [5, с. 129]. «Общим для всех этих мнений является то, что начальной стадией законодательного процесса считается законодательная инициатива, которая трактуется как право компетентных лиц или органов на совершение каких-либо действий: право на внесение предложений о принятии закона, право на внесение законопроектов или же право на совершение обоих действий. Однако пока правомочные органы или лица не воспользуются своим правом, не предпримут необходимых мер по его реализации, т. е. не передадут законопроект или соответствующее предложение о его разработке на рассмотрение законодательного органа, в последнем не может возникнуть вопроса о принятии какого-либо нормативного акта. Следовательно, не право постановления вопроса об издании закона, а сама его постановка знаменует начало правотворческой деятельности» [1, с. 3—11]. «Другими словами, законодательная инициатива не тождественна праву законодательной инициативы, а представляет собой реализацию этого права» [6, с. 355].

Анализ современных нормативных правовых актов показал неоднозначность понимания не только инициативы как волеизъявления, но и пра-

вовой инициативы как стадии правотворческого процесса. Данная терминология используется полярно, несмотря на то что имеет юридическую силу. В Федеральном конституционном законе «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» термин «инициатива» встречается дважды. Первый раз как волеизъявление в ст. 21: «Уполномоченный вправе принять по собственной инициативе соответствующие меры в пределах своей компетенции»; второй раз в ст. 31, наделяющей уполномоченного правом реализовывать институт устранения коллизий и пробелов в законодательстве: «Уполномоченный вправе: обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и о дополнении федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации либо о восполнении пробелов в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации, если Уполномоченный полагает, что решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан, совершаются на основании и во исполнение федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации, либо в силу существующих пробелов в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации, либо в случае, если законодательство противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации» [7]. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» трактует инициативу как волеизъявление граждан и кандидатов, а также вводит понятие инициативной группы — группы граждан с активной гражданской позицией, призванной инициировать процесс проведения референдума, вести деятельность по поддержке того или иного кандидата, осуществлять сбор подписей [8].

Таким образом, названные законы определяют инициативу исключительно как волеизъявление отдельных лиц или социальных групп. В то же время Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» не считает законодательной или правовой инициативой предложения по изменению конкретных нормативных документов. Согласно ст. 6 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» право законодательной инициативы «в законодательном

(представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации принадлежит депутатам, высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации (руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), представительным органам местного самоуправления. Конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации право законодательной инициативы может быть предоставлено иным органам, членам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации — представителям от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти данного субъекта Российской Федерации, общественным объединениям, а также гражданам, проживающим на территории данного субъекта Российской Федерации» [9]. Это вызывает особый интерес в связи с тем, что в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» правотворческая инициатива граждан относится к формам непосредственной демократии на местном уровне, решение которой носит рекомендательный характер. Положение правотворческой инициативы в системе форм прямого волеизъявления граждан определяется тем, что она применяется как способ участия населения муниципального образования в осуществлении местного самоуправления [10]. «Правотворческая инициатива — это право населения муниципального образования участвовать в разработке и обсуждении местных нормативных актов. Правотворческую инициативу также определяют как вхождение в компетентный орган с предложением принять нормативный юридический акт, а зачастую и внесение проекта такого акта» [11, с. 260]. Исходя из диспозиции норм указанных выше законов, правотворческая инициатива является возможностью участия граждан в правовой жизни муниципального образования и субъекта Российской Федерации. В этом контексте понимание правовой инициативы представляется более логичным, поскольку согласно Конституции Российской Федерации «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления», т. е. законодательная инициатива выступает одной из форм реализации власти народа. «В этом отношении регионы России обогнали центр, поскольку во многих субъектах Федерации народная инициатива уже стала правовой нормой. Эта форма прямой демократии установлена не менее чем в 20 субъектах Российской Федерации, что можно считать достаточно широким распространением нового для нашей страны института власти.

Законодательная инициатива называется также «народная законодательная инициатива» (Иркутская область), «народная правотворческая инициатива» (Липецкая, Ярославская, Калужская области), «народная инициатива (граждан)» (Томская область), «законодательная инициатива граждан» (Тамбовская, Липецкая, Волгоградская, Свердловская, Астраханская, Смоленская, Омская области). При этом в Уставе Волгоградской области существует также «гражданская инициатива», которая является формой обращения (заявления), поскольку не предполагает обязательного рассмотрения законодательного предложения в парламенте» [12, с. 15]. Следовательно, если законодательная инициатива проявлена полномочным субъектом, то она будет императивной, обязательной для правотворческого органа. Однако когда она исходит от организаций или лиц, не имеющих на то специальных полномочий, ее чаще всего рассматривают как обращение граждан и организаций [13] и не придают особого значения.

В завершение рассуждения об инициативе, о правовой и законодательной инициативе в разрезе историко-правового пространства нашей страны приходится констатировать, что инициатива связана с волеизъявлением и применяется в специальной, нормативной и научной литературе подобным образом. Законодательная инициатива — это деятельность уполномоченных на то субъектов по активизации процесса принятия нормативного правового акта в какой-либо области. Правотворческая инициатива — более широкое понятие, которое включает и законодательную инициативу, так как подразумевает сбор, анализ, выявление пробелов или коллизий в праве, либо в упрощенном варианте используется как синоним законодательной инициативы.

Если в случае с волеизъявлением все предельно ясно, то дифференциация законодательной инициативы от правотворческой, а также само понимание этих явлений вызывают множество вопросов.

На наш взгляд, законодательная инициатива — это деятельность уполномоченных на то субъектов по активизации процедуры законотворчества или восхождения закона. Она реализуется в стране на всех уровнях, но действует исключительно в поле позитивного права и может иметь и материальный, и процессуальный характер. Законодательная инициатива как правовой институт, предоставляющий конкретному лицу, группе лиц, политическому или социальному объединению возможность участвовать в процессе законотворчества, а также устанавливающий определенные условия такой работы (гипотезу), есть статическая

(материальная) законодательная инициатива. Сбор, анализ, поиск, мониторинг, выявление коллизий, пробелов, технических ошибок в правовой норме — части законодательной инициативы: в большинстве случаев они входят в круг обязанностей ее субъектов. Процесс реализации этого права в соответствии с законодательством, алгоритмы конкретных действий, последовательность, бланки и их регистрация — ничто иное как процессуальная законодательная инициатива.

С правовой инициативой ситуация обстоит по-другому. Мы как сторонники естественно-правовой теории права считаем, что невозможно говорить только о конкретных субъектах, которые управомочены менять правовую действительность. В каких условиях жить, каким законам подчиняться,

как выстраивать правовую и политическую стратегию страны — должен решать каждый человек и гражданин. Однако в России институт правовой инициативы граждан не урегулирован должным образом. Закон потерял свою сущность: ранее это слово в гносеологическом смысле подразумевало незыблемость, а сегодня служит синонимом бюрократии. «Чем ближе государство к падению, тем многочисленнее его законы» [14, с. 314]. В данном контексте активизировать правовую инициативу затруднительно: граждане не верят, что их голоса будут услышаны.

Таким образом, правовая инициатива представляется, с одной стороны, неотъемлемой частью конституционно-правовых основ, а с другой — механизмом реализации указанной сферы.

1. Антонова Л. И. О стадиях правотворческого процесса в СССР // Правоведение. 1966. № 1. С. 3—11.

2. Васильев А. М. Формы выражения норм советского социалистического права. Лекции по курсу теории государства и права / под ред. К. А. Мокичева. М., 1960. Вып. 17.

3. Кириченко М. Г. Советское законодательство и принципы его применения. М., 1953. 80 с.

4. Теория государства и права: учебник / А. С. Пиголкин [и др.]; под ред. А. С. Пиголкина. М., 2005. 613 с.

5. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. Вып. 1.

6. Общая теория государства и права / под ред. Д. А. Керимова, А. И. Королева, М. Д. Шаргородского. Л., 1961. 550 с.

7. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Antonova L. I. On the stages of the law-making process in the USSR // Jurisprudence. 1966. No 1. P. 3—11.

2. Vasiliev A. M. Forms of expressing the norms of Soviet socialist law. Lectures on the course of the theory of state and law / ed. K. A. Mokichev. Moscow, 1960. Issue. 17.

3. Kirichenko M. G. Soviet legislation and principles of its application. Moscow, 1953. 80 p.

4. Theory of State and Law: textbook / A. S. Pigolkin [and others]; ed. A. S. Pigolkin. Moscow, 2005. 613 p.

5. Alekseev S. S. General theory of socialist law. Sverdlovsk, 1963. Issue. 1.

6. General theory of state and law / ed. D. A. Kerimov, A. I. Korolev, M. D. Shargorodsky. Leningrad, 1961. 550 p.

7. About the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 26, 1997 No 1-FKZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

8. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation: Federal law of June 12, 2002 No. 67-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

9. On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the subjects of the Russian Federation: Federal Law of 6 October 1999 No 184-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

10. On the general principles of the organization of local government in the Russian Federation: Federal Law of October 6, 2003 No 131-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

11. Constitutional law: encyclopedia dictionary / ed. S. A. Avakyan. Moscow, 2014. 864 p.

11. Конституционное право: энциклопед. словарь / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2014. 864 с.

12. Афиногенов Д. В. Законодательная инициатива граждан и их объединений в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12 (67).

13. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Корнелий Тацит. История / пер. Г. С. Кнабе. Кн. 1. Т. II. История. М.: Ладомир, 1993. 600 с.

12. Afinogenov D. V. Legislative Initiative of Citizens and Their Associations in the Russian Federation // Eurasian Law Journal. 2013. No 12 (67). P.

13. On the order of consideration of applications of citizens of the Russian Federation: Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

14. Cornelius Tacitus. History / trans. G. S. Kna-be. Book. 1. Vol. II. History" Moscow: Ladomir, 1993. 600 p.

© Redko A. A., 2018

© Редько А. А., 2018

* * *

А. П. Алексеев**О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Федеральное законодательство не определило цель, задачи и функции местного самоуправления, что позволяет исказить его сущность как относительно самостоятельного демократического института. В условиях постоянного расширения перечня вопросов местного значения и увеличения количества передаваемых государственных полномочий органам муниципальной власти затруднительно эффективно осуществлять непосредственные функции местного самоуправления. Остается незадействованным огромный потенциал, заложенный в идее местного самоуправления, не выстроена оптимальная система организации публичной власти, нет четкого представления об объеме и границах деятельности субъектов муниципальной власти. Цель местного самоуправления видится в создании необходимых благоприятных условий комплексного устойчивого развития муниципального образования с учетом исторических, национально-культурных и иных традиций на основе согласования интересов населения муниципального образования с общегосударственными интересами.

Определение функционального назначения института местного самоуправления позволяет выработать механизм взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, а также компетенционное разделение их правового статуса, выраженное в определении структуры полномочий для каждого уровня власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, государство, система местного самоуправления, цель местного самоуправления, задачи, функции местного самоуправления, концепция местного самоуправления, сущность местного самоуправления, компетенция, государственная власть, муниципальная власть.

А. P. Alexeev**THE FUNCTIONAL PURPOSE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN MODERN CONDITIONS**

The federal legislation hasn't defined the purpose, tasks and functions of local self-government what makes it possible to distort the essence of this relatively independent democratic institution. When the list of locally important issues is constantly expanding and the number of public powers transferred to municipal authorities is increasing it's difficult to effectively implement immediate functions of local self-government. The enormous potential inherent in the idea of local self-government remains untapped, the optimal system of organizing public power has not been created, there is no clear idea about the scope and boundaries of municipal authorities' activities. The purpose of local self-government is viewed in creating necessary favorable conditions for integrated sustainable development of the municipality with consideration of historical, national, cultural and other traditions, on the basis of coordinating the interests of municipality's population with national interests.

Indication of the functional purpose of the local self-government institution makes it possible to develop a mechanism for interaction between state and municipal authorities as well as competence separation of their legal status, expressed in defining the structure of powers for each level of government.

Key words: local self-government, state, local self-government system, the purpose of local self-government, tasks, functions of local self-government, the concept of local self-government, the essence of local self-government, competence, state power, municipal authorities.

В текущем году Россия отмечает 25-летний юбилей Основного закона страны — Конституции. По своей юридической и политической сути он заложил фундаментальные начала новой российской (постсоветской) государственности, в числе которых утверждается институт местного самоуправления. Данный институт был предложен в ряду

других политических и правовых новообразований, его конституционная модель закреплена в самых общих очертаниях, для авторов проекта Конституции было важно заложить саму идею местного самоуправления, ее детализация подразумевалась на уровне федерального и регионального законодательства.

Судьба местного самоуправления в России складывается далеко не просто. Относительно его природы и сущности до сих пор нет единства мнений в профессиональном сообществе, оценки законодательной модели местного самоуправления колеблются от мифа, «который создан на основе устаревшей западной концепции местного самоуправления» [1, с. 145], утопии, которая «позволит создавать конфликты на местных уровнях» [2, с. 87], до явления общественной жизни, играющего в ней «не менее важную роль, чем свобода слова, совести и другие основы демократической системы» [3, с. 20, 24], основы, «на которой формируется гражданская инициатива и достигается общественный договор» [3, с. 20, 24], своего рода фундамента российской государственности [4, с. 47]. Президент России Владимир Путин в своем выступлении на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» отмечал: «Одна из лучших российских политических традиций, земская традиция, также строилась именно на принципах самоуправления. Только из эффективных механизмов самоуправления может вырасти настоящее гражданское общество и настоящая национально ориентированная элита» [5].

Институт местного самоуправления до сих пор находится в стадии становления при отсутствии ясного понимания того, что же это за институт и каким он в принципе должен быть. Ни в одном из вариантов основополагающих законов о местном самоуправлении [6; 7] на различных этапах правового регулирования не были закреплены его цель и задачи, функции муниципальной власти, хотя для обеспечения эффективного функционирования вновь вводимого института это представляется целесообразным и необходимым. Такой подход позволяет и вовсе исказить саму идею местного самоуправления как относительно самостоятельного демократического института посредством многочисленных изменений федерального законодательства. Формирование местного самоуправления было связано прежде всего с децентрализацией властных функций и полномочий [8, с. 133]. В. И. Васильев справедливо отмечает, что «функциональное назначение местного самоуправления заключается в особом способе децентрализации управленческих дел, близких к условиям жизни людей, причем не больших людских масс, а главным образом малых групп и конкретных граждан» [9, с. 15]. Именно такой перечень вопросов местного значения, т. е. вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования [7], и содержался в первоначальной редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ. Постепенно этот перечень увеличивался за счет вопросов, изначально не свойст-

венных муниципальному уровню: от участия в профилактике терроризма и экстремизма, организации и осуществления мероприятий по мобилизационной подготовке до содействия в развитии сельскохозяйственного производства, расширении рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Еще одной тенденцией, свидетельствующей об искажении сущности местного самоуправления, является наделение органов местного самоуправления все большим количеством государственных полномочий. В Конституции Российской Федерации предусмотрена возможность наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, а также правовые гарантии против злоупотребления такой возможностью: право на судебную защиту, компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти, запретом на ограничение прав местного самоуправления (ст. 133). Очевидно, что авторы текста Основного закона страны имели в виду, что наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями возможно как исключение из общего правила о самостоятельности местного самоуправления, первичности его функционального предназначения перед возможным делегированием отдельных полномочий органов государственной власти. Речь идет о рациональном и максимально эффективном во всех смыслах способе осуществления некоего отдельного государственного полномочия с передачей необходимых для этого средств, причем ответственность за ненадлежащее осуществление отдельных государственных полномочий, согласно ст. 73 и 74 упомянутого федерального закона, может наступить в виде роспуска представительного органа или отрешения от должности главы муниципального образования независимо от того, как они решали вопросы местного значения, т. е. по закону осуществление государственных полномочий органами местного самоуправления может быть поставлено выше выполнения ими функций, ради которых они, собственно, создавались [9, с. 18]. В условиях же постоянного расширения перечня так называемых «вопросов местного значения» и увеличения количества передаваемых государственных полномочий органам местного самоуправления становится затруднительным эффективно осуществлять непосредственные функции местного самоуправления. При таком подходе остается незадействованным огромный потенциал, заложенный в самой идее местного самоуправления, не реализуется полноценно его демократическая сущность, не выстроена оптимальная система организации публичной власти, нет четкого представления об объеме и границах деятельности субъектов муниципальной власти.

Любые властные полномочия должны быть сформулированы на основе определения целей, задач и функций тех или иных субъектов публичной власти. Признав институт местного самоуправления самостоятельным уровнем публичной власти, государство отводит ему конкретную политическую роль, выраженную в специфических функциях. Терминологическая определенность сущностных категорий создает особую «систему координат», своеобразную «несущую конструкцию», фундаментальные основания создаваемого института.

При правовом оформлении института местного самоуправления был нарушен важнейший принцип системного подхода, предполагающий формулирование цели системы до ее создания [10, с. 217]. В результате ни у населения (а именно местное сообщество признается в качестве основного субъекта местного самоуправления), ни у представителей государственной власти не может сложиться ясного понимания самой идеи местного самоуправления и смысла создания этого социально-правового института.

Как отмечает В. И. Гончаров, при всем разнообразии подходов к пониманию сущности местного самоуправления в России, все они могут быть сведены к трем основным:

а) местное самоуправление как основа конституционного строя;

б) местное самоуправление как форма публичной власти, позволяющая населению реализовать свое право на самостоятельное решение вопросов местного значения;

в) местное самоуправление как форма народовластия [11, с. 15].

Утверждение местного самоуправления в качестве основы конституционного строя имеет целью признание этого института как важнейшего принципа организации государственного и общественного устройства страны, конституционной ценности, тем самым гарантируя его статус как незыблемого фундаментального начала в ряду других конституционных основ. Следует учитывать системное единство и взаимосвязь каждой из основ конституционного строя, особенности юридической конструкции этой главы Конституции Российской Федерации. Конституционная норма о признании и гарантировании местного самоуправления (ст. 12) развивает определение российского государства как демократического (ст. 1) и социального (ст. 7), в котором носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ (ст. 3), признается в качестве самостоятельной муниципальной форма собственности (ч. 2 ст. 8).

Как форма публичной власти институт местного самоуправления призван играть роль самого нижнего, максимально приближенного к населению уровня публичной власти, выполняющего соответствующие

функции. Если рассматривать местное самоуправление как форму народовластия, его целью является обеспечение участия населения непосредственно в осуществлении властных полномочий определенными способами, а также контроль со стороны населения за выборными должностными лицами муниципальной власти, ответственность самого населения за принятые им решения (в позитивном смысле). Чтобы эти достаточно абстрактные формулы работали, необходим механизм реализации, включающий в себя нормативно-правовую и организационный элементы.

Конституционная концепция местного самоуправления закрепляет аморфные нормативно-правовые ориентиры для создания нового публично-властного института, включая дискуссионное положение о том, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (ст. 12). В предложенной законодателем правовой модели местного самоуправления акцент был сделан на субъект местного самоуправления, который, в принципе, отсутствовал и отсутствует в современной России — местное сообщество или территориальный публичный коллектив, — хотя фактически в большинстве муниципальных образований жители не составляют никакого коллектива, у них нет общности интересов [12, с. 104—105]. Для такого кардинального подхода не было никаких оснований. Так, в тексте Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 г., которую Россия ратифицировала в 1998 г., под местным самоуправлением понимается право и реальная способность *органов местного самоуправления* регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения [13]. В первоначальных вариантах переводов хартии на русский язык упоминалась регламентация органами местного самоуправления значительной части *государственных дел* [14; 11, с. 414]. В преамбуле официально переведенного текста уже ратифицированного документа говорится о том, что право граждан участвовать в управлении *государственными делами* относится к демократическим принципам, это право наиболее непосредственным образом может быть осуществлено именно на местном уровне [13].

В рамках начавшихся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. процессов демократизации и децентрализации государственной власти в СССР и позднее в Российской Федерации местные органы власти (местные советы) не планировалось исключать из общего государственного механизма [15; 6]. Обсуждались вопросы расширения форм непосредственного участия населения в решении проблем на местном уровне (путем проведения местных референдумов, собраний и сходов граждан, организации территориального общественного

самоуправления), предоставления местным органам большей компетенционной и финансово-экономической самостоятельности с контролем со стороны вышестоящих органов.

Разрушение традиций сельской общины, прерванность дореволюционного опыта городского самоуправления октябрьскими событиями 1917 г., интенсивные миграционные процессы в советский и постсоветский периоды привели к «размыванию территориальных сообществ» [12, с. 105]. Местного сообщества, которое самостоятельно и под свою ответственность решает непосредственно вопросы местного значения, объективно в большей части муниципальных образований не существует. Население принимает участие в основном в муниципальных выборах, причем электоральная активность продолжает оставаться на крайне низком уровне. Так, 9 сентября 2018 г. в единый день голосования явка на выборах мэра Томска стала рекордно низкой — 19,8 %, невысокая явка отмечена и на выборах глав Колпашевского, Томского районов Томской области [16], на выборах мэра Хабаровска явка составила 31,81 % [17], на выборах в Рязанскую гордому — 21,87 % [18]. В этот же день в трех городских округах в Волгоградской области — Волгограде, Волжском, Камышине — прошли выборы в городские думы, в Волгограде на избирательные участки пришли 24,1 % избирателей, в Волжском — 21,94 %, в Камышине — 27,14 %, лучше ситуация на выборах в 153 органа местного самоуправления в муниципальных районах области, там явка избирателей в среднем составила 45,65 % [19].

В сложившейся практике реализации правовых норм, регламентирующих институт местного самоуправления, прослеживается тенденция «огосударствления» органов местного самоуправления путем передачи этим органам все большего количества отдельных государственных полномочий в явной или скрытой форме, жесткого финансового контроля через реформирование налогового и бюджетного законодательства, уменьшение круга вопросов, в решении которых может принять реальное участие непосредственно население муниципального образования. При этом требования Конституции Российской Федерации о том, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, не нарушаются, создана правовая ситуация, при которой отсутствие буквальной иерархии между органами государственной власти и органами местного самоуправления легко компенсируется зависимостью в финансово-экономическом отношении через законодательное регулирование перечня вопросов местного значения, наделение отдельными государственными полномочиями и т. д. Само название Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [7] не соответствует его содержанию, поскольку он детально регламентирует большую часть принципиально важных конкретных положений в указанной сфере. Такая ситуация вполне объяснима как уже указанными причинами закрепления в Конституции Российской Федерации противоречивой концепции местного самоуправления, вытекающей отсюда возможностью постоянной и кардинальной корректировки действующего в этой отрасли законодательства, неготовностью населения муниципального образования к участию в местном самоуправлении, так и вполне объективной необходимостью осуществления публично-властных функций на муниципальном (ниже уровня субъекта Федерации) уровне. Объективно имеются органы муниципальной власти, осуществляющие свои полномочия на постоянной основе и в силу этого являющиеся реальным субъектом муниципальной власти. В данной ситуации реформа института местного самоуправления объективно необходима, ее основными направлениями должно стать постепенное формирование полноценных основ муниципального строительства. Государственная политика в области местного самоуправления должна быть основана на четко сформулированной научной концепции развития местного самоуправления, рассчитанной на долговременную перспективу. Концепция должна давать ясное представление о сущности местного самоуправления, его цели, задачах и функциональном назначении, территориальном делении, организационных структурах, прозрачной финансово-экономической основе и этапах реформирования институтов муниципальной власти. В противном случае будет продолжаться процесс постоянных изменений текущего законодательства без четкого понимания конечной цели этих изменений.

В механизме современного демократического правового государства институт местного самоуправления призван играть важнейшую роль обеспечения участия граждан в публичном управлении, согласования разноуровневых интересов, распределения полномочий и ответственности в решении публично значимых вопросов и в конечном итоге улучшения эффективности управленческих процессов в целях гармоничного развития общества, государства и личности. Осознать ценность этого института можно только при реальном использовании того потенциала, который заложен в самой идее местного самоуправления и ясном понимании цели его существования и эффективном функционировании.

Взгляды ученых и практиков в вопросе о соотношении государства и местного самоуправления в общем можно свести к двум основным подходам: четкое разграничение этих двух институтов или рассмотрение их как части и целого. Первый

подход сформировался в рамках «общественных» теорий местного самоуправления, опыт реализации которых в ряде стран привел к серьезной корректировке теоретических взглядов. Их эволюция, безусловно, заслуживает интереса в историческом и сравнительно-правовом аспектах. Второй подход сложился под влиянием «государственной» теории местного самоуправления.

Современное понимание и объяснение социальных явлений не может быть столь линейным и однозначным. Исходя из системно-функционального подхода к изучению государственно-правовых явлений, местное самоуправление и государство являются двумя относительно самостоятельными социальными системами, находящимися между собой в состоянии постоянных взаимосвязей. Каждая из них имеет общее и особенное. Человек во взаимосвязях с другими людьми составляет социальную общность, является первичной основой любой социальной системы. Структурными элементами государства и местного самоуправления как социальных систем выступают определенная территория, разнообразные органы и учреждения, а также связи различного рода. Например, связи политического характера могут выражаться в отношениях власти-подчинения и отношениях взаимодействия между различными органами и учреждениями обеих рассматриваемых систем. Особенности проявляется не только в количественной разнице указанных элементов (многонациональный народ — население муниципального образования, масштабы территории и пределы власти), но и в функциональном назначении каждой из указанных социальных систем, т. е. качественном отличии. Французский философ Ж. Маритен в принципе отрицал существование какой-либо социальной группы, выходящей за пределы функционального назначения, включая «бесконечную совокупность целей и ценностей» [20, с. 12]. Социальная группа выполняет свои функции, иначе она теряет качество самостоятельности либо распадается.

В одном типе связей субъекты муниципальной власти осуществляют деятельность на своем территориальном уровне (территории муниципального образования) и являются представителями публичной власти, реализуя как собственные полномочия, так и выполняя отдельные государственные полномочия. В системе публичного управления государство — носитель суверенитета, оно выполняет интегрирующую функцию всесторонней организации жизнедеятельности общества. Систему местного самоуправления составляет совокупность взаимосвязанных форм, посредством которых реализуются функции местного самоуправления. В их числе органы местного самоуправления. Они, в свою очередь, в различных типах организации местной власти могут быть включены в систему органов государственной

власти, а могут быть отделены от нее организационно и функционально. Как отмечают авторы одного из первых комментариев Конституции Российской Федерации, «исключение органов местного самоуправления из системы государственной власти необходимо трактовать не как потерю ими государственно-властной природы, а как установление своеобразного разделения государственных функций „по вертикали“» [21, с. 103]. Государство видит в таких органах пусть специфический, но уровень власти, а значит, в силу вступают основные принципы, характерные для сущности любой государственной власти: обязательность решений для исполнения, возможность государственного принуждения и др. [21, с. 103]. При этом в системе местного самоуправления имеются другие структурные элементы (органы территориального общественного самоуправления, сходы граждан и др.), которые действуют в рамках закона самостоятельно и не являются государственными. В таком понимании, в принципе, некорректна постановка вопроса о соотношении местного самоуправления и государства в системе координат «часть и целое».

В другом виде связей институт местного самоуправления выполняет ряд специфических функций, отражающих его роль в механизме формирования гражданского общества, которое большинством исследователей противопоставляется государству (с точки зрения институционализации). Как отмечал М. А. Краснов, Конституция Российской Федерации проводит грань между системой государственной власти и системой местного самоуправления потому, что «слишком специфичны задачи и функции этих систем, а следовательно, и характер взаимоотношений с человеком» [21, с. 104]. В этом качестве местное самоуправление проявляет себя как основополагающий принцип организации государственного и общественного устройства, обеспечивающий легальную возможность участия граждан различными способами в публичном управлении в месте своего проживания. Такой статус института местного самоуправления предопределен его функциональным назначением. Местное самоуправление может выступить как пограничный институт между государством и обществом, сближающий их интересы, служащий важнейшим условием обеспечения единого процесса управления в стране на основе учета обратной связи.

Можно согласиться с позицией тех авторов, которые отмечают двойственную социально-юридическую природу местного самоуправления: одновременно государственную (заключается в решении определенной части государственных дел, частичном финансировании, обязательности властных решений и др.) и общественную (защита местных интересов, участие граждан в непосредственном принятии решений и др.) [22, с. 25, 57; 23, с. 8—9].

В силу этого представляется, что сущность местного самоуправления заключается в том, что данный социально-правовой институт призван стать механизмом согласования государственных интересов с интересами муниципальных образований и граждан в целях устойчивого развития муниципальных образований и формирования гражданского общества.

Р. Иеринг отмечал, что «государство поглощает все цели общества» [24, с. 281]. Наряду с этим каждая социальная система в государстве имеет собственную цель существования. Цель государства общая, а не частная — достижение общего блага, обеспечение общих для всех интересов, интересов общественного целого против угрожающих им частных интересов [8, с. 17]. Само благо в значительной степени определяется благосостоянием составляющих государственный организм частей, в силу чего косвенной целью государства становится содействие частным и групповым интересам [8, с. 18]. Исходя из этого в качестве цели местного самоуправления можно указать создание необходимых благоприятных условий комплексного устойчивого развития муниципального образования с учетом исторических, национально-культурных и иных традиций на основе согласования интересов населения муниципального образования с общегосударственными. Местное самоуправление призвано сформировать определенный микроклимат, позволяющий решать насущные, ежедневные вопросы жизнеобеспечения конкретной локальной территории, касающиеся каждого человека в отдельности и в целом местного сообщества с учетом исторических, национально-культурных и иных особенностей.

Можно сформулировать следующее определение местного самоуправления: это форма народо-властная, посредством которой осуществляется относительно самостоятельная деятельность субъектов муниципальной власти по выполнению функций, направленных на создание необходимых благоприятных условий комплексного устойчивого развития муниципального образования с учетом исторических, национально-культурных и иных традиций на основе согласования интересов населения муниципального образования с общегосударственными интересами.

На основе цели могут быть сформулированы соответствующие задачи местного самоуправления. Только при их решении возможно последовательное приближение к цели. К ним относим: 1) децентрализацию государственной власти; 2) развитие демократических основ российского государства и общества; 3) обеспечение согласования интересов населения муниципального образования с интересами общегосударственного характера; 4) обеспечение устойчивого комплексного социально-экономического развития муниципального образования;

5) участие в защите прав и свобод человека и гражданина в пределах муниципального образования; 6) содействие формированию гражданского общества.

Рассмотрение цели и задач, предопределяющих содержание функций местного самоуправления, позволяет дать их непосредственную характеристику. Появлением функций обнаруживается реальность местного самоуправления, выражение и реализация его свойств, посредством функционирования они показывают социальное назначение этого политико-правового института.

Функции местного самоуправления можно определить в качестве обусловленных его сущностью, социальным назначением и задачами направленной деятельности субъектов местного самоуправления, реализуемых путем осуществления полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления, а также путем реализации прав населения муниципального образования. В соответствии с содержанием и назначением каждая функция имеет свое место и выполняет свою роль в обеспечении системной целостности института местного самоуправления. Любая классификация предполагает определенную условность относительно и названия, и количества дифференцируемых явлений, ее не стоит абсолютизировать, так как функции взаимодействуют и пересекаются. Однако она необходима, поскольку дает представление об основных направлениях деятельности субъектов местного самоуправления, определяет содержание их компетенции и полномочий.

В самом общем виде, исходя из сущности местного самоуправления, данный институт должен выполнять две основополагающие функции — управление и представительство. Первая отражает государственный элемент в сущности местного самоуправления и обусловлена объективной необходимостью целенаправленного организующего воздействия на общественную систему на муниципальном уровне для решения вопросов ее жизнеобеспечения. Вторая указывает на общественную природу муниципального управления и определяется необходимостью представления и учета интересов местного сообщества в их сочетании с интересами субъекта Федерации и общегосударственными интересами.

Критерий объектной направленности позволяет выделить политическую, социально-экономическую, культурно-воспитательную, экологическую функции, а также функцию охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

В соотношении функций государства и функций местного самоуправления с учетом двойственной социально-юридической природы последнего необходимо выделить две группы его функций: функции, являющиеся, по сути, продолжением соответствующих функций государства, и функции,

отражающие исключительно специфику местного самоуправления, причем эта специфика влияет на обе указанные группы функций. При реализации функций, производных от государственных, субъекты местного самоуправления должны иметь определенную самостоятельность, принимать во внимание местные условия, свободу действия в предусмотренных рамках. Это можно определить как разделение общей функции по уровням управления. В таком качестве функция становится функцией местного самоуправления, она должна быть реализована субъектами местного самоуправления с применением собственных методов, форм и возможностей с учетом местных условий. Такое понимание функционального назначения института местного самоуправления позволяет выработать как механизм взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, так и функционально-компетенционное разделение их правового статуса, выраженное в определении структуры полномочий для каждого уровня власти. При этом следует учитывать, что даже «удачно сформулированная», терминологически выверенная правовая модель местного самоуправления не должна

рассматриваться «как последовательность действий заинтересованных субъектов, определенных текстом правового акта» [12, с. 99]. Эффективная реформа местного самоуправления не возможна в отрыве от реформы модели организации и осуществления публичной власти в целом. Социально-политические условия объективно будут детерминировать эффективность той или иной правовой модели не вообще, а в конкретном обществе и государстве [12, с. 100].

Таким образом, местное самоуправление представляет собой многогранное и многофункциональное социально-правовое явление, полноценное воплощение которого в жизнь предполагает разработку научной концепции муниципальной власти и программу ее практической реализации. Основными направлениями в совершенствовании этого института являются нормативно-правовое определение его функционального назначения через закрепление цели, задач и функций, реализацию мероприятий по повышению уровня политико-правовой культуры как самого населения, так и представителей органов государственной власти, укреплению общественного доверия к властным структурам.

1. Мирошниченко Е. В. Местное самоуправление в России. Теория и практика // Государство и право. 1993. № 6. С. 141—147.

2. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Том 2. М.: Юрид. лит., 1995. 496 с.

3. Либоракина М. И. Проблемы и перспективы местного самоуправления: независимая экспертиза реформы. М.: Фонд «Либер. миссия», Фонд «Ин-т экономики города», 2003. 223 с.

4. Бондарь Н. С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008. 592 с.

5. URL: [http : // http://www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru) (дата обращения: 23.08.2018).

6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 35. Ст. 3506 (утратил силу).

7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

8. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства: основные закономерности и тенденции развития: моногр. М.: ООО «Книгодел»; Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2009. 468 с.

1. Miroshnichenko E.V. Local Self-Government in Russia. Theory and Practice // State and Law. 1993. No 6. P. 141—147.

2. Constitutional Meeting. April, 29, November, 10, 1993: Transcripts. Materials. Documentation. Moscow: Yurid. lit., 1995. Vol. 2.

3. Liborakina M. I. The Problems and Prospects of Local Self-Government: Independent Examination of the Reform. Moscow, 2003.

4. Bondar N. S. Local Self-Government and Constitutional Justice: Constitutionalization of Municipal Democracy in Russia. Moscow: Norma, 2008. 592 p.

5. URL: <http://www.kremlin.ru> (reference date: 23/08/2018).

6. General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law of August 28, 1995. No 154-FZ // SZ RF. 1995. No 35. Art. 3506 (expired)

7. General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation: Federal Law of October 6, 2003. No 131-FZ // SZ RF. 2003. No 40. Art. 3822.

8. Grachev N. I. State Sovereignty and Forms of Territorial Organization of the Modern State: the Main Patterns and Development Trends: monograph. Moscow: Knigodel; Volgograd: the Publishing House of Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law, 2009. 468 p.

9. Vasilyev V. I. The Functional Purpose of Local Self-government // Russian Law Journal. 2007. No 7. P. 13—23.

9. Васильев В. И. О функциональном назначении местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 13—23.
10. Вильямский В. С. Основы организации деятельности социальных систем (на примере муниципальных образований России). Ростов н/Д: Феникс, 2006. 544 с.
11. Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: моногр. М.: Проспект, 2016. 272 с.
12. Правовые модели и реальность: моногр. / О.А. Акопян [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, Е. Е. Рафалюк, Н. И. Хлуденева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. 280 с.
13. Европейская хартия местного самоуправления // СЗ РФ. 1998. № 36. Ст. 4466.
14. Европейская хартия местного самоуправления // Народный депутат. 1993. № 111—12.
15. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: закон СССР от 9 апреля 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. URL: <http://ikvo.ru> (дата обращения: 10.09.2018).
17. URL: <http://hleb.asia> (дата обращения: 10.09.2018).
18. URL: <http://ryazan.bezformata.ru> (дата обращения: 10.09.2018).
19. URL: <http://ikvo.ru/news> (дата обращения: 14.09.2018).
20. Маритен Ж. Человек и государство. М.: Идея-Пресс, 2000. 196 с.
21. Конституция Российской Федерации. Комментарий / ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М.: Юрид. лит., 1994. 624 с.
22. Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Норма, 2001. 272 с.
23. Основы муниципального права Российской Федерации: учеб. пособие. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999. 96 с.
24. Иеринг Р. Избранные труды. СПб., 2006. Т. 1. 618 с.
10. Vilyamsky V. S. Fundamentals of Organizing Social Systems' activity (Using the Example of Municipalities in Russia). Rostov-on-Don: Phenix, 2006.
11. Goncharov V. I. Institutionalization of the System of Local Self-Government in the Russian Federation: Constitutional and Legal Research: monograph. Moscow: Prospekt, 2016. 272 p.
12. Legal Models and Reality: monograph / O. A. Akopyan [and others]; ed. by Yu. A. Tikhomirov, E. E. Rafalyuk, N. I. Khludeneva. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2015. 280 p.
13. European Charter of Local Self-Government // SZ RF. 1998. No 36. Art. 4466.
14. European Charter of Local Self-Government // People's Deputy. 1993. No 111—12.
15. General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR: the Law of the USSR of April 9, 1990. Access from the legal system "ConsultantPlus" (reference date: 09/09/2018).
16. URL: <http://ikvo.ru/news> (reference date: 10/09/2018).
17. URL: <http://hleb.asia/news> (reference date: 10/09/2018).
18. URL: <http://ryazan.bezformata.ru> (reference date: 10/09/2018).
19. URL: <http://ikvo.ru/news> (reference date: 10/09/2018).
20. Mariten Zh. The Man and the State. Moscow, 2000.
21. The Constitution of the Russian Federation. Commentary / ed. by B. N. Topornin, Yu. M. Baturin, R. G. Orekhov. Moscow: Juridical Literature, 1994. 624 p.
22. Koveshnikov E. M. The State and Local Self-Government in Russia: Theoretical and Legal Bases for Cooperation. Moscow: Norma, 2001. 272 p.
23. Fundamentals of Municipal Law of the Russian Federation: textbook. Volgograd: Volgograd Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 1999. 96 p.
24. Jhering R. Selected Works. St. Petersburg, 2006. Vol. 1. 618 p.

© Алексеев А. П., 2018

© Alexeev A. P., 2018

С. В. Непомнящий, В. Ю. Батулин, А. В. Ястребов

ОСОБЕННОСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ ЧЕМПИОНАТА МИРА ПО ФУТБОЛУ FIFA 2018 (Г. ВОЛГОГРАД)

В статье рассмотрен процесс подготовки и организации мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на объектах чемпионата мира по футболу FIFA 2018 г. на примере г. Волгограда. Дается анализ материалов организационного характера государственных структур и силовых ведомств. Дифференцированно рассмотрены проблемы обеспечения безопасности клиентских групп, объектов чемпионата мира по футболу 2018 г. в Волгограде. Кроме того, анализируется процесс взаимодействия подразделений, групп и нарядов органов внутренних дел, Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации и других в ходе обеспечения общественной безопасности на объектах чемпионата мира по футболу 2018 г.

Ключевые слова: чемпионат мира по футболу FIFA 2018, объекты транспортной инфраструктуры, клиентские группы, оперативно-служебные действия, контролеры-распорядители.

S. V. Nepomnyashchiy, V. Yu. Baturin, A. V. Yastrebov

FEATURES OF THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND SECURITY AT THE FACILITIES OF THE FIFA 2018 WORLD CUP (VOLGOGRAD)

The article considers the process of preparation and organization of measures to ensure the protection of public order and public safety at the World FIFA 2018 FIFA World Cup venues by the example of Volgograd. The analysis of materials of organizational character of state structures and power departments is given. The problems of ensuring the security of client groups, objects of the World Cup 2018 in Volgograd are differentially considered. In addition, the process of interaction between units, groups and orders of law enforcement agencies, the Federal Service for Troops of the National Guard of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation, the Federal Security Service of the Russian Federation and others in the course of providing security guarantees at the World Cup 2018 facilities is being analyzed.

Key words: FIFA World Cup 2018, objects of transport infrastructure, client groups, operational and service actions, controllers-administrators.

Для России 2018 г. стал знаменательным: в 11 городах прошли матчи чемпионата мира по футболу FIFA 2018. При этом был обеспечен высокий уровень безопасности физических и юридических лиц в местах и на объектах проведения мероприятия. К охране общественного порядка и общественной безопасности, как это было в 2014 г. на XXII зимних олимпийских играх и XI зимних паралимпийских играх в Сочи, кроме подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации были привлечены сотрудники Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ), Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии), Федеральной службы охраны Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий, работники

частных охранных предприятий, а также представители общественных формирований [1; 2].

На территориях (в городах и регионах), где проводились футбольные матчи, функционировали отделы (отделения, группы) по обеспечению безопасности крупных международных спортивных мероприятий территориальных органов МВД России (ОБКСМ). В их компетенцию входили:

— разработка комплекса мер по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в период проведения крупных международных мероприятий на территории соответствующего субъекта Федерации;

— координация деятельности структурных подразделений территориальных органов МВД России при проведении спортивных мероприятий;

— подготовка планируемой документации по вопросам указанной правоохранительной деятельности

и предоставление ее руководителям органов внутренних дел [3].

Условно деятельность по обеспечению безопасности можно разделить на несколько отдельных направлений:

1) обеспечение безопасности при прибытии спортивных делегаций, официальных лиц и гостей, представителей прессы и зарубежных болельщиков. Все они официально были объединены в клиентские группы, занимающие определенный статус и требующие к себе особого внимания со стороны силовых структур при их приезде, в местах проживания, во время передвижения по территории городов — организаторов чемпионата мира и на футбольных матчах;

2) охрана общественного порядка и обеспечение безопасности на объектах и прилегающей к ним территории, где проходили тренировки команд-участниц и официальные футбольные матчи;

3) охрана общественного порядка в местах проведения массовых политических, культурных и других мероприятий с гостями чемпионата, болельщиками команд и местным населением.

В данной статье мы опишем опыт одного из городов — организаторов мундиала — Волгограда [4; 3].

Гости чемпионата мира были разделены на четыре категории (первые две — клиентские группы):

1) аккредитованные клиенты FIFA. Они передвигались на специализированном транспорте, который сопровождал подготовленный персонал;

2) коммерческие партнеры, пресса, гости по Программе гостеприимства, зрители с билетами на матчи в составе организованных групп. Эта категория при переездах между объектами чемпионата обслуживалась заказным транспортом и регулярными рейсами автобусов-шатлов;

3) неорганизованные иногородние зрители и болельщики;

4) местные жители и болельщики из Волгограда [5; 6].

Ключевыми объектами, на которых было сосредоточено основное внимание ОБКСМ при ГУ МВД России по Волгоградской области и других силовых структур, стали:

— транспортные объекты: аэропорт, железнодорожный вокзал «Волгоград-1», автовокзалы «Центральный» и «Южный», основные транспортные магистрали для перемещения клиентских групп;

— места проживания клиентских групп;

— спортивные объекты: футбольные тренировочные поля и стадион «Волгоград Арена»;

— место проведения фестиваля болельщиков;

— достопримечательности: Мамаев курган, аллея Героев и др.

Основными средствами перевозки клиентских групп стали железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт. В связи с этим первым этапом обеспечения их безопасности была орга-

низация прибытия этих групп на вокзалы и в аэропорт. Далее переезд к местам постоянного проживания, затем различные организованные переезды по территории города.

Аэропорт был оснащен тремя терминалами обеспечения пассажиропотока. Прибывающие и убывающие команды вместе с болельщиками проходили через разные терминалы: первые через новый терминал международных воздушных линий (МВЛ), вторые через старый терминал МВЛ. Граждане России, пользующиеся в это время воздушным транспортом, — через терминал внутренних воздушных линий. После прохождения разрешающих процедур команды и болельщики отдельно покидали здания аэропорта через разные выходы и направлялись в разные зоны посадки.

Другим значимым видом транспорта в период проведения чемпионата мира стал железнодорожный транспорт, а из объектов обеспечения безопасности — железнодорожный вокзал «Волгоград-1», пропускная процедура пассажиропотока через который осуществлялась через три основных узла:

— в местах прохода в здание вокзала (входные двери);

— на лестничных сходах подземного перехода, связывающих здание с железнодорожными платформами дальнего следования;

— на лестничных сходах подземного перехода, ведущих к платформам пригородного железнодорожного сообщения.

На огражденной контролируемой территории привокзальной площади размещались зоны высадки (посадки) и досмотра пассажиров, места стоянки автобусов, такси и другого автотранспорта.

Волгоград имеет прямое автобусное сообщение с Украиной, Азербайджаном, тринадцатью регионами Российской Федерации, в том числе с четырьмя городами — организаторами чемпионата мира 2018 г.: Москвой, Казанью, Самарой, Ростовом-на-Дону. Основными автовокзалами Волгограда являются «Центральный» и «Южный». На время мундиала прилегающая к ним территория была изолирована. Здесь были оборудованы места контролируемой посадки и высадки пассажиров, сооружения для досмотра граждан, проходящих в здания автовокзалов и др.

Основными нарядами, группами и подразделениями при охране общественного порядка и обеспечении безопасности на объектах транспорта и перевозке клиентских групп стали группы оцепления, патрулирования, конвоирования, организации дорожного движения, охраны, задержания, ликвидации угрозы взрыва, контрольно-пропускной пункт и т. д.

Лица, отнесенные к клиентским группам, проживали в девяти гостиницах Волгограда и одной гостинице г. Волжского, где обеспечивали безопасность сотрудники органов внутренних дел совме-

стно с представителями частных охранных предприятий. Комплекс данных мероприятий включал в себя:

- организацию контрольно-пропускного режима на территорию отеля или гостиницы;

- проведение антитеррористических, противодиверсионных и противокриминальных мероприятий, в том числе по обеспечению взрывобезопасности;

- использование и привлечение инженерно-технических средств охраны;

- оказание помощи персоналу, администрации и гостям в чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера.

Обеспечение безопасности передвижения клиентских групп по территории города на автотранспорте можно представить в виде трех составляющих:

- наличие постов регулирования и требуемой разметки на автомобильных дорогах в интересах быстрого передвижения данного контингента;

- обеспечение передвижения автотранспорта нарядами сопровождения;

- организация и оборудование перехватывающих парковок для транспорта клиентских групп и других видов автотранспорта.

Среди основных угроз безопасности при проведении чемпионата мира по футболу 2018 г. специалисты называли: терроризм, организованную преступность, экстремизм, массовые беспорядки и стихийные бедствия [3; 7]. Для их предотвращения сотрудники подразделений ОВД и Росгвардии регулярно осуществляли:

- обследование внутренних помещений (мест проведения спортивных соревнований и тренировок, проживания гостей и участников, объектов транспортной инфраструктуры волгоградского транспортного узла);

- проверку территорий, прилегающих к объектам чемпионата мира 2018 г. и объектам транспортной инфраструктуры (газоны, парковки, железнодорожные насыпи и др.);

- осмотр дорожного полотна, мостов, путепроводов, эстакад, тоннелей, опор освещения, дорожных знаков и рекламных объектов;

- поиск, осмотр подозрительных предметов, имеющих признаки наличия взрывчатых веществ, взрывных устройств, боеприпасов и оружия;

- вывоз и уничтожение подозрительных предметов;

- организацию и проведение внеплановых проверок юридических лиц, осуществляющих продажу оружия, боеприпасов (патронов) и специальных средств и т. д. [4; 5; 7].

Государственными нормативными документами были установлены требования по обеспечению мер безопасности при проведении официальных

спортивных соревнований. Так, инфраструктура стадионов включала в себя:

- помещение для организаторов соревнований или координационного совета;

- помещения для работы сотрудников ФСБ, МВД России и Росгвардии;

- помещение для хранения предметов, запрещенных для проноса на спортивный объект;

- парковочные места для размещения транспортных средств, специальных технических оперативных служб, клиентских групп, инвалидов, и т. д.;

- медицинский пункт;

- зоны (контрольно-пропускные пункты) для проведения осмотра и досмотра входящих граждан и въезжающего транспорта с применением технических средств.

Кроме того, стадионы были оборудованы:

- информационными табло или стендами;

- системами контроля и управления доступом, охранного телевидения, охранной и тревожной сигнализации, охранного освещения, экстренной связи [6; 7].

В состав сил обеспечения общественного порядка и общественной безопасности также вошли контроллеры-распорядители. На них были возложены следующие обязанности: осуществление контроля за доступом зрителей в места проведения соревнований; их размещение на трибунах; после окончания матчей сопровождение до выхода с объекта; совместно с сотрудниками органов внутренних дел и Росгвардии досмотр граждан и находящихся при них вещей на входе в места проведения соревнований с применением в случае необходимости технических средств; недопущение граждан, отказавшихся проходить личный досмотр, в места проведения соревнований; требование от зрителей соблюдения общественного порядка, а также установленных правил поведения; информирование зрителей о порядке действий в случае угрозы возникновения или при возникновении чрезвычайных ситуаций; участие в организации их эвакуации и т. д. [4; 6; 7].

Важность роли контролеров-распорядителей в обеспечении общественного порядка во время футбольных матчей подтверждает следующий пример. Во время футбольного матча на чемпионате мира 4 июля 2014 г. на стадионе «Маракана» (г. Рио-де-Жанейро) между сборными командами Франции и Германии, на котором присутствовали 74 тыс. человек, безопасность внутри стадиона обеспечивали 1 060 контролеров-распорядителей: 120 — по периметру игровой зоны (по 25 за каждым футбольными воротами и по 30 вдоль центральных трибун); 940 — на трибунах, в подтрибунных помещениях, досмотровых зонах и на территории стадиона [7].

Меры по обеспечению антитеррористической защищенности мест, где проходили матчи чемпионата мира 2018 г., включали в себя:

— проведение организационных мероприятий с учетом степени потенциальной опасности объекта и угрозы совершения на нем террористического акта, устранение причин и условий для этого;

— оборудование этих мест необходимыми информационно-техническими средствами и средствами обеспечения защиты этой информации и т. д.;

— готовность соответствующих сил и средств к эффективным действиям при угрозе совершения или совершении террористического акта на объекте (территории) [7].

Территория, прилегающая к стадиону «Волгоград Арена», и сам стадион имели контрольные и запретные зоны. Первые были установлены в целях организации санкционированного доступа в них граждан и транспортных средств. Вторые — для исключения доступа в них граждан и транспортных средств без служебной или производственной необходимости. Кроме того, был определен порядок доступа граждан и транспортных средств в эти зоны, а также установлен перечень предметов, запрещенных или ограниченно разрешенных к проносу (провозу) в них. Охрану общественного порядка

и безопасности в границах указанных зон обеспечивали наряды, группы и подразделения ОВД, Росгвардии, сотрудники частных охранных предприятий и контролеры-распорядители [5].

Не менее важным объектом стало и место проведения фестиваля болельщиков — набережная имени 62-й армии, которая была изолирована от посторонних. Проход сюда осуществлялся по соответствующим пропускам. Охрану общественного порядка и безопасности на данной территории осуществляли сотрудники ОВД, Росгвардии и частных охранных предприятий. Здесь были организованы посты охраны порядка, контрольно-пропускные пункты, посты наблюдения, патрули и т. д. [5; 7].

В Волгограде в состав сил обеспечения охраны общественного порядка и безопасности в местах проведения чемпионата мира по футболу 2018 г. вошел постоянный и переменный состав Волгоградской академии МВД России, что потребовало целенаправленной подготовки курсантов, слушателей и преподавателей [8; 1; 3]. Благодаря слаженной работе задействованных служб и подразделений в период проведения чемпионата мира по футболу 2018 г. удалось обеспечить должный уровень безопасности и защитить всех участников этого мероприятия от возможных угроз.

1. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 19.12.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон от 29 июня 2016 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Об утверждении положения об Управлении по обеспечению безопасности крупных международных и массовых спортивных мероприятий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 25 июня 2011 г. № 724 (в ред. от 09.03.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Положения о комитете по подготовке и проведению матчей чемпионата мира по футболу 2018 года Волгоградской области: постановление губернатора Волгоградской области от 21 января 2015 г. № 18.

5. Об особенностях применения усиленных мер безопасности в период проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедерации FIFA 2017 года: указ президента Российской Федерации от 20 мая 2017 г. № 224. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. On the police: Federal Law of February 7, 2011 No 3-FZ (as amended on July 13, 2015, as amended on December 19, 2016). Access from the legal system "ConsultantPlus".

2. On the troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law of June 29, 2016 No 226-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

3. On approval of the provision on the Office for Ensuring the Security of Major International and Mass Sports Events of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order No 724 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 25, 2011 (as amended on 09.03.2016). Access from the legal system "ConsultantPlus".

4. On approval of the Regulations on the Committee for the preparation and holding of matches of the 2018 FIFA World Cup Volgograd region: the resolution of the Governor of the Volgograd region of January 21, 2015. No 18.

5. On the specifics of the use of enhanced security measures during the FIFA World Cup 2018 in the Russian Federation and the FIFA Confederation Cup 2017: Decree No 224 of the President of the Russian Federation of May 20, 2014. Access from the legal system "ConsultantPlus".

6. Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2014 г. № 353. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Обзор о результатах командирования сотрудников МВД России в Федеративную республику Бразилия при проведении чемпионата мира по футболу 2014 года. М.: УБКМ МВД России 2014 г.

8. О подготовке к проведению в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедерации FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Непомнящий С. В., Батурин В. Ю., Ястребов А. В., 2018

6. On approval of the Safety Rules for the conduct of official sports competitions: Decree of the Government of the Russian Federation of April 18, 2014 No 353. Access from the legal system "ConsultantPlus".

7. Review of the results of sending Russian Ministry of Internal Affairs employees to the Federative Republic of Brazil during the 2014 FIFA World Cup. Moscow: UBKM of the Ministry of the Interior of Russia in 2014.

8. On preparations for the holding of the FIFA 2018 World Cup in the Russian Federation, the FIFA Confederation Cup 2017 and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of June 7, 2013 No 108-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

© Nepomnyashchiy S. V., Baturin V. Yu., Yastrebov A. V., 2018

УДК 342.7
ББК 67.401.3

DOI 10.25724/VAMVD.CNOP

М. Ю. Попов

МЕСТО И РОЛЬ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ЛИЧНОСТИ

В статье автор на основе комплексного анализа исследует сущность и содержание конституционно-правового статуса личности в динамике общественных отношений, формирующих статус личности как таковой. Автор приходит к обоснованному выводу о том, что конституционно-правовой статус личности, выступая фундаментом общего статуса, является в этой системе норм наиболее устойчивой, неизменяемой и неотчуждаемой группой норм. Особо пристальное внимание уделяется исследованию места и роли, а также сущности и содержания институтов конституционной и общей (общеправовой) правосубъектности. Автор рассматривает такой динамичный элемент правосубъектности, как дееспособность, и на основе анализа существующих положений Конституции Российской Федерации и законодательства в части государственной службы делает ряд законотворческих предложений, нацеленных на укрепление эффективности государственной власти в России.

Ключевые слова: государство, право, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, правоспособность, человек, гражданин, возраст, гражданство, равноправие, закон, Конституция.

М. Yu. Popov

THE PLACE AND ROLE OF LEGAL PERSONALITY IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL

In the article the author, on the basis of a complex analysis, examines the essence and content of the constitutional and legal status of the individual in the dynamics of social relations that form the status of the individual as such. The author comes to a justified conclusion that the constitutional and legal status of the individual, acting as

the foundation of the general status, is in this system of norms the most stable, unchangeable and inalienable group of norms. Particular attention is paid to the study of the place and role, as well as the essence and content of institutions of constitutional and general (general legal) personality. The author considers such a dynamic element of legal personality as legal capacity and on the basis of an analysis of existing provisions of the Constitution of the Russian Federation and legislation in the part of the civil service makes a number of legislative proposals aimed at strengthening the effectiveness of state power in Russia.

Key words: state, law, legal personality, legal capacity, capacity, legal capacity, person, citizen, age, citizenship, equality, law, Constitution.

Момент возникновения государства как основного института политической власти неизвестен никому. На основе существующих данных, полученных археологическим путем и посредством анализа древних текстов и преданий о моменте зарождения первых институтов государственной власти, конкретном времени появления государств в различных частях света, можно лишь выдвигать гипотезы. Но при этом формально-логическое моделирование позволяет сделать вывод о том, что вместе с появлением первых зачатков государственности возникли и нормы государственного права, что ни у кого не вызывает сомнения, в связи с тем что проблемы организации и осуществления политической власти всегда вызывали и вызывают острый интерес любого мало-мальски организованного общества [1], которое, в свою очередь, после появления разделения труда и института собственности перестало быть однородным и наполнилось противоречиями и разновекторными интересами.

Во все эпохи при формировании или реформировании государственной власти организаторы и исполнители должны были ответить на следующие вопросы:

1. Кому власть принадлежит (вопрос источника власти).
2. Как она выглядит внешне (вопросы формы правления и государственного устройства).
3. Как она формируется (вопросы способа прихода к власти и правоприемственности).
4. Каковы пределы притязаний власти и общества к личности (вопросы определения границ государственных, личных и корпоративных интересов членов общества, границ личной свободы).

Все эти вопросы имеют острый социально-политический характер, именно поэтому сам по себе институт государственной власти без четких норм-правил, регулирующих разрешение данных проблем, существовать не может. На разных стадиях человеческого бытия эти нормы государственного права имели разную форму внешнего выражения и фиксации, социально-политическую и юридическую природу, но их суть от этого не менялась, как не менялось и то обстоятельство, что все они находятся в тесном взаимодействии и взаимозависимости. С появлением конституционного права данные нормы составили основы конституционного строя. Особое место в их системе

занимает группа правил, определяющих границы властных притязаний в адрес личности и социальных групп. Уникальность указанных норм определяется тем обстоятельством, что качественное переосмысление места и роли личности в системе общественных отношений, а затем в системе правоотношений привело к эволюции государственного права в XVIII—XX вв. к праву конституционному, т. е. к возникновению нового политико-правового явления, оказавшего, в свою очередь, существенное влияние на весь ход дальнейшей истории человечества.

Место и роль личности в системе правоотношений — один из коренных объектов исследования в науке конституционного права. Создается впечатление, что после принятия на основе выверенных научных доктрин Конституции Российской Федерации в 1993 г. и последующей детальной регламентации статуса человека и гражданина в России проблем не осталось. Между тем «дьявол кроется в мелочах»: в некоторых вопросах понимания и применения отдельных научно-правовых категорий присутствует неопределенность, порождающая существенные проблемы. В их числе и понимание структуры конституционно-правового статуса личности, места и роли его элементов в системе правоотношений, в частности правосубъектности.

Статус личности является сложной социально-правовой категорией, зависящей от множества факторов, оказывающих существенное влияние на его возникновение и эволюцию: гражданства, возраста, социального положения и личных способностей, случаев непреодолимой силы, возникновения и развития дополнительных профессиональных прав и обязанностей и т. д. Таким образом, статус личности, если смотреть на это явление с количественной и качественной стороны объема и сущности норм, есть величина переменная. Эта группа норм находится в постоянной динамике: какие-то права, обязанности, виды ответственности появляются, какие-то исчезают. Но есть и т. е., которые остаются неизменными на протяжении всей жизни, они и составляют ядро правового статуса личности — конституционно-правовой статус человека и гражданина. Он носит абсолютный характер и не отчуждаем от личности, даже если личность реализует не все нормы.

Структура конституционно-правового статуса личности складывалась тысячелетиями. Так, по мнению А. Г. Бережнова, уже в Древнем Риме все свободные люди обладали либо статусом гражданина, либо плебея (простого человека). Граждане Рима имели полный комплекс социально-политических прав и обязанностей, плебеи же были ограничены в них [2]. В той или иной степени данное разграничение на граждан и неграждан существует и сейчас. Это обусловлено социально-политическими основаниями [3, с. 40—45]. С точки зрения некоторых авторов структура конституционно-правового статуса личности представляет собой совокупность таких элементов, как:

1. Гражданство.
2. Правосубъектность.
3. Принципы правового положения личности.
4. Конституционные права, свободы и обязанности.
5. Гарантии конституционных прав и свобод.
6. Правовое положение иностранцев, лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев [4, с. 40—45].

Реализация всех указанных элементов конституционно-правового статуса личности на практике взаимосвязана с институтом гражданства как особой системой политико-правовых отношений человека и государства. Связь гражданства с иными элементами конституционно-правового статуса личности прослеживается, в частности, в таком его разделе, как правосубъектность. Ее понимают по-разному: как правоспособность [4] (некоторые отграничивают правоспособность от дееспособности [5, с. 31]), как совокупность правовых возможностей [6, с. 312]. Все это, в общем, не лишено логики.

Правосубъектность делится на общую и специальную. Первая в большей степени неразрывно связана с институтом гражданства, хотя и принадлежит каждому человеку, находящемуся на территории Российской Федерации.

Часть 2 ст. 6 Конституции Российской Федерации дает определение правоспособности: «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» [7, с. 5]. Практически все авторы сходятся во мнении, что правосубъектность в отрыве от правового статуса не существует. При этом данная связь носит конкретизированный отраслевой характер [8, с. 162]. Таким образом, права те ученые, которые определяют правосубъектность как систему возможностей по реализации закрепленных в законодательстве прав и исполнению обязанностей, поэтому объектом правового ограничения, налагаемого на личность, могут выступать не только конкретные права и свободы, но и правовые возможности, т. е. элементы уже, собственно,

правосубъектности. Так, лишение судом права занимать государственные должности служат основанием для отказа в регистрации лица в качестве кандидата на выборах в представительный или иной орган государственной власти. При этом законным образом блокируется возможность лица, но не его право, т. е. ограничивается правосубъектность, но не право. Сами граждане своими действиями также могут существенно ограничить себя в конституционной правосубъектности. В частности, приобретение иного гражданства даже и с сохранением российского, влечет за собой утрату возможности реализации права на государственную или муниципальную службу (при условии отсутствия соответствующего международного договора с государством, гражданство которого было приобретено).

Тем не менее ограничение или лишение права — явление достаточно редкое. Наиболее часто встречаемые ограничения в конституционной правосубъектности — ограничения возрастного, медицинского или правового характера (для лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние и отбывающих наказание в виде лишения свободы).

Правосубъектность — это взятые в совокупности дееспособность и правоспособность. Приведенное выше конституционно-правовое определение правоспособности для неспециалиста носит преимущественно оценочный характер и требует уточнения. Наиболее убедительной выглядит дефиниция, данная в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 17): «Правоспособность — это способность иметь гражданские права и нести обязанности. Она признается в равной мере за всеми гражданами. Правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью» [9]. Краткое и емкое определение, казалось бы, не оставляет места для вопросов. Но по поводу моментов ее возникновения и прекращения есть некоторые замечания. Представляется, что такие жесткие временные рамки не совсем сходятся с жизнью, в условиях которой отдельные аспекты правоспособности (в частности, в области наследственного права, отцовства и материнства, брачно-семейных отношений, гражданства лица и др.) фактически возникают до момента физиологического рождения и продолжают существовать после смерти гражданина. Данное замечание носит исключительно дискуссионный характер [10, с. 170]. Вместе с тем представляется, что с развитием медицины, в частности разделов генетики и реанимации, эти вопросы будут приобретать все большую актуальность.

Неменьший интерес в структуре конституционной правосубъектности вызывает институт дееспособности. Статья 60 Конституции Российской Федерации устанавливает, что гражданин России может самостоятельно осуществлять в полном объеме

свои права и обязанности с 18 лет. Тем не менее более полное определение дееспособности содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации (ст. 21): дееспособность — это способность лица своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности. ... Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с 18 лет.

Конституционная и иная дееспособность гражданина существенно зависит от понимания в обществе места и роли личности с различными свойствами. Значительное влияние на понимание сути дееспособности оказывают вид правовой культуры, эпоха, общий уклад жизни и т. д. Еще относительно недавно (100—150 лет назад) на содержание дееспособности воздействовали такие факторы, как сословная принадлежность, пол, имущественное положение, национальность и вероисповедание лица [11]. Сегодня основным условием конституционной и иной дееспособности лица выступает только возраст. При этом само понятие дееспособности имеет сложный характер ввиду его многоуровневой структуры и существенным образом зависит от социально-политической характеристики лица. В связи с этим наука выделяет такие виды дееспособности, как гражданско-правовую, административно-правовую, конституционно-правовую, уголовно-правовую и т. д. Во всех видах дееспособности ее важнейшим элементом выступает возраст. Он является основным видом ценза, позволяющего в полной или усеченной мере реализовать человеку и гражданину свои права и соблюдать (исполнять) обязанности. При этом понимание сущности возрастных ограничений в условиях разных правовых культур и практик имеют различия. Так, если в общероссийском культурно-политическом и правовом пространстве возрастные ограничения есть органичное и гуманистическое желание государства и общества удержать от преждевременного взросления еще не окрепшую физиологически и психически личность, то в западной культуре ультралиберального направления возрастное ограничение — это «дискриминационная политика государств и организаций по отношению к людям по причине их принадлежности к определенной возрастной группе, в основе которой лежат положения о физической и умственной неравноценности лиц, чей паспортный возраст не соответствует установленным национальным законодательством или господствующей религией нормам». Таким образом, в середине 1960-х гг. в большинстве западных стран были приняты законы, которыми возраст совершеннолетия был снижен с 21 года до 18 лет. В Швейцарии совершеннолетним считается лицо, достигшее 20 лет. В Британии в соответствии с законодательством о реформе брачно-семейных норм 1969 г. лицо становится совершеннолетним с первого дня 18-летия. В США в зависимости от за-

конодательства штата возраст совершеннолетия колеблется между 18 и 21 годами.

Недееспособность несовершеннолетних может быть полной или ограниченной. В разных странах объем дееспособности несовершеннолетних различен. Во Франции правовой статус несовершеннолетних устанавливается многочисленными фрагментарными положениями гражданского кодекса. До достижения 18 лет лицо определяют как недееспособное, и управление его имуществом осуществляют родители как законные представители или опека в случае их смерти.

В Германии возрастной зазор ограниченной дееспособности несовершеннолетнего — от 7 до 18 лет. Несовершеннолетний может осуществлять сделки как под контролем своего законного представителя, так и самостоятельно. В числе последних стоит назвать сделки:

- 1) несущие лицу «правовую выгоду»;
- 2) в пределах сумм, данных несовершеннолетнему на «карманные расходы»;
- 3) заключенные для обеспечения дальнейшей работы предприятия, на управление которым несовершеннолетний заранее получил согласие своего законного представителя.

В Британии до достижения 18 лет лицо является ограничено дееспособным. Нормы, устанавливающие уровень дееспособности несовершеннолетнего, были определены прецедентным правом и лишь в незначительной степени обобщены Статутом 1874 г. о правовом положении несовершеннолетних [12, с. 235—270].

Конституционная дееспособность в Российской Федерации (ст. 60 Конституции) наступает в 18 лет. Именно в этом возрасте гражданин получает право на участие в делах государства, в первую очередь посредством права избирать и права на равный доступ к государственной службе (ст. 32 Конституции). Но это лишь часть конституционной дееспособности. В 21 год человек получает право участвовать в качестве кандидата в выборах в представительные органы государственной власти и местного самоуправления; в 25 лет может быть избранным на пост судьи; в 30 лет имеет право участвовать в качестве кандидата на выборах главы субъекта Федерации и может быть наделен полномочиями члена Совета Федерации; 35 лет — возраст участия в качестве кандидата на выборах Президента; 40 лет — возраст для кандидата на пост судьи Конституционного Суда. Таким образом, возраст ограниченной конституционной дееспособности наступает в 18 лет. Возраст полной конституционной дееспособности — в 40 лет.

В соответствии с рассматриваемыми положениями Конституции Российской Федерации в Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ установлено, что на службу вправе поступать граждане не моложе 18 лет, способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел (чч. 1, 2 ст. 17) [13]. При этом «в образовательные организации высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме вправе поступать, в том числе граждане, не достигшие возраста 18 лет» (ч. 2, ст. 17). Не все граждане, достигшие возраста начальной конституционной дееспособности, по своим личным качествам способны отвечать квалификационным требованиям, предъявляемым к кандидатам на службу в органы внутренних дел. В этих условиях возможны существенные ошибки и издержки, поскольку оценка способности или неспособности кандидата носит в значительной степени субъективный характер. Следует также учесть принципы справедливости и равноправия. В части 3 ст. 76 указанного закона зафиксировано, что участие курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организаций высшего образования сис-

темы МВД России в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка и выполнение ими других обязанностей, свойственных органам внутренних дел, в целом входят в их подготовку. При этом к участию в таких мероприятиях не допускаются курсанты и слушатели, не достигшие 18 лет. Представляется, что указанные нормы Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части возрастных исключений для кандидатов на службу в органы внутренних дел прямо противоречат п. 2 ст. 6, п. 4, ст. 32 и ст. 60 Конституции Российской Федерации и подлежат отмене или пересмотру. Кроме того, назрела необходимость внесения изменений и в саму систему прохождения обучения (с уточнением основных позиций правового положения) указанных лиц в образовательных организациях системы МВД России. Возможно, есть смысл обратиться к позднему советскому опыту приема кандидатов на службу в учебные заведения МВД России.

Примечание

* Например, получение статуса вынужденного переселенца или беженца вследствие межнационального или межконфессионального конфликта или попадание под удар стихийного бедствия с полной утратой имущества и правоустанавливающих документов.

1. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованием Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат. 1985.

2. Бережнов А. Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М., 1991.

3. Попов М. Ю. Гражданство как элемент социально-политической основы конституционного государства в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44).

4. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М., 1997; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации: учебник, М., 2003; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник, М., 2018.

5. Витрук Н. В. Основные теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979.

6. Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко М.: Зерцало 2005.

7. Конституция Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2015.

8. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. СПб.: Питер, 2004.

9. Гражданский Кодекс Российской Федерации (в ред. от 18.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Попов В. В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения множественности правовых смыслов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. №1 (44).

1. Engels F. Origin of the family, private property and the state. In connection with the research of Lewis G. Morgan. Moscow: Politizdat. 1985.

2. Berezhnov A. G. Person's rights: some questions of theory. Moscow, 1991.

3. Popov M. Yu. Citizenship as an element of the socio-political basis of the constitutional state in Russia // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2018. No 1 (44).

4. Voevodin L. D. Legal status of a person in Russia. M., 1997; Kozlova E. I., Kutafin O. E. Constitutional law of the Russian Federation: textbook, Moscow, 2003; Baglai M. V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook, Moscow, 2018.

5. Vitruk N. V. Basic theories of the legal position of the individual in a socialist society. Moscow, 1979.

6. Theory of State and Law / ed. M. N. Marchenko Moscow: Zertsalo 2005.

7. The Constitution of the Russian Federation. Moscow: Infra-M, 2015.

8. Komarov S. A. General theory of state and law: a textbook. St. Petersburg: Peter, 2004.

9. Civil Code of the Russian Federation (as amended on 18.04.2018). Access from the legal system "ConsultantPlus".

10. Popov V. V. A look at the right through the prism of the semiotic triangle: the problem of conventional limitation of the plurality of legal meanings // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2018. No 1 (44).

11. Алексеев А. П. Ценности в Конституционном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32).

12. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2012.

13. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Alekseev A. P. Values in the Constitutional Law // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2015. No 1 (32).

12. Chirkin VE Constitutional law of foreign countries. Moscow, 2012.

13. On the service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to the separate legislative acts of the Russian Federation: Feder. The law of November 30, 2011 No 342-FZ. Access from the legal system "ConsultantPlus".

© Попов М. Ю., 2018

© Popov M. Yu., 2018

УДК 351.74
ББК 67.401.133.12

DOI 10.25724/VAMVD.COPQ

В. В. Пронин

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ТЫЛОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Анализ и оценка последствий чрезвычайных ситуаций в России объективно свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения проблем, связанных с совершенствованием действующих и созданием новых административно-правовых механизмов, позволяющих повысить эффективность деятельности органов исполнительной власти, прежде всего органов внутренних дел, по защите интересов личности, общества и государства в процессе их предупреждения и ликвидации.

Органы внутренних дел в качестве одного из субъектов решения задач в области национальной безопасности должны быть нацелены на активный поиск новых алгоритмов по предотвращению и ликвидации основных угроз государственной и общественной безопасности, к которым в настоящее время отнесены стихийные бедствия, аварии и катастрофы.

Высокая степень организации тылового обеспечения органов внутренних дел в условиях чрезвычайной ситуации как составная часть уверенного управления подразделениями в нестандартной обстановке может быть достигнута исходя из понимания существующей действительности и верного применения алгоритма дальнейших действий в целях эффективного решения конечной задачи, а также накопления опыта познания объективной реальности для практического внедрения новейших барьеров в схватке с техногенными и природными катастрофами XXI в. В связи с этим автором предложены конкретные меры по повышению эффективности работы тыловых (снабженческих) структур в период выполнения оперативно-служебных и служебно-боевых задач в пунктах временной дислокации подразделений органов внутренних дел путем создания *внештатных региональных тыловых групп* из числа сотрудников окружных управлений материально-технического снабжения МВД России.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, материально-технические средства, организация деятельности, временная дислокация, внештатная региональная, тыловая группа, окружные управления материально-технического снабжения.

V. V. Pronin

PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE ADMINISTRATIVE SUPPORT SYSTEM OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES DURING EMERGENCY RESPONSE

Analysis and assessment of the consequences of emergencies in Russia objectively testifies to the need to further examination of the problems associated with improving the existing and creating new administrative and legal mechanisms that make it possible to increase the effectiveness of the executive authorities and, above

all, the internal affairs bodies, to protect the interests of an individual, society and the state in the process of their prevention and liquidation.

The internal affairs authorities, being one of the subjects of solving national security tasks, should aim to actively search for new algorithms for preventing and eliminating the main threats to state and public security, to which, at the present time, include spontaneous disasters, accidents and catastrophes.

A high degree of organization of administrative support to the internal affairs authorities, in an emergency situation, as part of the confident management of subunits in an unconventional environment, can be achieved on the basis of an understanding of the existing reality and correct application of the algorithm for further action, with the goal of effectively solving the final problem, and accumulating experience cognition of objective reality for practical introduction of the newest barriers in the struggle with technogenic and natural disasters of the XXI century.

In this regard, the author proposed specific measures to improve the effectiveness of the administrative (supply) structures, during the operational-service and combat tasks, at temporary deployment locations of DIA units, by creating freelance regional rear groups from among the employees of the district directorates - Technical Supply of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Key words: emergency, material and technical means, activity organization, temporary dislocation, freelance regional logistics group, district Administration of material and technical supply.

Актуальность проблемы защиты человека от опасностей природного и техногенного характера, к сожалению, находит свое ежедневное подтверждение.

Стремительное индустриальное развитие современного общества, изменение экологической обстановки в результате экономической деятельности человека, рост числа крупных промышленных аварий с тяжелыми последствиями наносят огромный экономический и экологический ущерб, приводят к человеческим жертвам, а события, возникающие под воздействием подобных явлений и их последствий, часто характеризуются как чрезвычайные ситуации.

В качестве примеров чрезвычайных ситуаций последних лет можно привести паводок на Дальнем Востоке, вызванный резким повышением воды в реке Амур (июль—сентябрь 2013 г.), оставивший без жилья 3,5 тыс. человек, общая численность пострадавших при этом составила свыше 190 тыс. человек, а ущерб оценен почти в 88 млрд руб.; засуха в Центральной России и Сибири (июнь—август 2010 г.), спровоцировавшая лесные пожары, возгорание торфяников, потерю урожая, в результате которой пострадало 25 тыс. сельхозпредприятий в 43 регионах страны, погибло сельхозкультур на площади 13 млн гектаров (30 % от всей посевной площади России), установленный ущерб составил почти 41 млрд руб.; наводнение в г. Крымске Краснодарского края (6—7 июля 2012 г.), приведшее к гибели 171 человека, уничтожению свыше 7 тыс. частных и 185 многоквартирных домов, ущерб — 20 млрд руб. [1]; крупные лесные пожары, произошедшие летом 2016 г. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в количестве более 11 тыс. возгораний, ущерб — 15 млрд руб. В 2017 г. сгорело 4,6 млн гектаров лесов и лесных земель (Красноярский край, Иркутская область, Бурятия и другие регионы), оцененный ущерб — 9,5 млрд руб. [2].

Существенно чаще безопасности населения и экономике угрожают техногенные аварии и катастрофы, количество которых в среднем за последние 20 лет превысило втрое количество природных бедствий. По данным Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, на территории страны находится более 4,5 тыс. критически важных объектов (КВО), нарушение или прекращение функционирования которых приведет к потере управления экономикой государства [3]. Большинство из них размещено в густонаселенных районах в пределах крупных городов. На европейской части России, в Северо-Западном, Центральном, Южном, Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах сосредоточено 75 % всех КВО. Более четверти из них (25,6 %) размещено в Центральном федеральном округе.

В целом согласно опубликованной статистике за 2015 г. в России произошло 257 чрезвычайных ситуаций (техногенных — 179; природных — 45; биолого-социальных — 33), в которых погибли 699 человек, пострадали 20,8 тыс. человек. В 2016 г. произошло 299 чрезвычайных ситуаций, среди них: техногенных — 177; природных — 54; биолого-социальных — 67. Погибли 788 человек. Пострадали 131 тыс. человек. За 2017 г. произошло 257 чрезвычайных ситуаций, среди них: техногенных — 176; природных — 42; биолого-социальных — 38. Погибли 556 человек. Пострадали 36,5 тыс. человек [4]. В этих условиях большое значение приобретает своевременное, оперативное реагирование всех полномочных органов, организаций, учреждений. Непредсказуемость, спектр и широта возможного негативного воздействия на человека, животных, технику и природу требует от государства — гаранта соблюдения и защиты прав и свобод человека

и гражданина — постоянного анализа результатов пагубного воздействия, формирования на основе этого всевозможных методик и алгоритмов блокирования и ликвидации негативных чрезвычайных факторов, создания барьеров, предотвращающих опасное развитие событий, нормализующих существующий миропорядок, сохраняющих при этом жизнь и здоровье человека.

В соответствии с положениями Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ под чрезвычайной ситуацией понимается обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [5].

В качестве основных характеристик чрезвычайной ситуации можно привести причинение значительного ущерба правам и законным интересам физических и юридических лиц, различным общественным образованиям или возникновение угрозы причинения такого ущерба, а также возникновение социальной дисгармонии [6].

Чрезвычайная ситуация влечет за собой существенный имущественный, а также нематериальный и моральный вред и неизбежно приводит к изменению общественных и индивидуальных норм человеческой жизни, нарушению социальной гармонии [7]. Социальная гармония — это устойчивая и динамичная сбалансированность, пропорциональность и взвешенность сфер общества и человека [8]. Негативные события и обстоятельства, разрушающие экономику, дезорганизующие упорядоченную жизнь общества, способствуют нарушению урегулированного правового поля.

Чрезвычайная ситуация имеет временные и территориальные границы. Возникшие чрезвычайные условия жизнедеятельности, особая обстановка предваряются определенными начальными чрезвычайными событиями.

Пространственные границы чрезвычайной ситуации формируются там, где есть для этого условия. Их возникновение может иметь как случайный, так и закономерный характер, иногда не зависящий от человека либо трудно прогнозируемый им.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 мая 2007 г. № 304 чрезвычайные ситуации могут носить локальный, муниципальный, межмуниципальный, региональный, межрегиональный и федеральный характер [9]. Все эти названия имеют

прямую связь с уровнем опасности события и территорией, охваченной им.

Для чрезвычайной ситуации обязательным является наличие ее источника. Согласно ГОСТу Р 22.0.02-94 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий» источником чрезвычайных ситуаций называется опасное природное явление, авария или опасное техногенное происшествие, широко распространенная инфекционная болезнь людей, сельскохозяйственных животных и растений, а также применение современных средств поражения, в результате чего произошла или может возникнуть чрезвычайная ситуация [10].

При анализе чрезвычайных ситуаций последних лет в Российской Федерации нужно отметить, что реализацию единой государственной политики в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868, осуществляет МЧС России [11]. Правовые основы статистической деятельности в этой области определены Постановлением Правительства Российской Федерации «О Порядке сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 24 марта 1997 г. № 334 [12]. Приказом МЧС России от 8 июля 2004 г. № 329, исходя из основных типов чрезвычайных ситуаций — техногенного, природного и биолого-социального характера — определены источники чрезвычайных ситуаций и установлены критерии информации о чрезвычайных ситуациях [13].

Предупреждение чрезвычайных ситуаций, повышение устойчивости функционирования объектов жизнедеятельности, обеспечение готовности сил и средств к ликвидации чрезвычайных ситуаций и в конечном итоге защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера являются стратегическими целями национальной безопасности нашей страны. Частью 8 ст. 43 Указа Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683 к основным угрозам государственной и общественной безопасности отнесены «стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров» [14]. К одному из главных объектов, обеспечивающих решение задач в области государственной и общественной безопасности страны относятся органы внутренних дел. Это закреплено п. 4 ст. 2 Указа Президента Российской Федерации

Федерации «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» от 21 декабря 2016 г. № 699, где к их основным задачам отнесены задачи по обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, общественной безопасности. Согласно пп. 56, 58 раздела II настоящего указа органы внутренних дел и организации МВД России участвуют в проведении мероприятий в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечивают повышение устойчивости работы органов внутренних дел в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций в мирное время [15].

В целях повышения устойчивости работы органов и организаций системы МВД России в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций требуется создание, содержание и правильное использование постоянного резерва (запаса) финансовых, материально-технических средств; готовности человеческих ресурсов к действиям в особых условиях жизнедеятельности. Правовые основы этого заложены в главе VI (ст. 22—25) Порядка финансового и материального обеспечения мероприятий по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, уже отмеченного ранее Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. Ведомственные документы МВД России, в свою очередь, определяют наименования материально-технических запасов, находящихся в местах постоянной дислокации органов внутренних дел и организаций системы МВД России, и их количество, [16], а также оперативные запасы материально-технических средств, находящихся в местах постоянной дислокации структурных подразделений единого держателя материальных ресурсов в системе МВД России — Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России (ДТ МВД России). Через его подчиненные подразделения — окружные управления материально-технического снабжения МВД России (ОУМТС МВД России) и разветвленную сеть баз (складов) хранения ресурсов МВД России (БХР МВД России) — в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций соответствующего характера осуществляется распределение запасов материально-технических средств в подразделения органов внутренних дел и организаций системы МВД России, находящихся в *местах постоянной дислокации* согласно прикреплению.

Согласно пп.11.2, 11.25 Приказа МВД России «Об утверждении Положения о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 24 июня 2011 г. № 722 необходимо постоянно совершенствовать систему организации тылового обеспечения подразделе-

ний системы МВД России, определять приоритетные направления развития, в том числе в целях предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [17].

Одним из таких направлений развития может быть разработка и практическое применение в системе МВД России алгоритма задействования *внештатной региональной тыловой группы* ОУМТС МВД России (*ВРТГ* ОУМТС МВД России). Ее целью в условиях чрезвычайных ситуаций становится создание устойчивой ритмичной доставки материально-технических средств в *места временной дислокации* органов внутренних дел для их полноценного функционирования в отрыве от мест постоянной дислокации. К ее задачам можно отнести оказание помощи в размещении и расквартировании личного состава, укомплектование его казарменным имуществом, постельными принадлежностями, нагревательными приборами, печным оборудованием, палатками, котельно-печным топливом, организацию питания, обеспечение обмундированием, медицинское обслуживание, ремонт автотранспорта и средств механизации, банно-прачечное обслуживание и т. д.

Штатные специалисты различных служб ОУМТС МВД России по вооружению, транспорту и горючесмаочным материалам, связи, продовольствию, вещевому имуществу, оборудованию, электротехническим изделиям и материалам, медицине способны составить основу *ВРТГ* ОУМТС МВД России. На них могут быть возложены расчет потребности, создание и хранение запасов, выдача материально-технических средств в подразделения ОВД в местах временной дислокации согласно существующей потребности и установленным (объявленным) нормам снабжения (содержания), табелям (штатам) положенности, а также оперативный учет поступающего и расходуемого имущества. Специалисты БХР МВД России — водители, начальники складов, заведующие секциями хранения, техники — способны обеспечивать устойчивый, непрерывный процесс доставки (приемки), хранения, выдачи материально-технических средств получателям, оказания помощи в местах временного размещения, создания оптимальных условий жизнедеятельности личного состава.

Совместно специалисты ОУМТС и БХР МВД России могут профессионально организовать подготовку расчетов и осуществлять доставку материально-технических средств на железнодорожном, автомобильном, воздушном, водном транспорте, взаимодействовать с компетентными контролирующими инстанциями и организациями по транспортировке грузов в силу имеющегося достаточного опыта и лицензионно-разрешительных документов.

Продолжительность функционирования *ВРТГ* ОУМТС МВД России может определяться временем до момента стабилизации общественной жиз-

ни, полноценного восстановления правовых отношений на территории, охватываемой режимом чрезвычайной ситуации. Кроме того, деятельность *ВРТГ* может продолжаться до момента возможной передачи полномочий в сфере деятельности при создании единой *федеральной* тыловой структуры МВД России в зоне бедствия, предупреждения и ликвидации чрезвычайной ситуации.

В настоящее время предложенная схема организации тылового обеспечения органов внутренних дел, организаций и подразделений системы МВД России, выполняющих задачи в отрыве от мест постоянной дислокации, в том числе по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, внедрена в федеральном казенном учреждении «Северо-Кавказское ОУМТС МВД России» (СКОУМТС МВД России).

Практика функционирования *ВРТГ* СКОУМТС МВД России, использование при этом запасов и резервов сил и средств для решения чрезвычайных задач показало несомненное преимущество предлагаемой схемы тылового обеспечения подразделений органов внутренних дел, выполняющих задачи в отрыве от мест постоянной дислокации, подтвердило эффективность результатов ее деятельности при различных ситуациях и обстоятельствах чрезвычайного характера. Этот вывод подтверждается следующим. Прибывающие в пункт временной дислокации различные подразделения органов внутренних дел по роду своей деятельности должны заниматься выполнением своих прямых функциональных обязанностей. Любое бытовое неустройство, недостаточное хозяйственное и материально-техническое обеспечение отвлекает и неоправданно затрачивает существующие человеческие ресурсы. При решении временных задач силами нескольких территориальных органов внутренних дел на различных уровнях (региональном, межрегиональном и т. д.) объективно возникает потребность в регулировании ряда вопросов материально-технического и тылового обеспечения [18]. Для слаженной организации управления требуется постоянное изучение и сопровождение списания материально-технических средств, доукомплектования, уничтожения и сдачи в ремонт (например, табельного оружия). Отдельно требуется на основе всестороннего анализа принимать управленческие решения по перераспределению исправного имущества между подразделениями различных территориальных органов внутренних дел с учетом норм, штатов и табелей положенности. Требуются меры к изъятию сверхнормативного, неисправного и не востребовавшего запаса техники, вооружения, продуктов питания и других видов довольствия для ремонта, освежения, дальнейшего хранения. Выбраковка и подготовка к списанию, категорирование и подготовка к утилизации требуют обязательного участия представителя органа снабжения [19].

Длительный характер выполнения временных задач подразделениями группировки органов внутренних дел (приданных сил) обязательно затронет вопросы расчета и размещения *Государственного оборонного заказа (Гособоронзаказа)* [20] на предстоящий период, полномочия по которым принадлежат органам снабжения [21], в целях покрытия потребности приданных сил в районе чрезвычайной ситуации. В этом случае ясно видна альтернатива в лице органа снабжения (ОУМТС совместно с БХР МВД России) разовым закупкам отдельных территориальных заказчиков, так как доставка малых партий грузов большому количеству потребителей неотвратно приведет к значительному увеличению стоимости приобретаемых материальных ценностей, а с учетом однотипности, однообразия ассортимента (установленного нормами снабжения) это дополнительно повлечет неэффективные затраты. В связи с тем что основные виды довольствия сотрудника органов внутренних дел — вооружение, боеприпасы, средства защиты и активной обороны, инженерное, химическое, вещевое имущество, автобронетехника, средства связи, организационно-вычислительная и спецтехника, продовольствие — приобретаются за счет целевых статей Федерального бюджета [22] в рамках выполнения *Гособоронзаказа*, эта работа требует целого спектра правовых процедур, знаний по всей разновидности закупаемой продукции. Органами снабжения отлажен входной контроль приемки на качество централизованно поставляемой продукции за счет структурного подразделения ДТ МВД России — *управления представительства заказчика (УПЗ)*. В территориальных ОВД аналогичного подразделения не существует. Квалифицированными специалистами УПЗ, штатно расположенных в местах дислокации ОУМТС и БХР МВД России, создан эффективный заслон некачественной продукции. Рациональное распределение полномочий в вопросах тылового обеспечения между производной от органа снабжения — *ВРТГ* ОУМТС МВД России и тыловыми подразделениями ОВД приданных сил способно создать необходимый баланс, при котором будет исключена возможность недопустимо сойтись в одном юридическом лице функциям планирования (расчета потребности), распределения материально-технических средств, бухгалтерского учета, их приемки, хранения, отгрузки, эксплуатации и списания. Это не позволит привести к бесконтрольности расходования, злоупотреблениям со стороны должностных лиц, обеспечит сохранность материальных ценностей.

Кроме того, в случае незамедлительной законной передачи дорогостоящей техники и имущества (состоящей на бухгалтерском балансе) от одного ОВД субъекта Российской Федерации к другому потребуются решение территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом (ТУ Росимущество) [23], что

объективно задержит срок выполнения поставленных задач в зоне чрезвычайной ситуации. ОУМТС и БХР МВД России, а следовательно, и ВРПГ ОУМТС МВД России этим не обременены, поскольку принцип централизованного снабжения позволяет первоначально учитывать товары как материальные запасы в целях их последующей незамедлительной передачи в снабжаемые подразделения. Базы и склады СКОУМТС МВД России, например, расположены в шести субъектах Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, откуда идет непрерывное снабжение по всем подразделениям МВД России 15 субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. В случае принятия решения ДТ МВД России возможно незамедлительное обеспечение материальными средствами ОВД по всем 85 субъектам Российской Федерации.

Существующая ведомственная нормативная база, регулирующая вопросы организации деятельности подразделений МВД России при возникновении и ликвидации чрезвычайных обстоя-

тельств (социального характера) и чрезвычайных ситуаций (природного и техногенного характера), в настоящее время содержит наставление, а также планирующие документы, разработанные для территориальных органов внутренних дел на различных уровнях. Отдельной методики и алгоритма организации деятельности органов снабжения при возникновении и ликвидации чрезвычайных обстоятельств и ситуаций в настоящее время не предусмотрено. Вместе с тем этими же документами руководству территориальных органов внутренних дел предписывается установление связей со снабженческими организациями для всестороннего решения вопросов материально-технического обеспечения подразделений ОВД. Представляется целесообразным дополнить действующий порядок организации деятельности в этом направлении рассмотренными предложениями о создании и функционировании ВРПГ ОУМТС МВД России.

1. Топ-10 крупнейших природных катастроф ценой в 222,5 млрд руб. // Ростовские вести. URL: <https://news.rambler.ru> (дата обращения 17.05.2018).

2. Лесные пожары-2017 // Newsland. URL: <https://newsland.com> (дата обращения 17.05.2018).

3. ГОСТ Р 22.2.06-2016. «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Менеджмент риска чрезвычайной ситуации. Оценка риска чрезвычайных ситуаций при разработке паспорта безопасности критически важного объекта и потенциально опасного объекта».

4. Сравнительная характеристика чрезвычайных ситуаций, происшедших на территории Российской Федерации в 2017/2016/2015 годах. URL: <http://www.mchs.gov.ru> (дата обращения 17.05.2018).

5. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 23.06.2016) // СЗ РФ. 1994. Ст. 3648.

6. Фролов А. И. Понятие чрезвычайной ситуации в Российском законодательстве // Криминалист. 2015. № 1. С. 72—76.

7. Большой толковый социологический словарь. URL: <https://gufo.me> (дата обращения: 12.06.2018).

8. Семашко Л. М. Социальная гармония // Энциклопедический фонд. URL: <https://Russika.Ru> (дата обращения: 12.06.2018).

9. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2007 г. № 304 (в ред. от 17.05.2011) // СЗ РФ. 2007. Ст. 2640.

10. ГОСТ Р 22.0.02-94 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения основных понятий».

1. Top 10 major natural disasters at a price of 222.5 billion rubles. // The Rostov News. URL: <https://news.rambler.ru> (reference date: 17/05/2018).

2. Forest fires-2017 // Newsland. URL: <https://newsland.com> (reference date: 17/05/2018).

3. GOST R 22.2.06-2016. "Safety in emergency situations. Emergency risk management. Assessment of the risk of emergencies when developing a safety data sheet for a critical facility and a potentially hazardous facility".

4. Comparative characteristics of emergency situations that occurred on the territory of the Russian Federation in 2017/2016/2015. URL: <http://www.mchs.gov.ru> (reference date: 17/05/2018).

5. On the protection of the population and territories from natural and man-made emergency situations: feder. the law of December 21, 1994. No 68-FZ (as amended on June 23, 2016) // SZ RF. 1994. Art. 3648.

6. Frolov A. I. The concept of an emergency situation in the Russian legislation // Criminalist. 2015. No 1. P. 72—76.

7. Great explanatory sociological dictionary. URL: <https://gufo.me> (reference date: 12/06/2018).

8. Semashko L. M. Social harmony // Encyclopedic fund. URL: <https://Russika.Ru> (reference date: 12/06/2018).

9. On the classification of emergency situations of natural and man-made nature: Decree of the Government of the Russian Federation of May 21, 2007 No 304 (as amended on May 17, 2011) // SZ RF. 2007. Art. 2640.

10. GOST R 22.0.02-94 "Safety in emergency situations. Terms and definitions of basic concepts".

11. Issues of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters: Presidential Decree No 868 of 11 July 2004 (as amended on 26.10.2017) // SZ RF. 2004. Art. 2882.

11. Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868 (ред. от 26.10.2017) // СЗ РФ. 2004. Ст. 2882.

12. О Порядке сбора и обмена в Российской Федерации информацией в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 1997 г. №334 (в ред. от 20.09.2017) // СЗ РФ. 1997. Ст. 1545.

13. Об утверждении критериев информации о чрезвычайных ситуациях: приказ МЧС России от 8 июля 2004 г. № 329 (ред. от 24.02.2009). Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. Ст. 212.

15. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 // СЗ РФ. 2016. Ст. 7614.

16. Об организации материально-технического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 марта 2014 г. № 135. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении Положения о Департаменте по материально-техническому и медицинскому обеспечению Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 24 июня 2011 г. № 722 (ред. от 09.09.2015). Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

18. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 (ред. от 15.07.2017) // СЗ РФ. 2011. Ст. 1334.

19. Об организации снабжения, хранения, учета, выдачи (приема) и обеспечения сохранности вооружения и боеприпасов в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 12 января 2009 г. №13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Порядка выдачи, учета и списания вещевое имущество в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 июля 2012 г. № 725. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О Государственном оборонном заказе: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2012. Ст. 7600.

12. On the Procedure for the Collection and Exchange of Information in the Russian Federation in the Field of Protection of the Population and Territories from Natural and Man-made Emergencies: Decree No 334 of the Government of the Russian Federation of March 24, 1997 (as amended on September 20, 2017) // SZ RF. 1997. Art. 1545.

13. On the approval of the criteria for information about emergencies: the order of the Ministry of Emergency Situations of Russia of July 8, 2004, No. 329 (as amended on February 24, 2009). Access from the information-legal portal "Garant".

14. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No 683 of December 31, 2015 // SZ RF. 2016. Art. 212.

15. On approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No 699 // SZ RF. 2016. Art. 7614.

16. On the organization of material and technical support in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of March 5, 2014 No 135. Access from the legal system "ConsultantPlus".

17. On approval of the Regulations on the Department of Material and Technical and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 24, 2011 No. 722 (as amended on 09.09.2015). Access from the information-legal portal "Garant".

18. Issues of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of March 1, 2011 No 248 (as amended on July 15, 2017) // SZ RF. 2011. Art. 1334.

19. On the organization of supply, storage, accounting, issuance (reception) and security of weapons and ammunition in the internal affairs of the Russian Federation: Order No. 13 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of January 12, 2009. Access from the legal system "ConsultantPlus"; On the approval of the procedure for issuing, registering and decommissioning clothing in the internal affairs bodies of the Russian Federation: Order No 725 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of July 26, 2012. Access from the legal system "ConsultantPlus".

20. On the State Defense Order: Federal law of December 29, 2012 No 275-FZ (Edited on December 31, 2017) // SZ RF. 2012. Art. 7600.

21. Об утверждении Инструкции по организации обеспечения материально-техническими средствами в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 марта 2014 г. № 135. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Об утверждении Указаний о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации: приказ Минфина России от 1 июля 2013 г. № 65н (ред. от 03.05.2018) // Финансовая газета. 2013. № 32.

23. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“»: федер. закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СЗ РФ. 2004. С. 3607.

© Пронин В. В., 2018

21. On approval of the Instruction on the organization of the provision of material and technical means in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order No 135 of the Ministry of Internal Affairs of Russia of March 5, 2014. Access from the legal system "Consultant-Plus".

22. On the approval of the Directions on the application of the budget classification of the Russian Federation: Order of the Ministry of Finance of Russia dated July 1, 2013 No 65n (as amended on May 3, 2013) // Financial newspaper. 2013. No 32.

23. On the introduction of amendments to the legislative acts of the Russian Federation and the invalidation of certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of federal laws "On Amendments and Additions to the Federal Law" On the General Principles for the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation Federation" and "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation": Federal Law of August 22, 2004 No 122-FZ (as amended on 07/03/2018) // SZ RF. 2004. Art. 3607.

© Pronin V. V., 2018

УДК 347.518
ББК 67.404.213.33

DOI 10.25724/VAMVD.CPQR

Н. И. Батурина, А. И. Медведев

ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РЕМОНТ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ СТРАХОВОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ПО ОСАГО

В настоящей статье авторы изучают вопрос нового способа возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО) — восстановительный ремонт автомобиля. Авторы описывают порядок, которого должен придерживаться владелец транспортного средства, чтобы претендовать на качественно оказанную услугу со стороны страховщика. Следует сказать, что большая часть случаев причинения ущерба в дорожно-транспортных происшествиях подпадает именно под критерии производства восстановительного ремонта. Такое новшество вызвало негодование со стороны автовладельцев, поскольку нельзя быть уверенным в качестве предоставляемого сервиса, компетентности мастера и других важных аспектах авторемонта, предоставленного страховщиком, тем более сервисный центр может находиться на значительном удалении от страхователя. В статье описаны возможные способы недобросовестного поведения ремонтных организаций по отношению к страхователям, даются некоторые советы по защите своих интересов.

Ключевые слова: ОСАГО, восстановительный ремонт, страховщик, страхователь, страховой случай.

N. I. Baturina, A. I. Medvedev

REFURBISHMENT OF VEHICLES AS THE MAIN WAY TO MAKE OSAGO INSURANCE COMPENSATION

The given article deals with the issue on a relatively new way to make compensation in accordance with the contract of the compulsory insurance of the civil liability of the vehicle owners (OSAGO) – refurbishment of vehicles. The authors represent the procedure the vehicle owner should follow to make a claim for a qualified assurer service. It is necessary to note that most traffic accident damage cases are subject to refurbishment. Such innovation (trend) hasn't pleased the vehicle owners as it is impossible to be assured in service quality, engineer skills and other important aspects of vehicle repair to be provided by the assurer company, more over the vehicle service center can be located a long way from the insurant. The article also deals with the possible types of unfair activity of service centers (organizations) by reference to the insurant as well as contains some individual interest protection advice.

Key words: OSAGO, refurbishment of vehicles, an assurer, an insurant, insurance case.

Одной из предпосылок для написания настоящей статьи послужил выход в свет постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 26 декабря 2017 г. № 58 [2]. Вроде бы это обычное явление для российского права — «заделывать» трещины законов, принимаемых Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, разъяснениями высших судебных инстанций, посредством чего обеспечивается принцип единства судебной практики. Интересно то, что Верховный Суд оперативно отреагировал на изменения

в законе, значит, здесь действительно есть, на что обратить внимание. Мы не будем подробно комментировать каждый пункт указанного постановления, поскольку в достаточном объеме его оценка с точки зрения теории права будет объемной, а дадим характеристику, как мы считаем, наиболее важным аспектом.

Отметим однозначную позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно того, что некоторые страховщики могут злоупотреблять свободой договора, даже несмотря на строгие нормативные рамки ОСАГО, что имеет большое значение для страхователей. Верховный Суд Российской Федерации ясно указал, что условия до-

говора не могут противоречить закону об ОСАГО и ущемлять права страхователей, в подобном случае они считаются ничтожными. Благодаря этому недобросовестные страховщики существенно ограничены в возможностях включить в договор ОСАГО условия, например, препятствующие возможности страхователя получить возмещение при наступлении страхового случая.

Отдельного внимания в постановлении удостоены положения, касающиеся заключения договора обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Безусловно, суд не наделен такой возможностью, как создание норм права. В то же время его разъяснения помогут исключить в определенной степени нарушения требований гражданского законодательства. Согласно закону об ОСАГО [3] и Гражданскому кодексу Российской Федерации договор ОСАГО является публичным, т. е. исключается персонифицированный подход в установлении его условий. Достаточным подтверждением заключенного договора служит выданный страховщиком страхователю полис ОСАГО. Однако при реализации норм закона об ОСАГО возникают сбои, например, ситуация, когда данные о полисе отсутствуют в автоматизированной информационной системе обязательного страхования. Верховный Суд Российской Федерации указывает на то, что это само по себе не может являться доказательством неисполнения обязанности по заключению договора обязательного страхования. Действительно, возможно такая ситуация произошла по вине страховщика или конкретного его работника. Тогда каким же образом страхователю доказать надлежащее исполнение требований закона? Для того чтобы избежать этого, страхователь должен лично контролировать исполнение страховщиком договора ОСАГО, например, посредством онлайн-ресурсов. Другое дело, когда страхователь намеренно фальсифицирует полис ОСАГО в связи с различными целями: для экономии денежных средств, незаконного извлечения прибыли. В этих случаях часто страдает потерпевший в дорожно-транспортном происшествии (ДТП), лишаясь реальной возможности в относительно небольшие сроки восстановить свой автомобиль. Исключить такие ситуации судебная практика, к сожалению, не способна.

Относительным новшеством системы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является восстановительный ремонт, который иногда представляет собой безальтернативный способ страхового возмещения. В соответствии с п. 15.1 ст. 12 закона об ОСАГО страховое возмещение вреда,

причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего. В законе прописаны порядок и ситуации такого способа возмещения. Следует сказать, что большая часть случаев причинения ущерба в ДТП подпадает именно под критерии производства восстановительного ремонта. Такое новшество вызвало негодование со стороны автовладельцев, поскольку нельзя быть уверенным в качестве предоставляемого сервиса, компетентности мастера и других важных аспектах авторемонта, предоставленного страховщиком, тем более сервисный центр может находиться на значительном удалении от страхователя. Важно, что судебная практика расставила точки над «i» в вопросе стоимости запасных частей, используемых для восстановительного ремонта автомобиля по ОСАГО: «Если для устранения повреждений имущества нужны новые материалы, то расходы на такое устранение включаются в состав реального ущерба истца полностью. При этом не важно, что стоимость имущества увеличилась или может увеличиться по сравнению с его стоимостью до повреждения. Ответчик может доказать, что повреждения можно исправить другим, более разумным и распространенным способом, тогда размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен» [1]. Отрадно, что здесь суд защитил интересы автовладельцев. Кроме того, при нарушении страховщиком требований об организации восстановительного ремонта потерпевший вправе обратиться в суд с иском о понуждении страховщика к совершению требуемых действий, в том числе выдаче направления на ремонт [2].

Итак, что же должен предпринять страхователь, чтобы реализовать свое право на страховое возмещение в виде восстановительного ремонта? Во-первых, чтобы воспользоваться своим правом на страховое возмещение, необходимо незамедлительно уведомить страховщика о наступлении страхового случая (это обязанность страхователя обусловлена п. 3 ст. 11 закона об ОСАГО). Для получения страхового возмещения в виде восстановительного ремонта автомобиля страхователь должен обратиться к страховщику, застраховавшему его гражданскую ответственность, — прямое возмещение убытков, однако следует учесть требования, изложенные в ст. 14.1 закона об ОСАГО. В остальных случаях заявление о страховом возмещении и необходимые документы должны быть направлены страховщику, который застраховал

гражданскую ответственность лица, виновного в совершении ДТП.

При составлении заявления страхователю следует указать:

1) вариант проведения восстановительного ремонта: организация и оплата страховщиком восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства на сервисе из предложенного страховщиком перечня или оплата стоимости ремонта автомобиля, самостоятельно организованного потерпевшим в ДТП на другом сервисе, не из перечня страховщика (это возможно только при наличии письменного согласия страховщика) [3];

2) сервис, где будет осуществляться ремонт автомобиля.

С перечнем станций технического обслуживания (далее — СТО), с которыми страховщик заключил договоры, следует ознакомиться на официальном сайте страховщика или в его офисе. При этом нужно обратить внимание на соответствие СТО требованиям к организации восстановительного ремонта:

1) срок проведения восстановительного ремонта не должен превышать 30 рабочих дней со дня представления поврежденного транспортного средства на СТО или со дня передачи его страховщику для транспортировки на СТО;

2) максимально допустимое расстояние по дорогам общего пользования от места ДТП или потерпевшего в ДТП места жительства (по его выбору) до СТО не может превышать 50 км, за исключением случая, когда страховщик организовал и (или) оплатил транспортировку поврежденного транспортного средства до СТО и обратно;

3) восстановительный ремонт транспортного средства, с года выпуска которого прошло менее двух лет, должен осуществляться СТО — официальным сервисным центром данной марки автомобиля [3].

Если страховщик заключил договор на организацию восстановительного ремонта со СТО, которая не отвечает указанным требованиям, поврежденный автомобиль может быть направлен на эту СТО только с письменного согласия страхователя. В противном случае страховщик должен выплатить ему денежное возмещение.

В течение пяти рабочих дней со дня подачи страховщику заявления и необходимых документов страхователь обязан представить поврежденный автомобиль или его остатки для осмотра и (или) независимой технической экспертизы, чтобы выяснить обстоятельства причинения вреда и определить размер подлежащих возмещению убытков. Независимая техническая экспертиза поврежденного автомобиля проводится, например, в случае, если по результатам проведенного осмотра стра-

хователь не достиг согласия со страховщиком относительно размера страхового возмещения. Страховщик возмещает вред, причиненный автомобилю, в размере расходов, необходимых для приведения поврежденного автомобиля в состояние, в котором он находился до наступления страхового случая, но не более установленного максимума. Кроме того, страховщик должен возместить иные расходы, связанные с наступлением страхового случая. К таким расходам могут быть отнесены: эвакуация автомобиля с места ДТП, хранение поврежденного автомобиля, стоимость работ по восстановлению дорожного знака, ограждения и иные расходы, связанные с ДТП, за исключением тех, которые не относятся к таким по причине прямого указания в законе. Для этого необходимо подать страховщику соответствующее заявление [2].

Направление на ремонт страховщик должен выдать страхователю в течение 20 либо 30 календарных дней (кроме нерабочих праздничных дней) со дня принятия заявления и необходимых документов к рассмотрению, если страхователь самостоятельно организует восстановительный ремонт. За нарушение данных сроков страховщик несет финансовую ответственность в виде пени. После получения направления на восстановительный ремонт страхователь обязан представить свой автомобиль в сервис в течение срока, указанного в направлении, а если такой срок отсутствует либо уведомление получено после или накануне истечения срока — в разумный срок после получения направления на ремонт. В противном случае он обязан повторно обратиться к страховщику с заявлением о выдаче нового направления [2].

Срок, в течение которого осуществляется восстановительный ремонт, не может превышать 30 рабочих дней со дня, когда автомобиль был предоставлен на СТО или передан страховщику для транспортировки на СТО. Большой срок ремонта может быть установлен по согласованию сторон в случае технической необходимости. Датой окончания восстановительного ремонта автомобиля считается та, когда страхователь подписал акт приема-передачи отремонтированного автомобиля. Отметим, что уклонение страхователя от подписания акта по субъективным причинам не влечет для СТО ответственности, связанной с нарушением срока проведения восстановительного ремонта. При этом в случае возникновения судебного спора стороны должны будут доказать, что действовали добросовестно, либо наоборот, что одна из сторон нарушила свои обязательства. С момента получения отремонтированного автомобиля обязательства страховщика по организации восстановительного ремонта считаются выполненными надле-

жащим образом. Минимальный гарантийный срок на работы по восстановительному ремонту автомобиля составляет 6 месяцев, а на кузовные работы и работы, связанные с использованием лакокрасочных материалов, — 12 месяцев [3].

Таким образом, добившись признания основным способом страхового возмещения восстановительного ремонта, страховщики получили как механизм противодействия мошенничеству в области ОСАГО, так и механизм дополнительного извлечения прибыли через аффилированных лиц, которыми могут стать станции технического обслуживания. В связи с этим актуальным будет мониторинг подобных ситуаций со стороны государственного регулятора страховой деятельности и внесение в административное законодательство ответственности для юридических лиц — страховщиков и их должностных лиц — за создание таких организаций, либо коммерческий сговор в целях извлечения выгоды.

Кроме положительных для страхователей аспектов повсеместное применение восстановительного ремонта породило традиционное для нашей страны явление — обман потребителя. Страхователь часто не может быть уверен в добросовестности подрядной организации, занятой восстановлением его автомобиля. Участники различных форумов, посвященных проблемам автострахования, сошлись в одном мнении о «добросовестности» СТО в вопросах ремонта. Автолюбители, столкнувшиеся с возмещением в виде восстановительного ремонта, выделяют две основные схемы отбора денег у населения: во-первых, требование сервиса доплатить, во-вторых, уступку права требования.

Итак, отметим, что реализация первого способа заключается в том, что при обращении в авторемонтную мастерскую страхователь получает новый расчет стоимости ремонта, разумеется, выше того, который был представлен страховщиком. После этого страхователя просят доплатить за произведенные работы. Многие автовладельцы, столкнувшись с подобной ситуацией, поддаются на уговоры автосервиса и безоговорочно осуществляют доплату, однако в данной ситуации не все так просто. Отметим, что порядок возмещения урегулирован ст. 12 закона об ОСАГО — основного нормативного акта, который регламентирует отношения между страховщиком и страхователем. Заметим, что в этой цепочке отсутствует станция технического обслуживания. Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 58 разъяснил положения ст. 12 закона об ОСАГО, однако неясной осталась формулировка законодателя относительно размера «возможной» доплаты. С точки зрения потребителя-страхователя его положение не в полной мере защищено законом. В то

же время, говоря о реализации данной нормы, суд указал, что размер возможной доплаты должен быть согласован со страхователем, и свидетельством такого согласования является направление на ремонт. По смыслу п. 51 постановления № 58 Пленума Верховного Суда Российской Федерации страхователь должен доплатить только за запасные части, стоимость которых в соответствии с методикой расчета стоимости восстановительного ремонта учтена с коэффициентом износа (до 50 %), стоимость работ возмещается страховщиком. В любом случае страховщик имеет реальную возможность рассчитать стоимость ремонта достаточно точно. Если возникнет такая ситуация, страхователь в любом случае может отказаться от доплаты в сервисе, ему следует обратиться к страховщику, поскольку в соответствии с той же ст. 12 закона об ОСАГО страховщик обязан осуществить восстановительный ремонт транспортного средства, а все изменения сервис должен согласовывать со страхователем и страховщиком. При нарушении страховщиком требований об организации восстановительного ремонта страхователь вправе обратиться в суд с иском о понуждении страховщика к совершению требуемых действий, в том числе выдаче направления на ремонт.

Второй способ выглядит несколько сложнее описанного выше. В данном случае будет иметь место именно обман потерпевшего в ДТП при обращении в сервис за восстановительным ремонтом, который заключается в следующем. При обращении страхователя в авторемонтную мастерскую ему предлагается на подпись «договор ремонта». Страхователю нужно помнить о том, что никакого договора ремонта между ним и сервисом быть не может, он в этой ситуации выступает лицом, в пользу которого исполняются обязательства третьим лицом — сервисом. На самом деле так называемый договор ремонта представляет собой договор уступки права требования — цессии. Потерпевший в ДТП, подписывая такой договор, передает автосервису права требования у страховой компании. Подвох состоит в том, что после этого, если не читать договор внимательно, страхователю могут отремонтировать автомобиль некачественно, или договор не будет предусматривать покраску кузовных элементов [4], в таком случае уже невозможно будет предъявить требования страховщику относительно качества ремонта.

Но не все так плохо, как может показаться на первый взгляд. Есть несколько правил, которые нужно соблюдать в отношениях со страховщиком:

1. В течение пяти дней после подачи документов на возмещение следует предоставить транспортное средство на осмотр страховой компании, а она, в свою очередь, осмотреть автомобиль, после чего рассчитать стоимость ремонта и обес-

печать его выполнение (п. 10 ст. 12 закона об ОСАГО). Если автомобиль не на ходу, страхователь не обязан обеспечивать его доставку на эвакуаторе для осмотра и ремонта.

2. При ремонте нельзя использовать бывшие в употреблении запасные части, узлы и агрегаты, если только не отсутствует возможность приобретения новых или срок ремонта может быть продлен на неопределенный срок, который превышает установленный законом об ОСАГО, но только по согласованию с потерпевшим в ДТП.

3. Минимальная гарантия на ремонт составляет 6 месяцев на основные работы, а на кузовные работы и покраску элементов кузова — 12 месяцев.

4. Срок ремонта не должен составлять более 30 дней.

5. В отношении автомобилей не старше 2-х лет ремонт должен производиться только у официального дилера.

6. Страховщик на своем сайте обязан разместить список всех автосервисов, с которыми у него заключен договор на ремонт, а при обращении потерпевшего за компенсацией — предоставить сервис на выбор.

7. Все сроки, объем и порядок работ должны быть согласованы с потерпевшим.

8. Если стоимость ремонтных работ по калькуляции превышает максимальный порог возмещения в 400 тыс. руб., то выплата все равно может не производиться (на выбор страховщика), а потерпевшему в ДТП придется доплатить сверх лимита, однако это не лишает его права регрессных требований к виновнику причинения вреда.

9. За все недочеты по качеству и сроку ремонта ответственность несет страховщик. Все требования и возражения необходимо предъявлять только ему.

10. Если страховщик два и (или) более раз нарушит сроки или другие условия ремонта, то Банк России может лишить его возможности отправлять транспортное средство на ремонт и обязать в течение года оплачивать ремонт.

Кроме того, страхователю необходимо внимательно отнестись к таким вопросам, как акт приема-передачи транспортного средства. Чтобы было меньше сложностей, нужно проследить за его правильным составлением. В этом документе должны содержаться подробные сведения о ремонтируемом транспортном средстве; перечень и точное описание повреждений; дата и цели передачи транспортного средства в ремонт; сведения о стороне, принимающей транспортное средство. После проведения восстановительного ремонта необходимо внимательно осмотреть отремонтированное транспортное средство. Законом не запрещено обращаться в сервис с требованием предоставить чеки, накладные или иные документы, свидетельствующие об использовании новых узлов или агрегатов, или запасных частей при ремонте. Законом также не установлена обязанность сервиса удовлетворять такое требование, но в любом случае отказ может говорить о некачественном ремонте. Потерпевший в ДТП должен максимально четко и подробно отразить все замечания к выполненному ремонту в акте приема-передачи выполненных работ, чтобы впоследствии иметь возможность восстановления своих нарушенных прав.

Таким образом, повсеместное применение восстановительного ремонта в качестве основного способа возмещения ущерба по договорам ОСАГО не имеет общего положительного характера, поскольку существуют аспекты, позволяющие отдельным участникам страховых правоотношений злоупотреблять своими правами. Во всяком случае, потерпевшему в ДТП не следует принимать необдуманных решений и при малейших сомнениях в правомерности действий страховщика или автосервиса обращаться за юридической помощью к адвокату.

1. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 7-КГ17-11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 // Рос. газ. 2017. № 297.

3. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: федер. закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720.

4. Правила ремонта по ОСАГО и как разводять страховые? URL: <https://autotonkosti.ru> (дата обращения: 06.06.2018).

1. Verdict of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.02.2018 No 7-KG17-11. Access from the legal system «ConsultantPlus».

2. On the Application of the Legislation on Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners by Courts: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 26.12.2017 No 58 // Rossiyskaya Gazeta. 2017. No 297.

3. On Compulsory Insurance of Civil Liability of Vehicle Owners: Federal Law of 25.04.2002 No 40-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No 18. Art. 1720.

4. OSAGO Refurbishment Procedure or How Assurer Companies Defraud? URL: <https://autotonkosti.ru> (reference date: 06/06/2018)

Н. В. Котельников, А. Н. Садков, Р. Н. Мородумов

СВОБОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Признание результата интеллектуальной деятельности или какого-либо обозначения объектом гражданских прав означает, что никто не может использовать соответствующие результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации без согласия правообладателя за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации. Таким образом, объекты интеллектуальных прав могут использоваться либо с согласия правообладателя (в результате распоряжения им своим исключительным правом), либо без него (в случаях, прямо предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации). Статья посвящена исследованию правил использования объектов интеллектуальных прав без согласия правообладателя. В доктрине и отечественном законодательстве бездоговорное использование результатов интеллектуальной деятельности именуется свободным использованием. На основе анализа норм международных соглашений Российской Федерации, российского законодательства и материалов судебной практики авторами формулируется понятие свободного использования результата интеллектуальной деятельности, систематизированы способы свободного использования, определены общие условия правомерности свободного использования.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, использование интеллектуальной собственности.

N. V. Kotelnikov, A. N. Sadkov, R. N. Morodumov

FREE USAGE OF OBJECTS OF INTELLECTUAL RIGHTS

Recognition of the result of intellectual activity or any indication of civil rights by the object means that no one can use the relevant result of intellectual activity or the means of individualization without the consent of the rightholder, except for the cases stipulated by the Civil Code of the Russian Federation. Thus, the objects of intellectual rights can be used either with the consent of the rightholder (as a result of using his exclusive right) or without such consent (in cases directly stipulated by the Civil Code of the Russian Federation). The article is dedicated to the study of rules for using the objects of intellectual rights without the consent of the rightholder. In the doctrine and legislation of the Russian Federation non-contractual use of intellectual activity's results is called free use. Having analyzed the norms of international agreements of the Russian Federation, the norms of the Russian legislation and materials of judicial practice the authors formulate the notion of free use of intellectual activity's result, systematize the ways of free use, define general conditions for legitimacy of free use.

Key words: the right to intellectual property, the use of intellectual property.

Кодифицируя нормы права, регулирующие отношения в сфере создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, законодатель реализовал универсальный механизм правовой охраны имущественных интересов обладателей интеллектуальной собственности, основанный на признании законом особого типа субъективного гражданского права, именуемого исключительным правом.

Основным элементом содержания исключительного права является юридически обеспеченная возможность обладателя исключительного права использовать результат интеллектуальной дея-

тельности по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом (абз. 1 п. 1 ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)). Все иные лица обязаны воздерживаться от использования объекта исключительного права без согласия правообладателя кроме случаев, предусмотренных ГК РФ. Соответственно, использование объекта интеллектуальных прав без согласия правообладателя признается незаконным и влечет юридическую ответственность (абз. 3 п. 1 ст. 1229 ГК РФ).

Возможность запретить использование объекта интеллектуальной собственности в конкретных

случаях обычно реализуется как реакция на нарушение интеллектуальных прав. В то же время в законе прямо установлено, что отсутствие запрета, выраженного правообладателем, не считается его согласием (разрешением) на использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности. Таким образом, признавая исключительное право за правообладателем интеллектуальной собственности, законодатель устанавливает общий запрет в отношении использования объекта исключительного права, обращенный ко всем третьим лицам. Такой запрет закрепляет монополию обладателя исключительного права на использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности.

Обеспеченная исключительным правом монополия правообладателя на использование результата интеллектуальной деятельности позволяет авторам и их правопреемникам получить справедливое вознаграждение за вложенный в создание интеллектуального продукта труд. Но монополия правообладателей на использование результатов интеллектуальной деятельности может создавать и препятствия к развитию научно-технического прогресса, вступать в противоречие с конституционными правами граждан на информацию, образование, свободу научного и технического творчества и т. д. [1]. Чтобы обеспечить баланс между интересами авторов (правообладателей) и общества, законодатель использует систему правил, устанавливающих пределы действия имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности. В частности, законодательно ограничен круг охраняемых объектов интеллектуальных прав, определены сроки и территория действия исключительных прав.

К числу правил, устанавливающих пределы действия имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, следует отнести и специальные изъятия из сферы действия исключительного права, позволяющие в ограниченных пределах использовать третьими лицам охраняемые результаты интеллектуальной деятельности без получения согласия (разрешения) правообладателя. Подчиненный этим правилам порядок использования объектов интеллектуальных прав в юридической литературе и законодательстве именуют «свободным использованием результатов интеллектуальной деятельности». Например, случаи свободного использования названы, в частности, в ст. 1272—1280, 1306, 1359—1361, 1422, 1456, 1487 ГК РФ.

Подобные исключения из сферы действия исключительных прав используются и в иностранном законодательстве, и в международных соглашениях.

В США и ряде стран англосаксонской правовой семьи предусматривается возможность «добросовестного использования» (англ. *fair use*) произведений, на которые распространяется авторское право. Правила добросовестного использования разрешают свободное использование произведений, охраняемых авторским правом, третьими лицами при соблюдении установленных условий, прежде всего если такое использование не наносит ущерба автору (правообладателю). Первоначально институт добросовестного использования сформировался в системе англосаксонского права, однако термин *fair use* применяется исключительно в США, в других странах англосаксонской правовой семьи и бывших британских колониях (Великобритания, Канада, Австралия и Южная Зеландия, Сингапур, Индия) используется схожий термин — *fair dealing* («честное использование») [2].

Примером закрепления правил свободного использования в нормах международных соглашений могут служить положения Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (далее — Бернская конвенция) [3], которая уже много лет играет роль ориентира для развития авторского права в разных странах. Обязывая стран-участниц признавать исключительное право авторов на художественные и литературные произведения, Бернская конвенция предусматривает, что законодательством участвующих в ней стран может разрешаться воспроизведение произведений в «определенных особых случаях». Документ не приводит ни конкретного, ни примерного перечня таких «особых случаев», позволяя странам-участницам самостоятельно устанавливать правила свободного использования объектов авторского права. В тексте конвенции содержатся лишь общие требования к правилам свободного использования. Во-первых, в соответствии с п. 2 ст. 9 Бернской конвенции законодательство участвующих в соглашении стран может разрешать воспроизведение охраняемых произведений в «определенных особых случаях», т. е. в национальном законодательстве должен содержаться закрытый перечень оснований свободного использования объектов авторского права. Во-вторых, допускаемое свободное воспроизведение объекта авторского права не должно наносить ущерба его нормальному использованию. В-третьих, свободное воспроизведение необоснованным образом не будет ущемлять законных интересов автора.

Схожие требования можно встретить в ст. 13, 17, 26 и 30 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности [4] в отношении свободного использования товарных знаков, промышленных образцов и изобретений, а также в других международных соглашениях.

Требования международных договоров в сфере охраны интеллектуальных прав к правилам свободного использования выполнены отечественным законодателем путем закрепления в п. 5 ст. 1229 ГК РФ общих требований к порядку использования объектов исключительных прав без разрешения правообладателя. В частности, оговаривается, что ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации могут устанавливаться только ГК РФ. Данное правило должно не только гарантировать формирование закрытого перечня случаев и обстоятельств, при которых допускается свободное использование объектов исключительных прав, но и препятствовать расширительному толкованию этого перечня.

Сделанное заключение подтверждается выводами Верховного Суда Российской Федерации. Например, в п. 41 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» от 19 июня 2006 г. № 15 разъясняется, что при бездоговорном использовании произведений и объектов смежных прав суд, «решая вопрос о правомерности действий сторон, должен установить, соответствовали ли закону цели бездоговорного использования и не превышал ли объем использования пределы, предусмотренные законом для данных объектов авторского права и смежных прав» [5]. Рассматривая в порядке надзора гражданское дело по иску о защите права авторства и исключительного права на использование произведения, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что «воспроизведение правомерно опубликованного произведения для удовлетворения профессиональных потребностей без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения законом не предусмотрено». По мнению суда, профессиональная деятельность человека не является его личной сферой, соответственно, использование произведений науки, литературы и искусства в профессиональной деятельности не может рассматриваться деятельностью в личных целях даже тогда, когда такая деятельность не является предпринимательской [6].

Указанные выше правила свободного использования объектов интеллектуальных прав распространяются на все охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, т. е. носят общий характер. Следовательно, ст. 1229 ГК РФ, в которой закреплены данные правила, размещена в главе 69 «Общие

положения» раздела VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» ГК РФ. Правила свободного использования, в том числе перечень случаев, когда такое использование допустимо, устанавливаются для каждого вида объектов интеллектуальных прав в специальных правовых нормах.

В завершение анализа общих правил свободного использования объектов интеллектуальных прав, необходимо отметить, что в законодательстве и доктрине права интеллектуальной собственности различают два вида свободного использования: без выплаты вознаграждения правообладателю и с выплатой вознаграждения правообладателю.

Право на вознаграждение, причитающееся правообладателю за свободное использование объекта интеллектуальных прав, рассматривается в некоторых странах как самостоятельное имущественное право, принадлежащее авторам. Самостоятельный характер этого права часто «привязывается» к личности автора. Так, в Бельгии автор произведения или исполнитель не имеет возможности отказаться от права на вознаграждение, в Германии устанавливается неотчуждаемость права на вознаграждение за прокат экземпляров произведения [1].

Выплата вознаграждения правообладателю за свободное использование произведений в отечественном законодательстве предусмотрена ст. 1245, п. 3 ст. 1263, ст. 1326, п. 3 ст. 1359, 1360, п. 1 ст. 1456 ГК РФ. При этом право на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях (ст. 1245 ГК РФ) и право на вознаграждение за публичное исполнение либо сообщение в эфир или по кабелю аудиовизуального произведения (п. 3 ст. 1263 ГК РФ) признается за авторами произведений. Буквальное толкование ст. 1245 и п. 3 ст. 1263 ГК РФ, поддержанное высшими судебными органами, приводит к выводу о том, что право на вознаграждение сохраняется у автора и исполнителя и в тех случаях, когда исключительное право принадлежит не ему [7, п. 10.2]. В остальных случаях (ст. 1326, п. 3 ст. 1359, 1360, п. 1 ст. 1456 ГК РФ) такое право признается за правообладателем, т. е. может переходить к правопреемникам и рассматриваться как элемент исключительного права.

Изложенный вывод подтверждается материалами судебной практики. Так, определяя круг наследников права на вознаграждение за свободное использование произведений и исполнений, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что право на вознаграждение за свободное воспроизведение фонограммы и аудиовизуальных произведений, предусмотренное ст. 1245 ГК РФ,

наследуется наследниками авторов, исполнителей и изготовителей фонограмм и аудиовизуальных произведений, а право на вознаграждение за публичное исполнение фонограммы, предусмотренное ст. 1326 ГК РФ, — наследниками правообладателей [8, п. 84].

Реализация сложного механизма сбора средств для последующей выплаты вознаграждения авторам, исполнителям и правообладателям потребовала принятия ряда дополнительных нормативных правовых актов [9; 10; 11; 12; 13] и привлечения к данному процессу специальных субъектов — аккредитованных организаций по управлению правами на коллективной основе. Изучение материалов правоприменительной практики говорит о том, что рассматриваемый механизм начал показывать свою работоспособность. Например, в 2017 г. Общероссийская общественная организация «Российский союз правообладателей» взыскала с общества с ограниченной ответственностью «Делл» более 62 млн руб. для выплаты вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях [14].

Наиболее широкий перечень случаев, допускающих свободное использование без выплаты автору (правообладателю) вознаграждения, предусмотрен для объектов авторского права и смежных прав: произведений науки, литературы и искусства, исполнений и фонограмм. Данный перечень включает в себя: свободное воспроизведение произведения в личных (ст. 1273 ГК РФ); свободное использование в научных, информационных, культурных или учебных целях (ст. 1274 ГК РФ); свободное воспроизведение произведения в целях правоприменения (ст. 1278 ГК РФ); свободное использование произведения архивами, библиотеками и образовательными организациями (ст. 1275 ГК РФ); свободное использование произведений, постоянно находящихся в местах, открытых для свободного посещения (ст. 1276 ГК РФ); свободное публичное исполнение музыкального произведения (ст. 1277 ГК РФ); свободную запись произведения организацией эфирного вещания в целях краткосрочного пользования (ст. 1279 ГК РФ); право пользователя программы для ЭВМ и базы данных на осуществление действий, необходимых для функционирования программы для ЭВМ или базы данных, и на изготовление резервной копии программы для ЭВМ или базы данных (ст. 1280 ГК РФ).

Каждый способ свободного использования объектов авторского права и смежных прав требует от пользователя соблюдения определенных условий, которые зависят от вида, целей и объема использования. Например, цитирование в полемических,

научных, критических, учебных или информационных целях, для раскрытия творческого замысла автора произведений допускается в объеме, оправданном целью цитирования, и обязательно с указанием имени автора, произведение которого цитируется, а также заимствованного источника (ст. 1274 ГК РФ). Организациям эфирного вещания разрешается в порядке свободного использования делать запись в целях краткосрочного пользования того произведения, в отношении которого эта организация обладает правом на сообщение в эфир при условии, что данная запись совершается организацией с помощью собственного оборудования и только для собственных передач. Кроме того, такая запись должна быть уничтожена в течение определенного срока (ст. 1279 ГК РФ).

Невзирая на специфичность условий использования произведений, предусмотренных для каждого способа свободного использования, системное толкование норм авторского права позволяет выявить и общие требования к действиям пользователя. Во-первых, свободное использование возможно только в отношении обнародованных произведений; во-вторых, безоговорное использование объектов авторского права и смежных прав не должно затрагивать личных неимущественных прав авторов.

Условия свободного использования охраняемых результатов технического творчества, осуществляемого без выплаты вознаграждения правообладателю, установлены в ст. 1360 ГК РФ. К ним относятся: проведение научного исследования продукта, способа или изделия, в которых использованы запатентованные объекты; использование охраняемого патентом результата технического творчества для удовлетворения личных, домашних или иных, не связанных с предпринимательской деятельностью нужд; разовое изготовление в аптеках по рецептам врачей лекарственных средств с использованием изобретения и другие случаи свободного использования изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

Случаи свободного использования объектов интеллектуальных прав без выплаты автору (правообладателю) предусмотрены и в сфере использования селекционных достижений (ст. 1422 ГК РФ), и в сфере использования топологий интегральных микросхем (ст. 1456 ГК РФ). Несмотря на кажущуюся простоту правовых норм, регулирующих отношения по свободному использованию результатов интеллектуальной деятельности, каждый предусмотренный законом случай свободного использования обладает множеством особенностей и вполне может стать объектом самостоятельного научного исследования. Как и право интеллектуальной собственности в целом, институт

свободного использования объектов интеллектуальных прав непрерывно развивается, следуя за научно-техническим прогрессом [15]. В данной статье авторы постарались поранализировать

1. Право интеллектуальной собственности: учебник. Т. 1: Общие положения. / Е. В. Бадулина [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.

2. Угрюмов Г. В. Доктрина добросовестного использования произведений // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 3. С. 63—66.

3. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

4. Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2011 г. № 5-В11-32 // Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.09.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 29 от 26 марта 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Перечень оборудования и материальных носителей, используемых для свободного воспроизведения фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, с указанием размера средств, подлежащих уплате изготовителями таких оборудования и материальных носителей (утв. постановлением Правительства Рос-

ские правила правомерного безоговорочного использования интеллектуальной собственности и практику их применения.

1. Intellectual property right: textbook. Vol.1: General provisions / E. V. Badulina [and others]; under general editorship of L. A. Novoselova. Moscow: Statut, 2017. 512 p.

2. Ugryumov G. V. The doctrine of fair use of works // Intellectual property. Copyright and related rights. 2018. No 3. P. 63—66.

3. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works dated 09.09.1886 (ed. dated 28.09.1979) // Bulletin of international treaties. 2003. No. 9.

4. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights. Access from the legal system "ConsultantPlus".

5. On Questions Raised by Courts during Civil Proceedings in Connection with Application of Legislation on Copyright and Related Rights: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 19.06.2006 No 15. Access from the legal system "ConsultantPlus".

6. Decision of the Judicial Chamber on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 24, 2011 No. 5-B11-32 // Judicial Review of Cases Related to the Resolution of Disputes on Copyright Protection (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 23.09.2015). Access from the legal system "ConsultantPlus".

7. On Some Issues that Arose in Connection with the Enforcement of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No 5, Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No 29 dated 26.03.2009. Access from the legal system "ConsultantPlus".

8. On Judicial Practice in Cases of Inheritance: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 29.05.2012 No 9. Access from the legal system "ConsultantPlus".

сийской Федерации от 14 октября 2010 г. № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Перечень оборудования и материальных носителей, используемых для свободного воспроизведения фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, с указанием размера средств, подлежащих уплате импортерами таких оборудования и материальных носителей (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Положение о сборе средств для выплаты вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, подлежащих уплате изготовителями оборудования и материальных носителей, используемых для такого воспроизведения (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Положение о сборе средств для выплаты вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях, подлежащих уплате импортерами оборудования и материальных носителей, используемых для такого воспроизведения (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Положение о распределении и выплате авторам, исполнителям и изготовителям фонограмм и аудиовизуальных произведений вознаграждения за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 829 «О вознаграждении за свободное воспроизведение фонограмм и аудиовизуальных произведений в личных целях»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. List of Equipment and Tangible Medium Used for Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes, Including the Amount of Funds to be Paid to the Manufacturers of Such Equipment and Tangible Medium (approved by the Resolution of the Russian Federation dated 14.10.2010 No 829 «On Remuneration for the Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes»). Access from the legal system "ConsultantPlus".

10. List of Equipment and Tangible Medium Used for Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes, Including the Amount of Funds to be Paid to the Importers of Such Equipment and Tangible Medium (approved by the Resolution of the Russian Federation dated 14.10.2010 No 829 «On Remuneration for the Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes»). Access from the legal system "ConsultantPlus".

11. Regulations on the Fund Raising for Payment of Remuneration for Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes, Including the Amount of Funds to be Paid to the Manufacturers of the Equipment and Tangible Medium Used for Such Reproduction (approved by the Resolution of the Russian Federation dated 14.10.2010 No 829 «On Remuneration for the Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes»). Access from the legal system "ConsultantPlus".

12. Regulations on the Fund Raising for Payment of Remuneration for Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes, Including the Amount of Funds to be Paid to the Importers of the Equipment and Tangible Medium Used for Such Reproduction (approved by the Resolution of the Russian Federation dated 14.10.2010 No 829 «On Remuneration for the Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes»). Access from the legal system "ConsultantPlus".

13. Regulations on the Distribution and Payment of Remuneration for Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes to Authors, Performers and Manufacturers of Phonograms and Audiovisual Works (approved by the Resolution of the Russian Federation dated 14.10.2010 No. 829 «On Remuneration for the Free Reproduction of Phonograms and Audiovisual Works for Personal Purposes Access from the legal system "ConsultantPlus".

14. Определение Верховного суда Российской Федерации от 8 августа 2017 г. № 305-ЭС16-17051. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Дементьева Е. Расширение сферы свободного использования произведений в информационно-коммуникационных сетях // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2016. № 1. С. 13—24.

© Котельников Н. В., Садков А. Н.,
Мородумов Р. Н., 2018

14. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.08.2017 No. 305-ЭС16-17051. Access from the legal system "Consultant-Plus".

15. Dementieva E. Expansion of the Sphere of Free Use of Works in Information and Communication Networks // Intellectual property. Copyright and related rights. 2016. No 1. P. 13—24.

© Kotelnikov N. V., Sadkov A. N.,
Morodumov R. N., 2018

* * *

УДК 347.412
ББК 67.404.219

DOI 10.25724/VAMVD.CRST

Д. А. Перегудова

**ИНСТИТУТ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

В статье говорится об обязательствах вследствие неосновательного обогащения.

Автором предпринята попытка проведения теоретико-правового анализа института неосновательного обогащения в России и зарубежных странах, для чего были выделены основные его критерии.

Особенности института неосновательного обогащения в зарубежных странах состоят в том, что законодатель ориентирует общество на поддержание нравственных начал, важности добросовестного поведения. В приоритете не внешние материальные блага каждого, а внутренние, духовные потребности человека. Подобный анализ позволяет выявить недостатки российской системы и выработать основные направления, которые будут способствовать совершенствованию норм данного института.

Указанные в гражданском законодательстве Российской Федерации признаки неосновательного обогащения не позволяют отличить его от других правоотношений. Данное обстоятельство влечет трудности в разграничении гражданско-правовой ответственности от других видов ответственности. Проведенный анализ позволяет сформулировать рабочее понятие неосновательного обогащения в современном правовом пространстве, учитывающее важность указания вида вещного права, на котором имущество находится у приобретателя.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, недобросовестность, нравственность, имущественные права, имущественный ущерб, обязательства вследствие неосновательного обогащения.

D. A. Peregudova

**INSTITUTE OF UNJUST ENRICHMENT IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES
(THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS)**

The article refers to obligations due to unjust enrichment. Norms about unjust enrichment are contained in the civil legislation of not only Russia, but also many foreign countries.

The author made an attempt to conduct a theoretical and legal analysis of the institution of unjust enrichment in Russia and foreign countries, for which the main criteria of this institute were singled out.

The peculiarities of the institution of unjust enrichment in foreign countries are that the legislator directs society to maintain moral principles, the importance of conscientious behavior. In the priority is not the external material benefits of everyone, but the inner, spiritual needs of man. Such an analysis allows us to identify shortcom-

ings of the Russian system and to develop the main directions that will contribute to the improvement of the norms of this institution.

The signs of unfounded enrichment indicated in the civil legislation of Russia do not allow to distinguish it from other legal relations. This circumstance entails difficulties in distinguishing civil liability from other types of liability. The analysis allows to formulate the working concept of unjust enrichment in the modern legal space, taking into account the importance of indicating the type of property right on which the property is located at the acquirer.

Key words: unjust enrichment, dishonesty, morality, property rights, property damage, liabilities due to unjust enrichment.

Институт неосновательного обогащения широко известен во всем мире, его нормы содержатся в гражданском законодательстве России и многих зарубежных стран. Он является одним из самых сложных институтов гражданского права и имеет непосредственную связь с обязательствами вследствие причинения вреда, недействительными сделками, виндикационными требованиями и требованиями о восстановлении нарушенных прав [1]. Как институт «condictio» (лат. получение) он зародился в Древнем Риме. Кондикцией в римском праве назывался иск, направленный на побуждение приобретателя вернуть вещь потерпевшему, если она была приобретена им без установленных сделкой оснований. Данный иск удовлетворялся тогда, когда приобретателем не были представлены доказательства о законном приобретении имущества у потерпевшего.

Дореволюционное законодательство России не содержало норм, регулирующих институт неосновательного обогащения, однако в то время уже встречались случаи неосновательного приобретения имущества. Впервые нормы об обязательствах вследствие неосновательного обогащения появились в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.

В соответствии со ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) неосновательным обогащением является обогащение в случаях, когда лицо без установленных законом и иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица [2].

В настоящее время вопросу неосновательного обогащения в России посвящено большое количество научных работ, в том числе диссертационных исследований. Неосновательное обогащение как институт гражданского права в последние десятилетия вступило на путь активного развития в европейских странах и странах Содружества Независимых Государств (СНГ). Но по сей день некоторые проблемы, возникающие вследствие неосновательного обогащения, продолжают оставаться дискуссионными. Значительное внимание нормам,

регулирующим данные обязательства, уделялось в исследованиях таких зарубежных авторов, как Р. Эванс-Джоунс, К. Круз, Д. Джонстон, Р. Циммерманн, Т. Кребс, К. Цвайгерт, Х. Кетц и Э. Шраге. В своих работах они высказывают разные мнения относительно содержания обязательств, возникающих из неосновательного обогащения, оснований их возникновения, классификации случаев неосновательного обогащения и др.

Очевидно, что наибольшей схожестью норм, регулирующих обязательства вследствие неосновательного обогащения, обладают страны СНГ. Такое сходство прежде всего обусловлено историческим развитием государств постсоветского права.

Однако, для того чтобы исследование института неосновательного обогащения в разных странах было более прозрачным, необходимо обозначить критерии, по которым действия лица можно назвать неосновательным обогащением. По нашему мнению, к ним можно отнести:

- 1) незаконность (бесосновательность) приобретения, сбережения и удержания имущества;
- 2) недобросовестность, безнравственность приобретателя;
- 3) приобретение выгоды или преимуществ вследствие незаконного использования имущества;
- 4) обязанность возврата неосновательно полученного имущества;
- 5) отпадение обстоятельств (оснований) приобретения материального или иного преимущества;
- 6) получение выгоды путем противоправных действий приобретателя.

Данные критерии наиболее полно позволяют отразить особенности института неосновательного обогащения как в странах СНГ, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Так, в гражданских кодексах республик Беларусь (ст. 964), Казахстан (ст. 953) и Таджикистан (ст. 1117) понятие неосновательного обогащения по своей природе идентично понятию, данному в гражданском законодательстве России (ст. 1102 ГК РФ): правоотношение, возникающее в связи с приобретением

или сбережением имущества без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований одним лицом (приобретателем) за счет другого лица (потерпевшего).

Среди исследователей, занимающихся вопросами института неосновательного обогащения в республиках Беларусь и Казахстан, имеется мнение о том, что его главными особенностями являются наличие у истца приоритетного права требовать и отсутствие у ответчика права удерживать безосновательно приобретенное имущество, т. е. основным критерием законодатель считает незаконность сбережения и удержания чужого имущества, а также последующую обязанность его возврата. С нашей точки зрения, незаконность приравнивается к отсутствию оснований в приобретении имущества, что отражает сущность института неосновательного обогащения. Понятие неосновательности, регламентирующей институт неосновательного обогащения, имеется в гражданском законодательстве абсолютного большинства стран. Следовательно, одним из важных критериев, влекущих возникновение обязательств вследствие неосновательного обогащения, является незаконность сбережения и удержания чужого имущества. Однако не в каждом случае возврат неосновательно приобретенного имущества приоритетный критерий. Чаще всего его исключение встречается в гражданском законодательстве зарубежных стран.

Е. Н. Кемешев полагает, что в гражданских кодексах стран СНГ, а именно в Республике Казахстан и Российской Федерации, много общего, поскольку они базировались на Основах гражданского законодательства СССР [3]. В случае противоречия между Основами гражданского законодательства СССР и Гражданским кодексом Республики Казахстан 1963 г. действовали Основы законодательства, именно поэтому 29 октября 1994 г. был принят Модельный гражданский кодекс СНГ, который готовился на основе проектов гражданских кодексов России, Казахстана, Украины и Белоруссии. Соответственно, в гражданских кодексах стран СНГ много общего, и законодатели сознательно стремились к этому. В настоящее время юристы указывают на то, что суды Республики Казахстан активно учитывают сложившуюся судебную практику Российской Федерации по гражданским делам.

В Гражданском кодексе Украины (далее — ГКУ) обязательства вследствие неосновательного обогащения регулируются ст. 1212. Указанное в ней определение схоже с определением неосновательного обогащения в гражданском праве России. Однако существуют и некоторые отличия, которые, по нашему мнению, не оказывают значительного влияния на толкование данных норм. Законодатель ука-

зывает два основных действия приобретателя, образующих неосновательное обогащение: приобретение или сохранение (сбережение) имущества. В ГК РФ данные действия образуют: 1) приобретение; 2) сбережение. В ГКУ большое значение имеет следующий критерий: «Лицо обязано вернуть имущество и тогда, когда основание, на котором оно было приобретено, со временем отпало». В ГК РФ он не регламентирован, однако активно употребляется в судебной практике. По нашему мнению, это произошло в связи с тем, что действия ответчика в рамках понятия сбережения (сохранение) имущества уже автоматически предусматривают критерий «отпадение оснований».

«Приобретение» имущества изначально осуществляется в отсутствие оснований, а в случае «сохранения (сбережения)» передача имущества происходит законно, однако затем отпадение оснований влечет незаконность дальнейшего нахождения имущества «в руках» приобретателя. Следовательно, в России данный критерий не подлежит регламентации. Существует предположение о том, что в ГКУ он имеет место в связи с комплексным развитием гражданского законодательства в странах СНГ и активным развитием гражданского законодательства в России.

Обратимся теперь к институту неосновательного обогащения в европейских странах. Определить наиболее существенные критерии и действия, порождающие неосновательное обогащение, в этих государствах сложно. Прежде всего это обусловлено особенностями их правовой системы.

В Германском гражданском уложении указано, что обогащение может быть вызвано действиями «другого лица» или «иным образом» [4]. Иски первой группы объединяют случаи, когда истец без правовых оснований требует то, что исполнил добровольно и осознанно в пользу ответчика. Например, в силу ничтожности договора, либо если произведенное исполнение не соответствует содержанию существующего обязательства; имущество передавалось в качестве приданого, а свадьба не состоялась; передача денег вымогателю. По искам второй группы подлежит возврату обогащение, возникшее вследствие посягательства на права другого лица. Например, незаконное использование чужой вещи, создание новой вещи для себя посредством переработки чужих материалов, использование чужого изобретения, защищенного патентом, и т. д. Подобное разграничение действий представляет интерес. При рассмотрении исков первой группы можно предположить, что законодатель ориентировался на критерии добросовестности и нравственности. Кроме того, проявляются признаки заблуждения одной из сторон договора

именно по незнанию или ошибочности передачи имущества. Нельзя сказать, что эти действия носили характер правонарушений, что косвенным образом находит отражение в исках второй группы.

Существенная особенность обязательств из неосновательного обогащения в праве Германии — освобождение лица, получившего имущество неосновательно от обязанности его возврата, если это лицо «более не извлекает выгоды», а полученное им имущество уничтожено, растрчено либо причинило лицу ущерб. Из этого следует, что цель кондикции не возместить убытки, а передать имущественное благо тому, кто имеет на это преимущество, т. е. восстановление справедливости в условиях безнравственности и недобросовестности, что очередной раз показывает суть нравственных начал в гражданском законодательстве Германии.

В отличие от французского права, где на лице, предъявившем иск об обратном истребовании недолжно уплаченного, лежит бремя доказывания ошибочной уплаты, в Германии ответчик для защиты от кондикционного иска должен доказать, что истец в момент исполнения знал об отсутствии обязательства.

Во Франции для предъявления иска о возврате недолжно уплаченного необходимо одновременное наличие следующих условий: факта передачи имущества и отсутствия предполагаемого долга между истцом и ответчиком. Тот, кто сознательно произвел платеж недолжного, в силу ст. 1377 Французского гражданского кодекса (далее — ГКФ) не вправе истребовать уплаченное обратно. Судебная практика показывает, что суды требуют возврат полученного тогда, когда приобретатель путем неосновательного получения имущества поступил безнравственно, а также в случаях, когда лицо уплатило свой долг вторично, поскольку потеряло расписку кредитора в получении первого платежа. Найдя впоследствии расписку, оно может потребовать возврата суммы вторичного платежа.

В ГКФ так же, как и в Гражданском кодексе Швейцарии, бремя доказывания наличия ошибки лежит на плательщике. В остальном институт неосновательного обогащения в Швейцарии построен по примеру законодательства Германии. Правом Нидерландов, наоборот, не была воспринята конструкция неосновательного обогащения Германии. Строеие Гражданского кодекса Нидерландов (далее — ГКН) показывает восполнительную функцию (в этом голландский законодатель следует французскому примеру). Отличие голландского регулирования отношений по неосновательному обогащению от других континентальных право порядков состоит в том, что ГКН не ставит

право обратного истребования недолжного платежа в зависимость от ошибки лица, совершившего такое предоставление. В праве Англии и США получил признание принцип реституции неосновательного обогащения.

Таким образом, законодатель отдает приоритет таким критериям, как безнравственность и сознательность действий, уводя на второй план факт возврата неосновательно приобретенного имущества. В основу института неосновательного обогащения легли не материальные блага, а сознательность и принципы нравственности в действиях граждан.

Проводя сравнительный анализ норм, регулирующих институт неосновательного обогащения в разных странах относительно предложенных критериев, мы приходим к следующим выводам:

— институт неосновательного обогащения известен и в странах СНГ, и в европейских государствах. Его нормы урегулированы гражданскими кодексами и уложениями;

— предложенные нами критерии позволяют оценить институт неосновательного обогащения с точки зрения действий, способствующих его возникновению;

— основополагающими критериями института неосновательного обогащения в России и странах СНГ являются следующие: незаконность (безосновательность) приобретения, сбережения и удержания имущества; обязанность возврата неосновательно полученного имущества и отпадение обстоятельств (оснований) приобретения материального или иного преимущества. В странах Европы такими критериями выступают: недобросовестность, безнравственность приобретателя, заблуждение сторон или одной из сторон, получение выгоды путем противоправных действий приобретателя и приобретение выгоды или преимуществ вследствие незаконного использования имущества. Критерий незаконности (безосновательности) приобретения, сбережения и удержания имущества является базовым как для стран СНГ, так и стран Европы, поскольку именно отсутствие оснований — корень его существования;

— особенности института неосновательного обогащения в зарубежных странах выражаются в том, что законодатель ориентирует общество на поддержание нравственных начал, важности добросовестного поведения. В приоритете стоят не внешние материальные блага каждого, а внутренние, духовные потребности человека, что, к сожалению, забыто сегодня во многих других государствах. Однако действие норм данного института и достижение целей не позволяет нам говорить о его неэффективности. Подробный анализ помогает выявить недостатки нашей системы и выработать

приоритетные направления, которые будут способствовать совершенствованию норм института неосновательного обогащения. Несмотря на то что в нормах, регулирующих институт неосновательного обогащения в России, понятие недобросовестности не употребляется, в п. 4 ст. 1 ГК РФ сказано, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Данная норма распространяется на все положения ГК РФ, в том числе на институт неосновательного обогащения;

— указанные в гражданском законодательстве России признаки неосновательного обогащения не позволяют отличить его от иных правоотношений. Это обстоятельство влечет трудности в разграничении гражданско-правовой ответственности от других видов ответственности. Проведенный анализ позволяет сформулировать следующее рабочее понятие неосновательного обогащения в современном правовом пространстве: неосновательным обогащением является обогащение, при котором у лица (приобретателя) возникает право собственности на бесосновательно и недобросовестно приобретенное или сбереженное им имущество за счет другого лица (потерпевшего) до того момента, пока приобретатель не будет уведомлен о не-

правомерности своих действий. В случае неосновательного обогащения приобретатель имущества обязан вернуть незаконно приобретенное имущество потерпевшему. По нашему мнению, данное определение является комплексным и представлено в широком смысле по отношению к дефиниции неосновательного обогащения, указанной в ст. 1102 ГК РФ, поскольку употребление «недобросовестности» в понятии неосновательного обогащения необходимо. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения — это один из основных принципов гражданского права. Недобросовестное извлечение преимущества следует считать синонимом неосновательного обогащения. Кроме того, важным является указание в определении неосновательного обогащения вида вещного права, на котором имущество находится у приобретателя. Это обусловлено тем, что любое имущество может быть подвержено ухудшению, гибели или грубой неосторожностью, что зависит от поведения приобретателя, обстоятельств, наличия или отсутствия умысла. Считаем, что данные положения должны быть указаны в понятии неосновательного обогащения.

1. Филиппов П. М. Современное толкование обязательств вследствие неосновательного обогащения (Глава 60 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1. С. 160.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (по сост. на 03.05.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кемешев Е. Н. Институт обязательства вследствие неосновательного обогащения и требования о возмещении ущерба к активистам финансовых пирамид. 2014. URL: zakon.ru (дата обращения: 23.05.2018).

4. Левина Д. А. Институт неосновательного обогащения в праве Беларуси и Германии // Научные публикации юридического факультета БГУ, 2011.

1. Filippov P. M. Modern interpretation of obligations due to unjust enrichment (Chapter 60 of the Civil Code of the Russian Federation) // Altai legal bulletin. 2017. No 1. P. 160—162.

2. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996 No 14-FZ (on as of May 3, 2013). Access from the legal system "ConsultantPlus".

3. Kemeshev E. N. The Institute of Obligation as a result of unjust enrichment and claims for compensation of damage to activists of financial pyramids. 2014. URL: zakon.ru (reference date: 23/05/2013).

4. Levina D. A. The Institute of Unfounded Enrichment in the Law of Belarus and Germany // Scientific Publications of the Faculty of Law. 2011.

© Peregudova D. A., 2018

© Перегудова Д. А., 2018

* * *

УДК 342.951
ББК 67.401.125

DOI 10.25724/VAMVD.CSTU

А. Я. Рыженков

О ПРИНЦИПЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНВАЛИДАМ УСЛОВИЙ ДЛЯ БЕСПРЕПЯТСТВЕННОГО ДОСТУПА К ОБЪЕКТАМ СОЦИАЛЬНОГО И ИНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В статье отмечается, что отдельным направлением реализации государством его социальной функции является создание инвалидам комфортной городской среды, для чего предусматривается специальный комплекс мер, предполагающих возложение обязанностей на органы государственной власти Российской Федерации, ее субъектов, органы местного самоуправления по обеспечению условий для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры. В Градостроительном кодексе Российской Федерации для достижения данной цели сконструирован специальный принцип и создан механизм его реализации. В статье доказывается большое значение законодательства субъектов Российской Федерации для обеспечения инвалидам условий для беспрепятственного доступа к объектам социального и иного назначения, а также отмечается, что формулировка исследуемого принципа (и реализующих его норм Градостроительного кодекса Российской Федерации) должна быть скорректирована в сторону указания в нем не только одних инвалидов, но и маломобильных групп населения, поскольку у указанных категорий граждан есть много общего.

Ключевые слова: инвалиды, маломобильные группы, доступная среда, город, принцип, градостроительное законодательство, пандус, доступ; орган власти.

A. Ya. Ryzhenkov

ON THE PRINCIPLE OF ENSURING CONDITIONS FOR THE FREE MOVEMENT OF PERSONS WITH DISABILITIES ACCESS TO SOCIAL AND OTHER FACILITIES

The article notes that a separate direction of the state's implementation of its social function is the creation of a comfortable urban environment for the disabled, for which a special set of measures is provided, involving the imposition of duties on the bodies of the state power of the Russian Federation, its subjects, local authorities to create conditions for the unhindered access of the disabled to the objects of social, engineering and transport infrastructure. In the Urban planning code of the Russian Federation to achieve this goal, a special principle is designed and a mechanism for its implementation is created. The article proves the importance of the legislation of the constituent entities of the Russian Federation to ensure the disabled of the conditions for unhindered access to social and other purposes and noted that the wording of the investigated principle (and the implementing rules of the urban planning code) shall be adjusted in the direction of indication it not only disabled, but also people with limited mobility, because these categories of population have much in common.

Key word: persons with disabilities, people with limited mobility, accessible environment, city, principle, urban legislation, ramp, access, authority.

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию не только демократическим и правовым, но и как социальным государством, что налагает на органы публичной власти ряд дополнительных обязательств. Среди них и забота об образовании и здравоохранении, и поддержка социально незащищенных групп населения, включая пенсионеров и инвалидов. Цель этой политики — обеспечить инвалидам равные с другими гражданами возможности в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод,

предусмотренных Конституцией Российской Федерации в целях перехода Российской Федерации к стандартам устойчивого развития [1, с. 31—36]. Особую актуальность данной проблеме придает тот факт, что по состоянию на 1 января 2018 г. в Российской Федерации было зафиксировано 12 111 тыс. инвалидов, что составляет 82 человека на 1 000 населения [2]. Защита их прав достигается, в частности, посредством выплаты социальных пособий, а также путем формирования комфортной среды. Данная стратегия обусловлена в первую

очередь международными обязательствами, которые взяла на себя Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.

Согласно ст. 9 конвенции государства-участники принимают надлежащие меры для обеспечения инвалидам доступа наравне с другими к физическому окружению, транспорту, информации и связи, в том числе к информационно-коммуникационным технологиям и системам, а также к иным объектам и услугам, открытым или предоставляемым для населения, как в городских, так и в сельских районах. Эти меры включают устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности, и должны распространяться, в частности, на здания, дороги, транспорт и иные внутренние и внешние объекты (школы, жилые дома, медицинские учреждения и рабочие места). Данные обязательства были конкретизированы в ст. 1 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018), закрепившей определение инвалида как лица, имеющего нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленного заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящими к ограничению жизнедеятельности и вызывающими необходимость его социальной защиты государством. Соответственно, под ограничением жизнедеятельности закон понимает полную или частичную утрату лицом способности (возможности) осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью.

Российское законодательство категорически запрещает любые формы дискриминации инвалидов и предусматривает пакет мер по их социальной защите, куда входят гарантированные государством экономические, правовые и иные меры социальной поддержки, обеспечивающие инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленные на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества.

Наряду с мерами медицинского характера российское законодательство детально регламентирует выплату инвалидам пенсий и социальных пособий, обеспечение условий их доступа к образованию и трудоустройству. Отдельным направлением реализации государством его социальной функции является создание инвалидам комфортной городской среды, для чего в законе предусмотрен специальный комплекс мер. Они предполагают возложение на органы государственной

власти Российской Федерации, ее субъектов, органы местного самоуправления обязанности по обеспечению условий для беспрепятственного доступа к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур (жилым, общественным и производственным зданиям, строениям и сооружениям), местам отдыха и предоставляемым в них услугам. Отдельно оговаривается необходимость создания условий для беспрепятственного пользования инвалидами всеми видами транспорта (в том числе городского), возможности самостоятельного передвижения по территории, где расположены объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, входа и выхода с таких объектов, посадки в транспорт и высадки из него, в том числе с использованием кресла-коляски.

Законодатель уделяет большое внимание информационному обеспечению инвалидов, порядку допуска на объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры собаки-проводника и т. д., причем за уклонение от исполнения требований по обеспечению условий для доступа инвалидов к объектам инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, согласно ст. 9.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (ред. от 23.04.2018), предусмотрено наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 2 тыс. до 3 тыс. руб., на юридических лиц — от 20 тыс. до 30 тыс. руб.

В случаях если существующие объекты социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры невозможно полностью приспособить с учетом потребностей инвалидов, их собственники до проведения реконструкции или капитального ремонта должны принимать согласованные с общественными объединениями инвалидов меры по обеспечению доступа инвалидов к получению таких услуг либо создавать условия для получения таких услуг по месту жительства инвалида или в дистанционном режиме. Планировка и застройка городов, других населенных пунктов, формирование жилых и рекреационных зон, разработка проектных решений на новое строительство и реконструкцию зданий, сооружений и их комплексов, а также разработка и производство транспортных средств общего пользования, средств связи и информации без приспособления указанных объектов для беспрепятственного доступа к ним инвалидов и использования их инвалидами не допускаются. Из этого небольшого обзора становится ясно, что российский закон конкретизирует и расширяет международные обязательства Российской Федерации, закрепляя систему комплексных гарантий прав инвалидов, отводя важное место в ней требованиям и мерам,

реализуемым в градостроительном законодательстве. Наряду с исследуемым принципом (ст. 2 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ)) меры по созданию условий инвалидам для беспрепятственного доступа к объектам социального, транспортного и иного назначения, предусмотрены и в других статьях ГрК РФ. Необходимо заметить, что данные меры носят рамочный характер, и в результате их анализа следует выделить три основные группы:

1) в составе проектной документации объектов капитального строительства является обязательным наличие раздела о перечне мероприятий по обеспечению доступа инвалидов к объектам здравоохранения, образования, культуры, отдыха, спорта и иным объектам социально-культурного и коммунально-бытового назначения, транспорта, торговли, общественного питания, делового, административного, финансового, религиозного назначения, объектам жилищного фонда (ст. 48 ГрК РФ);

2) к заявлению о выдаче разрешения на строительство прилагается ряд материалов, содержащихся в проектной документации, в том числе по обеспечению доступа инвалидов к перечисленным выше объектам (ст. 51 ГрК РФ);

3) в перечне требований к эксплуатации зданий и сооружений (ст. 55.24 ГрК РФ) содержится отсылочная норма, устанавливающая, что порядок организации безопасного использования и содержания лифтов, подъемных платформ для инвалидов, пассажирских конвейеров (движущихся пешеходных дорожек), эскалаторов, за исключением эскалаторов в метрополитенах, должен быть установлен Правительством Российской Федерации.

Таким образом, согласно нормам приведенных законов инвалидам предоставляются льготы в самых различных сферах жизни, выплачиваются пособия, и обустроивается доступная городская среда и инфраструктура. Между тем на практике данные положения не всегда реализуются должным образом [3, с. 33], что наиболее наглядно видно на примере создания «доступной городской среды для инвалидов». Это выявляется, например, при анализе ситуации с приспособленностью общественного транспорта к решению задач по увеличению мобильности граждан-инвалидов. Дело в том, что количество такого «приспособленного транспорта» не соизмеримо с количеством людей с ограниченными возможностями, проживающими в нашей стране. Если в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург) такая инфраструктура все-таки создана, то даже в городах областного значения ее практически нет. Например, в Екатеринбурге в общем парке автобусов к перевозке инвалидов приспособлено менее 1 % транспортных средств,

а транспортных средств наземного электрического транспорта, приспособленных к перевозке инвалидов и малоподвижных категорий граждан, в Свердловской области нет [4, с. 56—57].

Между тем наличие доступной городской среды (здания, объекты транспорта и т. д.) требуется не только для инвалидов (с нарушением опорно-двигательного аппарата, зрения, слуха, интеллекта, с общими заболеваниями, другие категории людей с инвалидностью), но и для иных маломобильных групп населения, к которым могут быть отнесены и люди с временным нарушением здоровья, беременные женщины, люди преклонного возраста, люди с детскими колясками и т. п. Для всех этих категорий населения городская среда также должна быть безбарьерной. Например, для инвалидов, пользующихся креслами-колясками, и для родителей с детскими колясками совершенно одинакова потребность в наличии специальных поручней (отсутствии ступенек) у городского транспорта, чтобы они могли полноценно пользоваться различными объектами городской инфраструктуры, поэтому широкие съезды с тротуара на дорогу, сконструированные для колясочников, могут использоваться родителями с детскими колясками, людьми, перевозящими грузы или велосипедистами [5, с. 59]. Особое значение для инвалидов имеет наличие низких стоек в гостиницах и иных местах, а для перемещающихся с помощью костылей и других подобных приспособлений важно достаточное количество мест отдыха (хотя бы обычные лавочки). Аналогичная специфика есть у людей со слабым зрением и слухом. Все это актуально и для Волгограда, где растет потребность населения в создании безбарьерной среды.

Ограниченное количество общественных зданий, учреждений здравоохранения и социального значения, учебных заведений оборудованы удобными пандусами. Нередко проходы, дверные проемы не соответствуют размерам доступности, отсутствует навигационная система, тактильные указатели, лифты, подъемники. Но даже когда здание отвечает требованиям доступности, до него бывает трудно добраться, поскольку городские улицы не оборудованы съездами через бордюры, а многие светофоры не имеют звуковых сигналов. Подземные переходы не приспособлены для колясочников, родителей с детскими колясками. В то же время следует отметить как позитивную тенденцию появление в Волгограде первых, отвечающих требованиям доступности троллейбусов, автобусов и скоростных трамваев с низким (без ступенек) входом, оборудованных бегущими строками информации. Не менее известным и успешным примером создания безбарьерной среды является

преобразование городской среды в городе Сочи в ходе подготовки к Паралимпийским играм 2014 г., когда были реализованы практически все принципы доступности: создана специальная комиссия для составления реестра доступных объектов, каждый объект городской инфраструктуры прошел паспортизацию на предмет доступности. Представляется, что данный опыт мог бы быть полезен и для Волгограда [6, с. 181—185].

В свою очередь, в ходе решения задач создания доступной среды для инвалидов в Саратовской области предлагается предоставление им возможности выбирать удобную форму проживания: в обычных зданиях массовой жилой застройки с использованием специального оборудования или специализированных комплексах социальной защиты (дом-интернат, пансионат, территориальный центр обслуживания, реабилитационный центр). Остается нерешенной проблема отсутствия обустройства жилых помещений «эрготерапевтическими устройствами, в сметы новых построек по-прежнему не закладываются расходы на аксессуаров для инвалидов. При постановке вопроса об отсутствии приспособительных устройств для инвалидов чиновники чаще всего ссылаются на нехватку денежных средств. Однако и до начала строительства или реконструкции в смету порой не включаются расходы на установку пандусов, подъемников, специализированных туалетов, что существенно снизило бы затраты на организацию безбарьерной среды» [7, с. 121].

В свете актуальности для России создания доступной среды для инвалидов представляется весьма интересным опыт Республики Казахстан. Так, согласно п. 4 ст. 6 Закона Республики Казахстан «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Казахстан» от 16 июля 2001 г. № 242-II (ред. от 24.05.2018) к объектам недвижимости с особым регулированием архитектурной, градостроительной и строительной деятельности и градостроительной регламентации относятся не только памятники истории и культуры и их ансамбли или объекты государственного природно-заповедного фонда, но и здания и сооружения для проживания, пребывания и работы инвалидов. Кроме того, в законе четко фиксируется (ст. 11), что населенные пункты следует обеспечить оптимальными условиями и средствами доступа для всех категорий населения (включая инвалидов и другие маломобильные группы) к рабочим местам, объектам (сооружениям, коммуникациям) социальной, рекреационной, инженерной и транспортной инфраструктуры в соответствии с типом поселения и условиями местности. Градостроительная документация для населенных

пунктов должна содержать разделы по созданию и обеспечению потребностей инвалидов и иных маломобильных групп населения в объектах социальной и рекреационной инфраструктуры.

С учетом того что Россия является федеративным государством, большую роль в решении поставленной проблемы могут сыграть субъекты Федерации, конкретизируя своими законами положения федеральных правовых актов. Такая работа ведется уже сейчас. В качестве подобного примера следует привести Закон Московской области «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур в Московской области» от 22 октября 2009 г. № 121/2009-ОЗ (ред. от 24.11.2017). Вклад данного закона в создание доступной городской среды состоит в следующем:

1) закон направлен на формирование доступной среды не только для инвалидов, но и для маломобильных групп населения. В нем содержится определение таких субъектов. Под ними понимаются лица, «испытывающие затруднения при самостоятельном передвижении, ориентировании в пространстве (инвалиды, лица пожилого возраста, беременные женщины, лица с малолетними детьми, в том числе использующие детские коляски, и другие лица, вынужденные в силу устойчивого или временного физического недостатка использовать для своего передвижения вспомогательные средства приспособления)». Таким образом, данный закон конкретизирует похожее определение, содержащееся в Своде правил 59.13330.2012 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001» (утв. Приказом Минрегиона России от 27.12.2011);

2) закон предлагает конкретный перечень объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктур в Московской области, на которых обеспечиваются условия для беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения, в том числе административные здания и сооружения органов государственной власти Московской области и органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области; объекты культуры и культурно-зрелищные сооружения (театры, библиотеки, музеи, места отправления религиозных обрядов и др.); объекты образования и науки, здравоохранения и социальной защиты населения; объекты торговли, общественного питания и бытового обслуживания населения, кредитные учреждения; гостиницы, отели, иные места временного проживания; объекты спорта, места отдыха, парки, сады, лесопарки, пляжи и находящиеся на их территории объекты и сооружения оздоровительного и рек-

реационного назначения, аллеи и пешеходные дорожки и ряд иных;

3) важным является то, что данный закон указывает конкретный перечень мер, направленных на достижение поставленных целей (ст. 4). В частности, объекты социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры в процессе строительства, реконструкции, ремонта и благоустройства должны оснащаться следующими специальными приспособлениями и оборудованием: специальными указателями около строящихся объектов; звуковой сигнализацией светофоров; телефонами-автоматами и иными средствами связи, доступными инвалидам; санитарно-гигиеническими помещениями; пандусами и поручнями у лестниц при входах в здания; пологими спусками у тротуаров в наземных переходах улиц, дорог, магистралей, остановок городского и пригородного пассажирского транспорта общего пользования и т. д.

Из этого следует, что для реализации исследуемого принципа ст. 2 ГрК РФ об обеспечении инвалидам условий для беспрепятственного доступа к объектам социального и иного назначения приведенный закон Московской области делает больше, чем сам ГрК РФ, ограничивающийся только рамочными требованиями, которые имеют общий характер.

Исследуемый принцип и конкретизирующие его нормы градостроительного законодательства не являются декларативными и часто применяются судами. Так, Ногинский городской прокурор Московской области обратился в суд с иском в интересах неопределенного круга лиц к ответчику — администрации Ногинского муниципального района Московской области с требованием обязать последнюю в срок не более 60 дней с момента вступления решения суда в законную силу создать условия инвалидам и гражданам других маломобильных групп населения для беспрепятственного доступа к объекту социальной инфраструктуры, а именно оборудовать вход в здание МБОУ «Старокупавинский лицей», расположенное по адресу: Московская область, Ногинский район, г. Старая Купавна, ул. Большая Московская, д. 127, пандусом с уклоном не более 5 % по требованиям строительных норм и правил 35-01-2001. Решением Ногинского городского суда Московской области от 18 июня 2014 г. исковые требования Ногинского городского прокурора удовлетворены в полном объеме, апелляционная жалоба представителя администрации Ногинского муниципального района оставлена без удовлетворения [8].

Таким образом, формирование городской среды, комфортной для проживания всех групп населения, в том числе инвалидов, является одной из наиболее актуальных задач современности требованием не только к градостроителям, но и ко всем органам городской власти и управления. Город — это «особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство. Он создается деятельностью людей, повседневные запросы которых и составляют собственно социальную „подоснову“ сотворения рукотворных городских ландшафтов» [9, с. 26].

Решение поставленной в исследуемом принципе градостроительного права задачи невозможно без изменения правосознания граждан, государственных служащих и предпринимателей [10, с. 45]; [11, с. 27]. К сожалению, сохраняется отношение большинства населения к инвалидам как к не таким, как все. Это создает барьер, который не преодолеть никакими пандусами [12, с. 72—78]. Например, как указывала Э. К. Наберушкина, мир большинства представителей бизнеса включает серию «само собой разумеющихся» представлений «о природе и поведении людей с ограниченными возможностями, в сетке этих установок об инвалидности часто находятся категории: бедность, неполноценность, недееспособность. Человек с таким набором представлений об инвалидах никогда не будет строить свой торговый зал с учетом требований доступности для них. Феноменологический подход к исследованию проблемы доступности городского пространства для инвалидов позволяет уйти от абстрактных теоретических построений и обратиться к непосредственному ежедневному опыту, остановиться на межличностных взаимодействиях инвалидов и не инвалидов и объяснять сложившийся порядок взаимодействия с инвалидами через категорию „запас общих знаний“» [7, с. 134]. Реализация данного предложения потребует корректировки учебных планов и программ в школах и высших учебных заведений, а также принятия комплекса мер по правовому просвещению населения. В рамках же целей данной статьи следует заметить, что формулировка исследуемого принципа (и реализующих его норм ГрК РФ) должна быть скорректирована в сторону указания в нем не только одних инвалидов, но и маломобильных групп населения, поскольку у указанных категорий граждан есть очень много общего.

1. Анисимов А. П. О некоторых дискуссионных проблемах концепции устойчивого развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3.

1. Anisimov A. P. on some discussion problems of the concept of sustainable development. Bulletin of the Saratov state law Academy. 2017. No 3.

2. Федеральная служба государственной статистики. Положение инвалидов. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 13.06.2018).
3. Анисимова А. П. Причины низкого уровня правосознания современного российского общества // Становление и развитие научных школ права в государственных университетах России: материалы всерос. студ. науч.-практ. конф. (в 5 ч.). СПб., 1999. Ч. 3. С. 32—34.
4. Любушкина В. Г. Государственная поддержка социально-незащищенных категорий граждан в Российской Федерации // Актуальные проблемы защиты социально-экономических прав человека и гражданина в России и стран СНГ: материалы межрегион. науч. конф. Волгоград, 2014.
5. Наберушкина Э. К. Доступность городской среды для инвалидов // Социологические исследования. 2010. № 9.
6. Коростелева Н. В., Дудников В. В. К вопросу реализации прав маломобильных групп населения и создания для них безбарьерной среды при градостроительном проектировании // Актуальные проблемы защиты социально-экономических прав человека в России, СНГ и странах Европейского Союза: материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 2014.
7. Наберушкина Э. К. Город для всех: социологический анализ доступности городского пространства для инвалидов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV. № 3.
8. Апелляционное определение Московского областного суда от 01.10.2014 по делу № 33-21797/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Дридзе Т. М. Вернуть столицу горожанам (о социальной диагностике в градостроительстве) // Общественные науки и современность. 1997. № 5.
10. Алексеева А. П. Антикоррупционная политика государства: достоинства и недостатки // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1. С. 44—49.
11. Алексеева А. П. Новые инициативы в сфере усиления ответственности за коррупцию в России // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2017. С. 26—29.
12. Олейник Е. В., Каукина М. П. Создание доступной среды для инвалидов как приоритетное направление государственной социальной политики // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. 2015. № 2.
2. Federal state statistics service. The situation of the disabled. URL: <http://www.gks.ru> (reference date: 13/06/2018).
3. Anisimova A. P. reasons for the low level of legal consciousness of modern Russian society // Formation and development of scientific law schools in state universities of Russia: materials of the all-Russian student scientific-practical conference (in 5 parts). Part 3. SPb., 1999. P. 32—34.
4. Lyubushkina V. G. State support of socially unprotected categories of citizens in the Russian Federation // Actual problems of protection of socio-economic human rights and citizen in Russia and CIS countries: materials of interregional scientific conference. Volgograd, 2014.
5. Naberushkina E. K. availability of the urban environment for persons with disabilities // Sociological researches. 2010. No 9.
6. Korosteleva N. V. Dudnikov V. V. on the issue of realization of the rights of people with limited mobility and creation of barrier-free environment for them in urban planning // Actual problems of protection of social and economic human rights in Russia, CIS and European Union: materials of the international scientific conference, Volgograd, 2014.
7. Naberushkina E. K. City for all: sociological analysis of accessibility of urban space for disabled // Journal of sociology and social anthropology. 2011. Vol. XIV. No 3.
8. Appeal determination of the Moscow regional court of 01.10.2014 in the case № 33-21797/2014. Access from the legal system "ConsultantPlus".
9. Dridze T. M. to Return the capital to citizens (about social diagnostics in urban planning) // Social Sciences and modernity. 1997. No 5.
10. Alekseeva A. P. anti-Corruption policy of the state: advantages and disadvantages // Library of criminal law and criminology. 2016. No 1. P. 44—49.
11. Alekseeva A. P. New initiatives in the field of strengthening of responsibility for corruption in Russia // Actual problems of criminal law at the modern stage: collection of scientific works of the international scientific-practical conference. Volgograd, 2017. P. 26—29.
12. Oleynik E. V., Kaukina M. P. creation of accessible environment for the disabled as a priority direction of the state social policy // Science of the 21st century: questions, hypotheses, answers. 2015. No 2.

© Ryzhenkov A. Ya., 2018

© Рыженков А. Я., 2018

* * *

УДК 343.2
ББК 67.408.0

DOI 10.25724/VAMVD.CTUV

О. В. Артюшина

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

Статья посвящена проблеме излишней криминализации в Уголовном кодексе Российской Федерации, которая становится очевидной на нынешнем этапе развития государства и права. В качестве способов ее решения рассматриваются: полная декриминализация с переводом деяний в административные правонарушения, частичная декриминализация с использованием приема административной преюдиции, а также введение уголовного проступка в уголовное законодательство. Оценивая их эффективность и возможности применения с учетом современной реальности, автор приходит к выводу о том, что введение уголовного проступка является наиболее перспективным средством. При этом определяются ключевые вопросы, объективно требующие дальнейшей научной разработки для реализации законопроекта, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка“» от 31 октября 2017 г. № 42.

Ключевые слова: гуманизация, репрессивность закона, административная преюдиция, категории преступления, общественная опасность, дифференциация уголовной ответственности.

O. V. Artushina

CRIMINAL OFFENSE AT THE CONTEXT OF ECONOMY OF CRIMINAL REPRESSION

The article is devoted to the problem of excessive criminalization in the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), which becomes evident at the present stage of development of the state and law. As solutions to redundancy, the following are considered: full decriminalization with the transfer of acts to administrative offenses, partial decriminalization using administrative admonition, and the introduction of a criminal offense in criminal law. Evaluating their effectiveness and application possibilities taking into account modern reality, the author comes to the conclusion that the introduction of a criminal offense is the most promising means. At the same time, key issues are identified that objectively require further scientific development for the implementation of the draft law approved by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Making an Application to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of the notion of a criminal offense"" of October 31, 2017 No. 42.

Key words: humanization, repressive nature of the law, administrative prejudice, categories of crime, public danger, differentiation of criminal liability.

Основное направление естественного развития уголовного права — постепенная дефляция (понижение) уголовной репрессии, объективно обусловленное повышением эффективности удовлетворения базовых потребностей человека в результате общественного (промышленного, технического и т. д.) развития [1].

Уголовная политика Российской Федерации развивается в сторону гуманизации (смягчения ответственности) и либерализации. При этом целями реформирования законодательства выступают уменьшение репрессивного потенциала уголовного закона, в частности создание условий для снижения числа лиц, привлеченных к уголовной

ответственности вообще и отбывающих наказание в виде лишения свободы в частности, экономия ресурсов и основанная на этом оптимизация практической деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

Наиболее яркими примерами гуманизации являются: частичная декриминализация побоев, хищений, причинения имущественного вреда путем обмана или злоупотребления доверием; смягчение ответственности за мелкий коммерческий подкуп и мелкое взяточничество; включение неоднократности в состав неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей и т. д., а также частичная декриминализация преступлений в об-

ласти экономической деятельности путем выведения из сферы уголовного законодательства целого пласта преступлений, ущерб, доход либо задолженность от совершения которых составляет 1 500 — 2 250 000 руб.

Примерами либерализации, т. е. обновления закона, внедрения новых приемов, техник, выступают предоставление суду права менять категорию преступления на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)); использование административной преюдиции при конструировании составов преступлений (ст. 116.1, 157, 158.1 УК РФ и т. д.); введение принципиально новых оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1, 76.2 УК РФ). Данные процессы обусловлены общемировым кризисом уголовного наказания, диктующим необходимость поиска новых идей, подходов к уголовно-правовому реагированию, оснований освобождения от уголовной ответственности, способов позитивного уголовно-правового воздействия. Не случайно в литературе указывается, что репрессивная функция уголовного права теряет свое былое первостепенное значение. Например, Ф. Р. Сундуров по этому поводу пишет: к XXI в. становится ясно, что возможности уголовного наказания в плане позитивного воздействия на лиц, совершающих преступления, а тем более нейтрализации причин и условий преступности, ограничены. Кроме того, чрезмерная строгость, необоснованно широкое его применение приводят к еще большему отчуждению осужденных от общества, рекрутированию в ряды рецидивистов лиц, которых можно было остановить иными средствами социального воздействия [2, с. 4].

Я. И. Гишинский отмечает, что со второй половины XX в. в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания». В мире после Второй мировой войны наблюдается рост преступности. Человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов. Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера [3, с. 313—314]. Если раньше, со времени вступления в силу действующего УК РФ, по мнению А. В. Наумова, самой трудной проблемой отечественного правосудия особенно пенитенциарных учреждений была их перенаполняемость [4], то сейчас, на наш взгляд, на это место претендует избыточная репрессивность УК РФ. Так, Н. А. Лопашенко указывает, что «действующее уголовное законодательство, к сожалению, про необходимую и достаточную меру репрессии давно забыло, перейдя черту нормы», имея в виду в том числе «чрезвычайную закриминализованность (кажется, что преступным объявлено все, что можно и что нельзя)» [5].

Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, П. П. Степанов и К. А. Цай, определяя дорожную карту уголовной политики в России на 2017—2025 гг., пишут, что чрезмерная криминализация является одним из основных вызовов, стоящим сегодня перед уголовным законодательством [6, с. 25].

Для решения проблемы избыточной криминализации, как рассуждала еще Н. Ф. Кузнецова [7, с. 36], могут быть использованы следующие способы:

1) фактическая (полная или частичная) декриминализация;

2) частичная декриминализация с использованием административной преюдиции (по причине спорности этот прием заслуживает отдельного рассмотрения);

3) введение уголовного проступка.

При этом институт освобождения от уголовной ответственности, в частности судебный штраф, на наш взгляд, здесь рассматриваться не может, поскольку он не направлен на безусловное исключение деяния из числа влекущих судимость.

Безусловно, фактическая декриминализация с одновременным переводом деяний в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ) наиболее предпочтительна. Это самое логичное, простое и эффективное средство решения проблемы избыточной криминализации. Оно объективно не ставит вопросов о смешении отраслей права, не вызывает резкой критики научного сообщества. С юридической точки зрения следует признать, что среди прочих решений оно оказывает самое сильное гуманизирующее влияние, так как в полной мере исключает из текста УК РФ запрет. Со стороны гражданской позиции, конечно, спокойнее в том государстве, где лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой (достаточной?) общественной опасности. Но будем реалистами. Полагаем, что данный путь не воспримет законодательная власть (настолько обширно, насколько это требуется). Исходя из соображений внутренней политики, чем больше запретов, тем более зависимым, управляемым становится население («каждый второй» оказывается в чем-либо виновен). В таких условиях, казалось бы, более реальным способом является использование административной преюдиции для декриминализации (не всех случаев совершения деяния, а только первичного). Вместе с тем ясно, что это своего рода полумера, полной декриминализации она не предполагает и эффективность ее в решении проблемы избыточности ниже. На наш взгляд, утверждения о том, что указанный прием законодательной техники не имеет научного фундамента и житейского подтверждения, спорны. Так, Н. А. Лопашенко пишет, что повторение правонарушения в очередной раз не может родить другого его

качества [5]. Тем не менее известен философский закон (философия — мать всех наук): количество переходит в качество. В противовес народной мудрости (заболевание второй раз простудой еще не означает воспаления легких и др.) можно вспомнить, что исторически в системе воспитания детей усиление ответственности применялось как раз за повторяемость: послушание родительского слова первый раз влекло строгий разговор, второй — пощечину, третий — отлучение от дома, отказ от родительского благословения. Другой пример знает каждый из нас: первое и второе опоздание имеет разную качественную оценку (первое вызывает вежливую улыбку, второе фактически исключает дальнейшие деловые отношения). В то же время следует согласиться с тем, что техническое оформление административной преюдиции требует совершенствования и упорядочения во всех соответствующих уголовно-правовых нормах [8]. При этом считаем, что частичная декриминализация с преюдицией не может быть использована в массе норм. Представляется, что она по своему предназначению является как бы исключительной мерой и должна встречаться в УК РФ редко. В данных условиях и только потому, что первые два способа оказываются практически невозможными для решения проблемы избыточности в российской действительности, нужно внимательнее отнестись к введению уголовного проступка в целях экономии мер уголовной репрессии. В доктрине уголовного права этот вопрос у большинства специалистов заслуживает поддержку. Те или иные положительные стороны такого решения отмечаются, например, А. Г. Безверховым [9], И. Э. Звечаровским [10], Н. А. Лопашенко [5], А. В. Наумовым [4], Е. В. Роговой [11], Ф. Р. Сундуоровым [12].

Встречается и противоположное мнение. В частности, А. И. Коробеев и А. А. Ширшов отмечают, что все имеющиеся псевдопреступления «необходимо перевести в разряд административных проступков или даже гражданско-правовых деликтов». При таком решении проблемы, пишут они, просто не понадобится «огород городить», искусственно создавая гомункула под названием «уголовный проступок» ...» [13].

Л. Л. Кругликов и В. Ф. Лапшин полагают, что включение в состав действующего российского уголовного закона категории «уголовный проступок» вряд ли оправдано. Проблемы, которые поднимаются на уровне руководства Верховного Суда Российской Федерации, утверждают они, можно решить путем исключения из уголовного закона большинства норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести, с их одновременным переводом в административное законодательство [14].

Сомнения и отрицание уголовного проступка в нашем случае были развеяны содержанием за-

конопроекта, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» от 31 октября 2017 г. № 42 [15]. Его анализ позволяет признать, что он направлен на гуманизацию, и это в целом заслуживает поддержки. Можно согласиться с тем, что введение уголовного проступка пойдет на пользу уголовной политике и практике противодействия преступности, поскольку прежде всего снизится репрессивность уголовно-правового реагирования на «мелкую преступность», получит новое качественное наполнение законодательная дифференциация уголовной ответственности, продолжится развитие мер компромиссного (позитивного) уголовно-правового воздействия [16].

Известно, что категория «уголовный проступок» для отечественного уголовного законодательства не нова. Она использовалась в Уголовном уложении 1903 г. [12, с. 227—228]. Вопрос о введении уголовного проступка поднимался и в советский период [16]. Далее возврат к нему как к одному из элементов выстраивания трехчленной градации публичных правонарушений на преступления, уголовные проступки и административные правонарушения предполагался в Концепции судебной реформы начала 1990-х гг. Однако это так и не было реализовано при принятии УК РФ [6, с. 35].

В отличие от подхода, связанного с созданием отдельной отрасли права и формированием кодекса уголовных проступков, встречающегося сегодня в литературе [6, с. 39—40], в указанном законопроекте продемонстрирован принципиально иной подход к определению правовой природы уголовного проступка. В нем по образцу европейской модели (Германии, Австрии и т. д.) проступок выделен наряду с преступлением в общем для них понятии преступного деяния. По нашему мнению, такое определение уголовного проступка наиболее приемлемо. Как верно подмечено И. Э. Звечаровским, это изначально указывает на его отраслевую принадлежность — уголовное законодательство [10].

Кроме того, отнесение проступков к области уголовного закона полностью снимает вопросы, касающиеся обоснования новой отрасли права — разработки кодекса уголовных проступков и механизмов его процессуального осуществления. Не случайно, например, сторонники создания «права уголовных проступков» и «смежного» законодательства отмечают существенный минус кодекса уголовных проступков: разрушение Особой части действующего УК РФ за счет «вырывания» из текста весомой доли преступлений и их «механического» переноса в кодекс уголовных проступков [6, с. 40]. Полагаем, что к минусам следовало бы добавить в первую очередь перелом всей системы отечественного пра-

ва, создание в нем его искусственного, пограничного вида, не апробированного практикой, а значит, влекущего неизбежные проблемы правоприменения, направленного не на оптимизацию, а на усложнение процесса. Это отмечают и практикующие специалисты, сотрудники прокуратуры и иных правоохранительных органов. Так, с точки зрения Ю.А. Тимошенко, сложности коснутся процессуальных вопросов (определения порядка по уголовным делам), квалификации противоправных деяний (при нескольких деяниях разной юридической природы вменить совокупность преступлений не получится) и т. д. [16]. При этом, на наш взгляд, в исследуемом законопроекте недостаточно ясно обозначены правовые последствия уголовного проступка. Он все-таки должен исключать судимость. Иначе в чем смысл его введения? При оценке уголовной политики по противодействию преступлениям, не представляющим значительной общественной опасности, главное, что «режет глаза» — это чрезмерная постпенитенциарная репрессивность, связанная с судимостью. Если возможность применения наказания к лицу, виновному в подобном деянии, в целом не вызывает отторжения, то судимость здесь является очевидно необоснованной. В условиях неработающей ресоциализации осужденных она способствует маргинализации таких лиц, создает предпосылки для дальнейшего совершения ими новых, уже более серьезных преступлений, приносит обществу больше вреда, чем пользы, тем самым приводит к выводу о необходимости соблюдения принципа экономии уголовной репрессии. Верно отмечает А. Г. Кибальник: всем известно, что когда-то имевшаяся судимость (своя или родственника) вопреки ч. 6 ст. 86 УК РФ становится, например, препятствием для трудоустройства на определенные должности и в принципе является пожизненным клеймом для человека, совершившего незначительное преступное деяние [16]. В связи с этим, на наш взгляд, введение уголовного проступка в систему дифференциации уголовной ответственности за преступные деяния имеет значение только в том случае, если в тексте уголовного закона будет закреплено, что совершение такого проступка судимости не влечет.

Дальнейшей научной проработки требует следующий вопрос. В законопроекте к объему понятия «уголовный проступок» отнесена часть преступлений небольшой тяжести. Представители академической науки и практические работники рассматривают возможность отнесения к данной категории и некоторых преступлений средней тяжести. Так, Н. А. Лопашенко обозначает проблему определения механизма формирования круга уголовных проступков, в том числе ставит вопрос о том, «все ли преступления небольшой тяжести должны в него войти, нужны ли в нем преступления средней тяжести и какие» [5].

И. Э. Звечаровский предлагает внести в ч. 6 ст. 15 УК РФ положение о возможности перевода в разряд уголовных проступков преступлений

средней тяжести, совершенных в первый раз [10]. Ю. А. Тимошенко по этому поводу пишет, что критерии категоризации преступлений не идеальны. С момента введения в действие УК РФ санкции подвергались многочисленным изменениям, которые часто носили «шаблонный» характер, устанавливались верхние и нижние границы без учета практики их применения и криминологической обоснованности. В результате многие нормы, предусматривающие наказания за преступления, не отражают их реального характера и степени общественной опасности. В связи с этим, заключает Ю. А. Тимошенко, ведение в уголовное законодательство уголовных проступков просто путем отнесения к ним преступлений небольшой и средней тяжести вряд ли будет верным, необходимы взвешенный подход, оценка каждого отдельно взятого преступления на предмет возможности отнесения его к проступкам [17].

Ясно, что определение категории преступления осуществляется главным образом по санкции (в конечном итоге общественная опасность преступления выражается именно в наказании). Однако этот фрагмент текста Особенной части УК РФ не совершенен, отнесение деяний к той или иной категории с учетом современного переосмысления его общественной опасности тем более спорно. Получается, что, для того чтобы сегодня определить круг деяний, относимых к категории уголовных проступков, необходимо проверять справедливость всех санкций, соотношение пределов наказания во всех нормах Особенной части УК РФ, т. е. прорабатывать более 200 норм — значительную часть кодекса. С учетом того что санкции в уголовном праве — «непаханное поле» (по образному выражению Т. В. Кленовой*), это наиболее уязвимое место в концепции уголовного проступка.

Таким образом, исходя из изложенного можно сделать следующие обобщения.

1. Будущее уголовного права видится в сужении круга деяний, признаваемых на современном этапе преступными. Решение проблемы избыточной криминализации — насущный вопрос развития уголовно-правовой политики России. Велика практическая важность такой экономии уголовной репрессии, главной целью которой является снижение криминализации общества путем сокращения взрослого населения страны, ежегодно «проходящего» через «пресс» уголовной ответственности.

2. В решении проблемы избыточной криминализации УК РФ наиболее обоснованным выглядит фактическая декриминализация с переводом ряда преступлений в КоАП РФ. Однако известно, что эта мера не воспринимается законодателем в течение многих лет.

Использование для частичной декриминализации административной преюдиции при конструировании уголовно-правовых норм не может рассматриваться как возможное решение, поскольку данный прием

юридической техники задуман для редких случаев как исключение из общего правила.

По сравнению с предыдущими мерами уголовный проступок имеет ряд плюсов:

1) в отличие от фактической декриминализации введение уголовного проступка позволит достичь снижения репрессивности уголовного закона без «вывода» противоправных деяний из сферы уголовного законодательства. Так, совершение уголовного проступка не повлечет для виновного судимости и лишения, связанных с ней, поэтому окажет максимальное гуманизирующее влияние. В то же время сам факт наличия уголовно-правового запрета останется неизменным, следовательно, это решение наиболее приемлемо для государственного управления;

2) в отличие от административной преюдиции данная мера может быть применена настолько

широко, насколько это объективно требуется. Категория уголовного проступка способна вместить в себя весь необходимый объем тех преступных деяний, которые, как становится ясно в настоящее время, не представляют значимой общественной опасности.

3. Для определения круга деяний, которые могут быть отнесены к категории уголовного проступка, анализа характера и степени общественной опасности неизбежно потребуется опора на виды и размеры наказания, предусмотренные за совершение конкретных преступлений. Санкции — это большая и пока еще слабо разработанная часть УК РФ. Отсюда возникает вопрос: может, лучше не продолжать работать над УК РФ «в лоскутной технике», а системно обновлять концепцию уголовного закона?

Примечание

* Выступление на V Международной научно-практической конференции, состоявшейся 11 мая 2018 г. в Волгоградской академии МВД России.

1. Бибик О. Н. Инфляция и дефляция уголовной репрессии // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 63—72.

2. Сундуrow Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. 298 с.

3. Гилинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 322 с.

4. Наумов А. В. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовная политика: дорожная карта (2017—2025 гг.) / Г. А. Есаков [и др.]. М.: Центр стратегических разработок, 2017. 76 с.

7. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. 336 с.

8. Артюшина О. В., Толстая М.-В. Е. Исключительная административная преюдиция в уголовном законодательстве России // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. трудов междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 20 мая 2015 г.). Воронеж: Воронежский ин-т МВД России. 2015. С. 121—122.

1. Bibik O. N. Inflation and Deflation of Criminal Repression // Russian Juridical Journal. 2017. No 3. P. 63—72.

2. Sundurov F. R. Punishment and alternative measures in the criminal law. Kazan, 2005. 298 p.

3. Gilinsky Ya. I. Deviance, crime, social control. Selected articles. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2004. 322 p.

4. Naumov A. V. Criminal offense as a crime of small gravity // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

5. Lopashenko N. A. Reducing the repressiveness of criminal law: the proposed measures and their evaluation // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

6. Criminal policy: road map (2017—2025) / G. A. Esakov [and others]. Moscow: Center for Strategic Research, 2017. 76 p.

7. Kuznetsova N. F. Problems of qualification of crimes: lectures on the special course "Fundamentals of the qualification of crimes" / scientific. ed. by V. N. Kudryavtseva. Moscow: Gorodets, 2007. 336 p.

8. Artyushina O. V., Tolstaya M.-V. E. Exclusive administrative prejudice in the criminal law of Russia // Criminality in the CIS: problems of prevention and detection of crimes: coll. works of the international. scientific-practical conference (Voronezh, May 20, 2015). Voronezh: Voronezh Institute of the Interior Ministry of Russia. 2015. P. 121—122.

9. Безверхов А. Г., Денисова А. В. О становлении уголовного проступка в системе российского уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Звечаровский И. Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 55 с.

12. Сундуров Ф. Р. Категории преступлений: вопросы законодательной регламентации и дифференциации уголовной ответственности // Ученые записки Казанского университета. Том 155. Кн. 4. Гуманитарные науки. 2013. С. 227—231.

13. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 11.05.2018).

16. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Тимошенко Ю. А. Уголовный проступок: способ межотраслевого сближения или дифференциации уголовной ответственности? // Уголовное право. 2017. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Bezverkhov A. G., Denisova A. V. About the formation of a criminal offense in the system of Russian criminal law // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

10. Zvecharovsky I. E. Category "criminal offense" in the context of liberalization of the criminal policy of Russia // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

11. Rogova E. V. The doctrine of the differentiation of criminal responsibility: the author's abstract. dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow, 2014. 55 p.

12. Sundruv F. R. Categories of crimes: issues of legislative regulation and differentiation of criminal responsibility // Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Vol. 155. Book 4. Humanistic sciences. 2013. P. 227—231.

13. Korobeev A. I., Shirshov A. A. Criminal offense through the prism of the institution of administrative prejudice: good or evil? // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

14. Kruglikov L. L., Lapshin V. F. On the consequences of the inclusion of the category "criminal offense" in the Russian criminal law // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

15. On the introduction of the draft federal law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the introduction of the notion of a criminal offense" to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: the formation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31 2017 No 42 // The official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.supcourt.ru/> (reference date: 11/05/2018).

16. Kibalnik A. G. Criminal offense and its legal consequences // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "ConsultantPlus".

17. Tymoshenko Yu. A. Criminal offense: a way of intersectoral rapprochement or differentiation of criminal responsibility? // Criminal law. 2017. No 4. Access from the legal system "Consult-PlusPlus".

УДК 343.72
ББК 67.408.121

DOI 10.25724/VAMVD.CTUV

Н. В. Вишнякова

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СБЫТА НЕФТЕПРОДУКТОВ,
НЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГЛАМЕНТА,
А ТАКЖЕ ДЕЯНИЙ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯМИ УКАЗАННОГО СБЫТА**

В статье исследуется вопрос о возможности противодействия уголовно-правовыми средствами сбыту нефтепродуктов, не соответствующих требованиям технического регламента, а также деяниям, являющимся условиями такого сбыта. Автор обозначает их круг, дает им уголовно-правовую оценку, приводит примеры из судебной практики. В качестве таких деяний приводятся контрабанда, хищения, незаконное предпринимательство, приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем. Рассматривая варианты правовой оценки сбыта нефтепродуктов, не соответствующих требованиям технического регламента, автор ставит и решает вопрос о возможности применения ст. 238 (в части сбыта продукции, не отвечающей требованиям безопасности) и ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (мошенничество). Изучение судебной практики, уяснение содержания признаков составов указанных преступлений (применительно к мошенничеству с учетом истории его соотношения с обманом потребителей и смежными административными правонарушениями) позволило сделать вывод о том, что сбыт нефтепродуктов, не соответствующих требованиям технического регламента, легальными субъектами предпринимательской деятельности не может быть квалифицирован по нормам уголовного закона и влечет лишь административную ответственность.

Ключевые слова: сбыт, нефтепродукты, не соответствующие требованиям технического регламента, незаконное предпринимательство, мошенничество, уголовная ответственность, административная ответственность.

N. V. Vishnyakova

**CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF PETROLEUM PRODUCTS SALES,
NOT COMPLIANT WITH THE REQUIREMENTS OF TECHNICAL REGULATIONS,
AND ALSO ASSESSMENT OF ACTIONS, WHICH ARE THE CONDITIONS OF THE ABOVE SALES**

The article explores the issue of the possibility of counteracting the sale of oil products that do not meet the requirements of technical regulations, as well as counteracting the acts that are the conditions for such sale by criminal means. The author indicates a range of actions that contribute to the emergence and marketing of petroleum products that do not meet the requirements of technical regulations, at auto-filling stations. As such acts, smuggling, embezzlement, illegal business, acquisition or sale of property obtained by criminal means is considered. Considering the options for legal assessment of the sale of petroleum products that do not meet the requirements of technical regulations, the author raises and solves the question of the possibility of applying Art. 238 (in the part of marketing products that do not meet security requirements) and art. 159 of the Criminal Code (fraud). The study of judicial practice, the clarification of the content of the signs of the composition of these crimes (with regard to fraud, taking into account the history of its correlation with consumer fraud and related administrative offenses) led to the conclusion that the sale of oil products that do not meet the requirements of technical regulations, legal subjects of entrepreneurial activity can not be qualified according to the norms of the criminal law and entails only administrative responsibility.

Key words: marketing, oil products that do not meet the requirements of technical regulations, illegal entrepreneurship, fraud, criminal liability, administrative liability.

Проблема сбыта некачественных нефтепродуктов продолжает оставаться насущной несмотря на то, что с момента принятия технического регламента Таможенного союза «О требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двига-

телей и мазуту» (ТР ТС 013/2011) (далее — Технический регламент или ТР) решением Комиссии Таможенного союза от 18 октября 2011 г. № 826 прошло уже немало времени. Согласно пп. 7.3 и 7.4 Технического регламента с 1 января 2016 г. на территории Российской Федерации разрешены

выпуск в обращение и обращение автомобильного бензина и дизельного топлива только наивысшего экологического класса К 5. Следовательно, выпуск в обращение и обращение, в том числе действия по сбыту, автомобильного бензина и дизельного топлива класса К 2, К 3 или К 4 запрещены. Автомобильный бензин и дизельное топливо экологического класса К 5 должны соответствовать требованиям Технического регламента.

В соответствии с п. 7.1 Технического регламента «государство — член Таможенного союза обязано предпринять меры для ограничения, запрета выпуска в обращение топлива на территории государства — члена Таможенного союза, а также изъятия с рынка топлива, не соответствующего требованиям Технического регламента Таможенного союза».

В рамках исполнения поручений Президента Российской Федерации В. В. Путина от 18 мая 2015 г. № Пр-981 и Председателя Правительства Российской Федерации Д. А. Медведева от 28 мая 2015 г. № ДМ-П13-3539 о предотвращении реализации на автозаправочных станциях (далее — АЗС) моторного топлива, не соответствующего ТР, в 2015 г. было проверено 3 702 АЗС, нарушения регламентированных требований установлены на 1 574 АЗС (42,5 %). Основная доля выявленных в ходе проверок нарушений приходится на независимые АЗС (48 %) [1].

С учетом распространенности сбыта бензина и топлива, не соответствующих требованиям ТР, особую актуальность приобретает вопрос о возможности противодействия уголовно-правовыми средствами указанному негативному явлению и деяниям, способствующим ему. Для ответа на него нужно разобраться в том, какие же это деяния. Эксперты сходятся во мнении, что качество нефтепродуктов на легальных нефтеперерабатывающих заводах (НПЗ) не вызывает нареканий [2]. Оно может ухудшаться на промежуточных звеньях цепи, соединяющей НПЗ и АЗС. Одно из них — нефтебаза. Здесь возможно искусственное повышение октанового числа автомобильного бензина с помощью различных присадок (например, из 92-го бензина делают 95-й), смешение качественного продукта с некачественным. Нередко предпринимаются попытки легализации некачественной продукции. Для этого у вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНКов) покупается небольшая партия настоящих нефтепродуктов с подлинными сопроводительными документами, затем на нефтебазе осуществляется их смешение с более дешевым компонентом. Конечный продукт может отличаться каким-то одним показателем, чаще всего содержанием серы, остальные параметры подгоняются. В итоге получается дешевый продукт, который находит своего покупателя [2].

Распространены случаи, когда в результате из нефти производят мазут, печное топливо, дизельное топливо и т. п. Производство может быть организовано либо на территории легальной нефте-

базы либо на каком-нибудь ином объекте, например, производственной базе. Часто для осуществления указанной деятельности специально создается и регистрируется юридическое лицо. Во всех обозначенных ситуациях имеет место состав такого преступления, как незаконное предпринимательство (ст. 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), при условии, что предпринимательская деятельность осуществляется без регистрации или лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организации или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере (свыше 2 млн 250 тыс. руб.).

В соответствии с положениями п. 1 ст. 6 Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ к видам деятельности в области промышленной безопасности относится эксплуатация опасного производственного объекта; монтаж, наладка, обслуживание и ремонт технических устройств, применяемых на опасном производственном объекте. Согласно п. 12 ст. 12 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ, постановлению Правительства Российской Федерации «О лицензировании эксплуатации взрывопожароопасных и химических опасных производственных объектов 1, 2 и 3 классов опасности» от 10 июня 2013 г. № 492 получение (образование), использование, переработка, хранение и транспортирование воспламеняющихся, окисляющих, горючих и взрывчатых веществ, определенных приложением 1 к Федеральному закону «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», на взрывопожароопасном объекте включает в себя лицензируемый вид деятельности — «эксплуатация взрывопожароопасных и химических опасных производственных объектов I, II и III классов опасности».

По понятным причинам лица, осуществляющие производство нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР, не проходят лицензирование, т. е. осуществляют предпринимательскую деятельность без лицензии. Часто такая деятельность связана с получением дохода в крупном размере (более 9 млн руб.), что является условием квалификации деяния по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ. В качестве иллюстрации к сказанному можно привести выдержку из приговора суда.

Так, Сызранским городским судом Самарской области Асатуров А.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ. Установлено, что Асатуров А. А., будучи учредителем и директором ООО «...», основным видом деятельности которого является производство нефтепродуктов, на территории производственной базы организовал деятельность мини-

перерабатывающего завода по производству нефтепродуктов: используя имеющуюся в свободном доступе информацию из сети «Интернет», осуществил на территории производственной базы проектирование и строительство четырех установок по переработке нефти, подвел к оборудованным котлам трубопровод для подачи нефти из резервуаров-хранилищ, находящихся на территории данной базы, т. е. создал взрывопожароопасный объект, деятельность которого должна лицензироваться. В дальнейшем незаконно произвел нефтепродукты: печное топливо, мазут и мазутосодержащие продукты объемом 200 т — которые реализовал от имени ООО «...», получив доход 6 440 431,03 руб. Судом назначено наказание в виде штрафа в размере 150 тыс. руб. [3].

Признаки состава незаконного предпринимательства правоприменители усматривают и в деяниях лиц, осуществляющих без регистрации покупку и последующую перепродажу горюче-смазочных материалов, при извлечении дохода в крупном размере [4].

Вторым «слабым» промежуточным звеном между легальным НПЗ и АЗС является перевозка нефтепродуктов. Возможна ситуация, когда перевозчик продает часть вверенного ему нефтепродукта, разбавляя оставшуюся часть чем-то другим. Такие действия должны квалифицироваться как растрата вверенного имущества (ч. 1 ст. 160 УК РФ). В интервью «Комсомольской правде» В. Чуюков, генеральный директор «Газпромнефть-Лаборатории», отметил, что нефтепродукт может быть испорчен из-за наличия в секциях бензовоза остатков топлива, которые могут повлиять на качество наливаемого бензина или дизеля. «Удивительные» вещи могут произойти и по дороге. С помощью соответствующего оборудования (мощный насос и измерительные приборы) мошенники буквально за 7—8 мин выкачивают из бензовоза приличный объем нефтепродукта и закачивают в него такой же объем неизвестно чего [5]. Приведем пример из судебной практики.

Косолапов А. В. признан виновным в растрате бензина, совершенной в крупном размере, и осужден к 1 году 6 месяцам лишения свободы условно. Установлено, что Косолапов А. В., работая в должности водителя, являясь материально ответственным лицом и осуществляя перевозку нефтепродуктов на АЗС, похитил принадлежащий ООО «...» товарный бензин марок Аи-92, Аи-95 общей стоимостью 953 351,78 руб. путем систематического сбыта не установленным следствием лицам за денежное вознаграждение посредством совершения слива части содержимого цистерны полуприцепа «ППЦ», закрепленной к тягачу, находившемуся под его управлением, по пути следования с нефтеналивных станций и замещения образовавшихся пустот посторонним нефтепродуктом,

являющимся, согласно заключению комплексной судебной экспертизы, продуктом ректификационной перегонки нефти — неготовым бензином [6].

Добросовестные АЗС осуществляют тотальный контроль топлива на всех участках пути от завода до АЗС: на входе и выходе с нефтебазы, в пути (не отклонялся ли бензовоз от маршрута, не останавливался ли надолго, если останавливался, не принимать топливо на АЗС до проверки его качества), при сливе в резервуар на АЗС. Не проверяешь — не можешь быть уверен в качестве, это простой и неопровержимый вывод [5]. Однако помимо «игроков» рынка нефтепродуктов, заинтересованных в качестве сбываемого ими продукта, существуют и иные организации, реализующие нефтепродукты, не соответствующие требованиям ТР, по цене ниже рыночной, являющиеся в связи с этим весьма конкурентноспособными. Такие организации могут приобретать нефтепродукты у незаконных НПЗ, деятельность которых, как уже отмечалось, можно квалифицировать по ст. 171 УК РФ, реализовывать контрабандные нефтепродукты. Последняя проблема особенно актуальна. Дело в том, что не во всех странах — членах Таможенного союза одновременно введен запрет на ввод в обращение и обращение автомобильного бензина и дизельного топлива экологических классов К 2, К 3, К 4. Так, на территории Республики Казахстан и Киргизской Республики указанный запрет на автомобильный бензин и дизельное топливо классов К 2, К 3 введен только 1 января 2018 г., а автомобильный бензин и дизельное топливо экологического класса К 4 в законном обороте и сейчас. В связи с этим более дешевые нефтепродукты находят своего покупателя на территории Российской Федерации.

Данные Федеральной таможенной службы Российской Федерации, опубликованные на ее официальном сайте, свидетельствуют о том, что в 2017 г. таможенными органами Российской Федерации возбуждено 2 103 уголовных дела, что меньше аналогичного показателя за 2016 г. (2 235), но больше, чем за 2015 г. (2 031). Из них 661 уголовное дело возбуждено по ст. 226¹ УК РФ (включая контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов), что говорит о росте этого вида преступлений (в 2016 г. по ст. 226¹ УК РФ было возбуждено 528 уголовных дел). Общая стоимость предметов контрабанды, предусмотренной ст. 226¹ УК РФ, в том числе стратегически важных товаров и ресурсов, составила около 22 млрд руб., что более чем в два раза превышает аналогичный показатель за 2016 г. (10,3 млрд руб.) [7].

Уголовно-правовая оценка контрабанды нефтепродуктов осуществляется по ст. 226¹ УК РФ как контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов, под которой понимается незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного

союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС указанных товаров и ресурсов [8]. Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ УК РФ утверждается Правительством Российской Федерации [9]. Для наступления уголовной ответственности необходимо, чтобы контрабанда стратегически важных товаров была в крупном размере: стоимость нефтепродуктов должна превышать 1 млн руб. (прим. 2 к ст. 226¹ УК РФ).

Еще один незаконный путь получения дешевых нефтепродуктов — их хищение. Весьма распространенными являются хищения со складов горючесмазочных материалов, в том числе военных [10].

Уголовным законом предусмотрена ответственность за кражу из нефтепровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Примером применения п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ может служить следующее судебное решение. Ваулин, Гришагин, Михайлов, Пигалицын, Пташинский, Румянцев осуждены за кражу чужого имущества группой лиц по предварительному сговору из нефтепровода путем несанкционированного подключения к скважине №... АГЗУ №... Южно-Славкинского месторождения ЦДНГ №... ОАО «Самаранефтегаз» [11].

Заранее не обещанные приобретение или сбыт нефти или продуктов ее переработки, добытых преступным путем (например, в результате кражи), в крупном размере (свыше 2 млн 250 тыс. руб.) квалифицируются по п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ. Так, Ануфриев А. В., Маланичев А. В. и Болдин Д. А. группой лиц по предварительному сговору совершили заранее не обещанные приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, а именно нефтепродуктов, принадлежащих ОАО «...», предварительно похищенных водителями бензовозов во время их транспортировки и доставки на АЗС/АЗК. Суд квалифицировал содеянное по п. «а» ч. 2 ст. 175 УК РФ [12].

Сбыт нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР, осуществляется и на АЗС. Предусмотрена ли за это уголовная ответственность? Специальной нормы об уголовной ответственности за указанное деяние нет. В судебной практике можно встретить примеры применения ст. 238 УК РФ.

Так, Мальцев Д. Е. осужден к штрафу в размере 5 тыс. руб. за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 238 УК РФ. Мальцев Д. Е., работая оператором топливно-раздаточного пункта, оказывал услуги по возмездному отпуску топлива на АЗС ООО «...», деятельность которой осуществляется в соответствии с Правилами технической эксплуатации автозаправочных станций РД 153-39.2-080-01. Согласно п. 14.3 правил на автозаправочных станциях запрещается выдача нефтепродуктов в пластиковую тару. Будучи ознакомленным с положениями указанных правил, Мальцев Д. Е. оказал Х. услугу, не

отвечающую требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, залил за уплаченные Х. денежные средства в предоставленную последним пластиковую (полиэтиленовую) бутылку 5 л бензина марки АИ-92, передал указанную бутылку с бензином для самостоятельной транспортировки Х., который, положив ее к себе в автомобиль, выехал с территории автозаправочной станции. Выдача топлива (налив падающей струей) в пластиковую (полиэтиленовую) канистру могла привести к накоплению статического электричества на стенках канистры и струе нефтепродукта (бензина), вызвать разряд статического электричества и воспламенение паров бензина, возникновение пожара на АЗС, получение лицами ожогов различной степени тяжести, а также гибель людей [13].

Другой пример. Менеджер МАЗС Приходько А. А. с оператором МАЗС Головиным А. Н., действуя группой лиц по предварительному сговору, сорвали пломбы госповерителя ФБУ «Краснодарский центр стандартизации и метрологии» с датчиков импульса топливораздаточных колонок АЗС, после чего самостоятельно установили на топливораздаточные колонки погрешность налива нефтепродуктов +300 г с 10 л бензина марки АИ-92 и +150 г с 10 л дизельного топлива, что позволило не доливать клиентам АЗС бензин марки АИ-92 в количестве 300 г с 10 л и дизельное топливо в количестве 150 г с 10 л. После проведенных манипуляций в карточной автоматизированной системе отпуска «Petronics» отражался уровень нефтепродуктов ниже либо выше, чем фактический. В дальнейшем Приходько А. А. и Головин А. Н. сбыли излишки нефтепродуктов — бензина марки АИ-92. Для отпуска нефтепродукта оператор Головин А. Н. на катушку клапана расхода топлива закрепил сильнодействующий магнит, который позволил держать клапан насоса в открытом состоянии и отпускать топливо через зависшую электронную систему топливораздаточной колонки без учета в системе «Petronics», принудительно заблокировал во включенном состоянии пускатель нагруженного насоса при помощи постороннего предмета — пластиковой палочки, после чего выгрузил похищенный нефтепродукт — бензин марки АИ-92 в количестве 500 л через топливораздаточную колонку в пластиковую тару — 25 пластиковых канистр, находившихся в автомобиле «Nissan Navara», которым управлял Токарев Р. В. Головин А. Н. и Приходько А. А., оказывая услуги по продаже нефтепродуктов, создали угрозу для безопасности жизни и здоровья потребителей и сотрудников. Суд признал их виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ. Каждому из них было назначено наказание в виде штрафа размером 100 тыс. руб. [14].

В приведенных примерах правоприменитель не оценивал качества сбываемого бензина. Ре-

шающим признаком для квалификации преступления по ст. 238 УК РФ являлся характер услуги по сбыту нефтепродуктов: она не отвечала требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

В случае реализации предпринимателями и юридическими лицами автомобильного топлива, не соответствующего требованиям ТР, они подлежат привлечению к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.43.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) (нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя) или продавцом требований технического регламента о требованиях к автомобильному и авиационному бензину, дизельному и судовому топливу, топливу для реактивных двигателей и мазуту в части несоответствия этим требованиям характеристик автомобильного и авиационного бензина, дизельного и судового топлива, топлива для реактивных двигателей и мазута). Данная статья действует с 29 января 2018 г. и предусматривает более строгую ответственность, чем применяемая ранее ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ. Ужесточение ответственности выразилось, во-первых, в том, что она теперь возлагается на юридическое лицо (ранее в основном привлекались физические лица и несли незначительное наказание — административный штраф в размере от 10 до 20 тыс. руб.); во-вторых, в качественно ином наказании: административный штраф на юридических лиц в размере 1 % суммы выручки от реализации топлива за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, либо за предшествующую дате выявления административного правонарушения часть календарного года, в котором было выявлено административное правонарушение, если правонарушитель не осуществлял деятельность по реализации топлива в предшествующем календарном году, но не менее 500 тыс. руб. с конфискацией предметов административного правонарушения либо без таковой.

Кроме того, законодатель предусмотрел квалифицированный состав указанного правонарушения — ч. 3 ст. 14.43.1 КоАП РФ: «Совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 настоящей статьи, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение». В качестве наказания за данное деяние на юридических лиц также возлагается административный штраф, однако в размере 3 % от суммы выручки от реализации топлива, но не менее 2 млн руб. с конфискацией предметов административного правонарушения, либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток с конфискацией предметов административного правонарушения.

В целом положительно оценивая ужесточение административной ответственности за рассматриваемое деяние, считаем все же актуальным вопрос о возможности правовой оценки сбыта нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР, как мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Мошенничество — это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В большинстве случаев сбыта нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР, потребитель вводится в заблуждение относительно качества приобретаемого нефтепродукта, т. е. имеет место обман.

Согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48 обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (предоставлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т. д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности, к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям (выделено автором — Н. В.).

Казалось бы, все просто: если под видом 98-го бензина продают 92-й, то обманывают потребителя относительно качества бензина, следовательно, имеет место мошенничество. Однако качественные характеристики бензина определены ТР, поэтому бензин с более низким октановым числом, чем заявлено, — бензин, не соответствующий ТР, в связи с чем применяется не ст. 159 УК РФ, а ч. 2 ст. 14.43.1 КоАП РФ (до 29 января 2018 г. — ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ).

Так, Магамадов Р. М., генеральный директор ООО «Южная нефтяная компания» привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ за то, что на АЗС допустил реализацию продукции дизельного топлива ДТ-Е-К5, не соответствующего требованиям ТР ТС 013/2011 по показателю «массовая доля серы», и автомобильного бензина АИ95-К5 мг/кг, не соответствующего требованиям ТР ТС 013/2011 по показателю «октановое число» [15].

Кроме того, для решения вопроса о возможности оценки исследуемого деяния как мошенничества, на наш взгляд, важно установить соотношение понятий

«фальсифицированный товар» и «товар, не соответствующий ТР». Применительно к нефтепродуктам эти понятия на законодательном уровне не раскрываются. Применительно к лекарственным средствам есть определения, содержащиеся в Федеральном законе «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 03.07.2016):

— фальсифицированное лекарственное средство — лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе;

— недоброкачественное лекарственное средство — лекарственное средство, не соответствующее требованиям фармакопейной статьи либо в случае ее отсутствия требованиям нормативной документации или нормативного документа.

Если проводить аналогию, то нефтепродукт, не соответствующий ТР, — недоброкачественный нефтепродукт; сопровождаемый ложной информацией о его составе или производителе — фальсифицированный.

Проблема использования термина «фальсифицированный» применительно к бензину, дизельному или иному виду топлива состоит в том, что по составу это все нефтепродукты в отличие от лекарств, в основе которых лежат существенно разные вещества. Другими словами, фальсифицированным нефтепродуктом может быть нечто, не являющееся нефтепродуктом. Но времена, когда бензин разбавлялся водой или другим веществом, не имеющим в своей основе нефть, прошли. Как мы выяснили выше, дешевые и часто некачественные нефтепродукты появляются на рынке в результате хищений, контрабанды, незаконного производства. Но если все-таки есть случаи такого «грубого» обмана, в том числе когда под видом одного нефтепродукта продается абсолютно другой, например, вместо бензина печное топливо, то они должны быть квалифицированы как мошенничество. Что касается сопровождения продукта ложной информацией о производителе как признака фальсифицированного нефтепродукта, то в отличие от лекарств, где производитель указан на упаковке, производитель нефтепродукта должен быть указан в паспорте партии топлива, выпускаемого в обращение и (или) находящегося в обращении (п. 4.13 ТР). В соответствии с п. 3.2 ТР «при розничной реализации автомобильного бензина и дизельного топлива информация о наименовании, марке топлива, в том числе об экологическом классе, должна быть размещена в местах, доступных для потребителей. На топливно-раздаточном оборудовании размещается и в кассовых чеках отражается информация о марке топлива. По требованию потребителя продавец обязан предъявить копию документа о качестве (паспорт) топлива», т. е. информация о производителе топлива не находится, как это имеет место в случаях с лекарственными средствами, в непосредственном восприятии розничного покупателя. Она не указыва-

ется в чеке, не размещается в местах, доступных для потребителя. В связи с этим усмотреть намеренный обман будет крайне затруднительно. Если продается партия топлива с паспортом, в котором указана ложная информация о производителе, полагаем, можно признать ее фальсификатом и квалифицировать деяние как мошенничество.

Нельзя не отметить, что в судебной практике отсутствуют случаи квалификации сбыва нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР как мошенничества. Это можно объяснить и иными причинами, связанными с историческим развитием норм об ответственности (уголовной и административной), регулирующих исследуемую сферу общественных отношений. Так, до масштабной реформы уголовного законодательства 2003 г. в УК РФ существовала ст. 200 «Обман потребителей», правонарушение с аналогичным названием содержалось и в ст. 14.7 КоАП РФ. Обман потребителя заключался в «обмеривании, обвешивании, обсчете, введении в заблуждение относительно потребительских свойств и качеств товара (услуги) или ином обмане потребителей в организациях, осуществляющих услуги населению, а равно гражданами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей в сфере торговли (услуг)». Разница между уголовно и административно наказуемым обманом потребителя состояла в размере ущерба. При значительном и крупном размере деяние признавалось преступлением. Определение значительного размера содержалось в примечании к ст. 200 УК РФ. На тот момент КоАП РФ не содержал ст. 14.43, о которой шла речь выше, поэтому сбыт некачественных нефтепродуктов, если потребитель вводился в заблуждение относительно их качества, оценивался или по ст. 200 УК РФ, или по ст. 14.7 КоАП РФ. В теории уголовного права тогда высказывались различные мнения относительно соотношения уголовно-правовых норм о мошенничестве и обмане потребителя, а также о целесообразности существования последней. Одни авторы выступали с предложением о декриминализации ст. 200 УК РФ за «ненадобностью» ввиду того, что данная норма рассматривалась как форма мошенничества. При существенном ущербе потребителю деяние предлагалось квалифицировать по ст. 159 УК РФ «Мошенничество» [16]; [17]. Критику вызывала и слишком «мягкая» ответственность по ст. 200 УК РФ по сравнению со ст. 159 УК РФ [18]. Другие полагали, что мошенничество не взаимосвязано с обманом потребителей (ст. 14.7 КоАП РФ), так как последний представляет собой правонарушение в сфере предпринимательства, а не против собственности [19].

В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», которым впоследствии была исключена ст. 200 УК РФ, указывалось: «Из УК РФ предлагается исключить статью 200 „Обман потребителей“. Ответствен-

ность за это деяние предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а в случае, когда обман потребителей превышает сумму в 500 рублей, он должен быть квалифицирован по статье 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество».

Однако Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ исключил ст. 200 УК РФ, устранив конкуренцию норм, но при этом создал другие трудности: в ст. 14.7 КоАП РФ не указан максимальный размер ущерба, причиненного потребителям. Нижняя граница размера ущерба при мошенничестве установлена применительно к мелкому хищению, а не к обману потребителей. В связи с этим независимо от того, каков размер ущерба от обмана потребителей, правонарушитель подлежит только административной ответственности.

В 2011 и 2017 гг. в КоАП РФ включены ст. 14.43 и ст. 14.43.1 соответственно, нормы которых являются специальными по отношению к обману потребителя. Данные статьи также не имеют какой-либо границы с мошенничеством, поэтому правоприменитель оценивает сбыт нефтепродуктов, не соответствующих ТР, только как административное правонарушение.

Таким образом, уголовное законодательство поддерживает нормы об ответственности за преступления, выступающие условиями сбыта нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР: контрабанду, хищения, незаконное предпринимательство, приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем. Сбыт нефтепродуктов безотносительно к тому, соответствуют они ТР или нет, может образовывать состав незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) при условии, что сбыт не единичный факт, а направленная на систематическое извлечение прибыли деятельность, осуществляемая без регистрации, сопряженная с извлечением дохода в крупном размере — свыше 2 млн 250 тыс. руб., либо квалифицироваться по ст. 238 УК РФ, если сбыт осуществляется способом, не отвечающим требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Сам же сбыт нефтепродуктов, не соответствующих требованиям ТР, совершаемый «легальными» субъектами этой деятельности, влечет лишь административную ответственность, достаточность которой требует самостоятельного изучения.

1. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части ответственности за совершение правонарушений в сфере выпуска и обращения топлива на рынке». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2018).

2. Колпаков А. Воспитание рынка // Эксперт Северо-Запад. №19—22. URL: <http://expert.ru> (дата обращения: 12.04.2018).

3. Приговор Сызранского городского суда Самарской области № 1-488/2016 от 27 сентября 2016 г. по делу № 1-488/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 10.04.2018).

4. Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края № 1-139/2016 от 27 июня 2016 г. по делу № 1-139/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.04.2018).

5. Гречаник А. Береги автомобиль: скажи «палёнке» нет. «Комсомолка» выяснила, кто и как подделывает топливо и как контрафакт попадает на АЗС. URL: <https://www.omsk.kp.ru> (дата обращения: 08.04.2018).

6. Приговор Раменского городского суда Московской области № 1-188/2017 от 31 марта 2017 г. по делу № 1-188/2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 19.04.2018).

7. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2017 г. URL: <http://www.customs.ru> (дата обращения 15.03.2018).

1. Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in Part of Responsibility for Committing Legal Infringements in the Sphere of Fuel Issue and Circulation in the Market" URL: <http://sozd.parlament.gov.ru> (expiration date: 01/02/2018).

2. Kolpakov A. Education of the market. // Expert North-West. No 19—22. URL: <http://expert.ru> (reference date: 12/04/2018).

3. The sentence of the Syzran City Court of Samara Region No 1-488 / 2016 of September 27, 2016 in case No 1-488 / 2016. URL: <http://sudact.ru> (reference date: 04/10/2018).

4. The verdict of the Kochubei District Court of the Stavropol Territory No 1-139 / 2016 of 27 June 2016 in case No 1-139 / 2016 URL: <http://sudact.ru> (reference date: 20.04.2018).

5. Grechannik A. Take care of the car: say no to the "palenka". "Komsomolskaya Pravda" found out who and how to counterfeit the fuel and how the counterfeit gets to the gas station. URL: <https://www.omsk.kp.ru> (reference date: 08/04/2018).

6. The verdict of the Ramensky City Court of the Moscow Region No 1-188 / 2017 of March 31, 2017 in case No 1-188 / 2017. URL: <http://sudact.ru> (reference date: April 19, 2018).

7. Final report on the results and main activities of the FCS of Russia in 2017. URL: <http://www.customs.ru> (reference date: 15/03/2018).

8. The verdict of the Kulundinsky District Court of the Altai Territory No 1-119 / 2016 of 17 October 2016 in case No 1-119 / 2016 URL: <http://sudact.ru> (reference date: 16/04/2018).

8. Приговор Кулундинского районного суда Алтайского края № 1-119/2016 от 17 октября 2016 г. по делу № 1-119/2016. URL: [http:// sudact.ru](http://sudact.ru) (дата обращения: 16.04.2018).

9. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 (с изм. и доп. от 16.12.2014, 09.08.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Приговор Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда № 01-0057/2014 1-57/2014 от 26 августа 2014 г. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

11. Приговор Сергиевского районного суда Самарской области № 1-168/2015 1-5/2016 от 27 апреля 2016 г. по делу № 1-168/2015. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

12. Приговор Заводского районного суда г. Саратова № 1-262/2016 от 5 сентября 2016 г. по делу № 1-262/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

13. Приговор Ангарского городского суда Иркутской области № 1-361/2017 от 2 мая 2017 г. по делу № 1-361/2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

14. Приговор Новопокровского районного суда Краснодарского края № 1-161/2016 от 16 декабря 2016 г. по делу № 1-161/2016. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

15. Решение Ставропольского краевого суда № 7-596/2017 7А-596/2017 от 31 мая 2017 г. по делу № 7-596/2017. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.04.2018).

16. Наумов А. В. Два года действия Уголовного кодекса РФ: достижения и просчеты // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 28—30.

17. Кауфман М. А. О принципе беспробельности закона и избыточности запрета в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 4. С. 36—38.

18. Егорова Н. А. Уголовная ответственность за обман потребителя // Российский следователь. 2003. № 8. С. 10—12.

19. Гриневский Р. Обман потребителей: последствия декриминализации // Уголовное право. 2004. № 3. С. 23—25.

9. On approval of the list of strategically important goods and resources for the purposes of Article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of September 13, 2012 No 923 (with amendment and additional from 12/16/2014, 09/08/2016). Access from the legal system "ConsultantPlus".

10. The sentence of the St. Petersburg Garrison Military Court No 01-0057 / 2014 1-57 / 2014 of August 26, 2014. URL: <http://sudact.ru> (reference date: 16.04.2018).

11. The verdict of the Sergievsky District Court of the Samara Region No. 1-168 / 2015 1-5 / 2016 of April 27, 2016 in case No. 1-168 / 2015. URL: <http://sudact.ru> (reference date: 04/16/2018).

12. The verdict of the Zavodskiy District Court of Saratov No 1-262 / 2016 of September 5, 2016 in case No 1-262 / 2016 URL: <http://sudact.ru> (reference date: 16.04.2018).

13. The sentence of the Angarsk City Court of the Irkutsk Region No. 1-361 / 2017 of May 2, 2017 in case No. 1-361 / 2017. URL: <http://sudact.ru> (reference date: 16.04.2018).

14. Verdict of Novopokrovsky District Court of Krasnodar Region No. 1-161 / 2016 of December 16, 2016 in case No. 1-161 / 2016. URL: <http://sudact.ru> (reference date: 16.04.2018).

15. Decision of the Stavropol Regional Court No. 7-596 / 2017 7А-596/2017 of May 31, 2017 on the case No. 7-596 / 2017 URL: <http://sudact.ru> (reference date: 12.04.2018).

16. Naumov A. V. Two-year action of the Criminal Code of the Russian Federation: achievements and miscalculations // The Russian Federation. 1999. No 9. P. 28—30.

17. Kaufman M. A. On the Principle of the Lawlessness of the Law and the Incomprehensibility of the Prohibition in Criminal Law // Criminal Law. 2003. No 4. P. 36—38.

18. Egorova N. A. Criminal responsibility for the deception of the consumer // Russian investigator. 2003. No 8. P. 10—12.

19. Grinevsky R. Deception of consumers: the consequences of decriminalization // Criminal law. 2004. No 3. P. 23—25.

© Vishnyakova N. V., 2018

© Вишнякова Н. В., 2018

* * *

УДК 343.85
ББК 67.515

DOI 10.25724/VAMVD.CVWX

М. А. Желудков, А. М. Попов, М. М. Дубровина**ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ
В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Актуальность представленной статьи заключается в том, что при анализе зарубежного опыта по противодействию киберпреступности видны противоречивые положения национальных законодательных систем. По разным критериям оцениваются виды компьютерных преступлений и прорабатываются стратегии обеспечения кибербезопасности, отсутствует единый документ нормативного регулирования, причем накопленный опыт в этой сфере информативен, что позволяет осуществлять анализ борьбы с киберпреступностью с учетом различных наднациональных правовых систем. Обоснован вывод о том, что необходимо оценить реализацию нормативного содержания обеспечения кибербезопасности в разных странах. Без закрепления в нормативной документации определенного понятийного аппарата невозможно создать полноценную структуру защищенности. В научной статье поставлена цель изучить различные подходы к построению общих и специальных норм правового обеспечения противодействия киберпреступности и отразить те ценные моменты, которые следует задействовать в отечественном нормативном поле.

Ключевые слова: киберпреступления, кибербезопасность, стратегия борьбы с киберпреступлениями, информационные технологии, конвенция, национальное киберпространство.

М. А. Zheludkov, A. M. Popov, M. M. Dubrovina**PROBLEMS OF LEGAL SUPPORT OF COUNTERACTION OF CYBERCRIME
IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES**

The relevance of the presented article is that when analyzing foreign experience in countering cybercrime, there are contradictory provisions of national legislative systems. According to different criteria, types of computer crimes are assessed and strategies for ensuring cybersecurity are being developed, there is no single regulatory document, and the accumulated experience in this field is informative, which makes it possible to carry out an analysis of the fight against cybercrime, taking into account various supranational legal systems. The conclusion is substantiated that it is necessary to evaluate the implementation of the normative content of ensuring cybersecurity in different countries. Without fixing in the normative documentation of a certain conceptual apparatus, it is impossible to create a full-fledged security structure. The scientific article aims to study various approaches to the construction of general and special norms for the legal support of countering cybercrime and to reflect those valuable moments that should be used in the domestic regulatory field.

Key words: cybercrime, cybersecurity, strategy against cybercrime, information technology, convention, national cyberspace.

Современное государство нельзя представить без цифрового информационного пространства, которое направлено на процветание экономики, развитие научного потенциала, формирование определенного уровня общения в различных сферах общественных отношений. «Наиболее общим направлением государственной политики в кибербезопасности является защита стратегических интересов» [1, с. 46]. Однако для того чтобы эти технологии продолжали открывать людям новые возможности, насущной необходимостью становится наличие системной основы правового обеспечения безопасности как на уровне национального, так и международного законодательства. «Политические конфликты в киберпространстве, киберпреступность, негативные тенденции в онлайн-экономике и в онлайн-образовании — с этой реальностью приходится

сталкиваться уже всем без исключения членам мирового сообщества. Российская Федерация не является исключением и в большей или меньшей степени активно участвует в этих глобальных процессах» [2]. Если говорить о преступных угрозах в указанной сфере, то по данным, представленным Генеральным прокурором Российской Федерации: «Число преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, в России с 2013 по 2016 г. увеличилось в 6 раз — с 11 тыс. до 66 тыс.» [3]. Стоит отметить, что при прокурорском надзоре подобным угрозам нужно уделить принципиальное внимание [4, с. 102].

Нельзя забывать и о том, что, кроме негативных последствий для права собственности «реализация киберугроз может привести к нарушению мира и безопасности, к подрыву доверия в международных

отношениях, а также к отрицательному воздействию на целостность государственных инфраструктур и нанесению недопустимого ущерба» [5, с. 59]. В связи с этим необходимо оценить реализацию нормативного содержания обеспечения кибербезопасности в различных странах. Как указывают отдельные авторы: «Социально-юридическая природа рассматриваемых поступков едина» [6, с. 150], — поэтому для принятия национальной стратегии кибербезопасности важно не упустить ценного информационного материала, накопленного в других государствах. Так, подход Соединенных Штатов Америки (США) к принципам защищенности киберпространства основывается на убеждении, что сетевые технологии обладают огромным потенциалом для всего мира. США вошли в число стран, которые первыми начали борьбу с киберпреступлениями. Еще в 1986 г. был принят специальный закон о компьютерном мошенничестве и компьютерных злоупотреблениях, где были выделены три группы преступных деяний. Дополнением выступил Закон «О конфиденциальности электронных сообщений» (Electronic Communications Privacy Act of 1986, ECPA). В нем закреплялось понятие электронного сообщения и несанкционированного доступа к электронным сведениям, предусматривались меры наказания «не более одного года тюремного заключения; штраф в размере не более 500 долларов» [7]. Среди других нормативных документов США выделим следующие: Акт поправок к Закону «О компьютерных злоупотреблениях» (1994 г.), Акт о модернизации финансовых услуг (1999 г.), Акт о контаминации компьютеров (2000 г.), Национальная стратегия по защите киберпространства (2003 г.) и др. На эти документы обратили внимание в Европе. Здесь были подготовлены различные стратегии и планы киберзащиты. «Список всех национальных стратегий кибербезопасности стран Евросоюза (ЕС) и некоторых других стран, не входящих в его состав, опубликован Европейским агентством по безопасности сетей и информационной безопасности (The European Network and Information Security Agency — ENISA)» [8].

Самыми распространенными «направлениями государственных основ борьбы с киберпреступлениями в разных странах стали:

1. Защита стратегических и правительственных информационных систем от кибератак и актов кибертерроризма (Германия, Великобритания, Канада, Литва, Люксембург, Нидерланды, США, Эстония).

2. Правовое регулирование, а также совершенствование уголовного и информационного законодательства (Германия, Канада, Люксембург, США, Эстония, Японии).

3. Защита информации и персональных данных (Словакия, Франция, Чешская Республика, Литва).

4. Государственное и международное сотрудничество (Люксембург, США, Япония).

Среди других направлений можно выделить обучение сотрудников правоохранительных органов и информирование граждан о киберугрозе (Люксем-

бург, Эстония) и продвижение международных стандартов экономической безопасности (США, Люксембург)» [1, с. 45—46]. В частности, в 2006 г. была разработана Стратегия безопасности Интернета в Швеции. В Эстонии в 2008 г. была опубликована Государственная стратегия кибербезопасности. «Стратегия информационной безопасности Словакии от 2008 г. основной задачей ставила создание платформы, необходимой для формирования информационного общества и направленной на поддержку благоприятных условий для обеспечения интересов граждан, общества и государства» [9].

«Стратегия Финляндии также была разработана в 2008 г. В ее основе лежит понимание кибербезопасности в качестве проблемы экономического характера, напрямую связанной с формированием финского информационного общества. Здесь особое внимание уделяется необходимости обеспечения безопасности данных для обычных пользователей сети „Интернет“. Кроме того, в Стратегии Финляндии отмечается, что основа для обеспечения кибербезопасности — это подготовленность всего общества, требующая наличия высокого уровня образования населения, профессиональных компаний, работающих на международном рынке в сфере защиты данных, а также научно-исследовательских работ, проводимых передовыми университетами и институтами» [9].

«В Германии в 2011 г. была принята Стратегия безопасности в киберпространстве и создано Национальное агентство киберзащиты, необходимое для взаимодействия с полицией, разведкой и Федеральным управлением по информационной безопасности. Основой ее работы стало создание системы для оперативного обнаружения и эффективного отражения хакерских атак, а также обеспечения безопасности критически важных информационных систем» [10].

Нужно отметить, что большинство зарубежных государств при предупреждении киберпреступности придают большое значение именно разработке стратегий безопасности.

В числе общепринятых источников международного обеспечения кибербезопасности следует назвать Рекомендацию № R 89 (9) Комитета министров стран — членов Совета Европы о преступлениях, связанных с компьютерами, от 13 сентября 1989 г. В отдельных научных трудах указывается, что именно в ней закреплена система «преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий» [11, с. 120]. В полной мере с этим мнением согласиться нельзя. «Обращаясь к первоисточнику, на сайте Совета Европы находим, что данная рекомендация представлена только на одной странице и в ней отражены лишь вопросы, связанные с необходимостью государств-членов учитывать при рассмотрении своего законодательства доклад по компьютерной преступности, разработанный Европейским комитетом по проблемам преступности» [12, с. 193]; [13].

Указание на необходимость разработки национального законодательства не подкреплено определением общественно опасных деяний в сфере компьютерной безопасности, поэтому от рекомендации следует перейти к докладу Европейского комитета по проблемам преступности, где «в перечень правонарушений, рекомендованных к обязательному включению во внутригосударственное уголовное законодательство, внесены:

- a) компьютерное мошенничество;
- b) компьютерный подлог;
- c) причинение ущерба компьютерным данным или компьютерным программам;
- d) компьютерный саботаж;
- e) несанкционированный доступ;
- f) несанкционированный перехват;
- g) несанкционированное воспроизведение охраняемой авторским правом компьютерной программы;
- h) несанкционированное воспроизведение микросхемы.

К факультативному перечню были отнесены:

- a) изменение компьютерных данных или компьютерных программ;
- b) компьютерный шпионаж;
- c) несанкционированное использование компьютера;
- d) несанкционированное использование охраняемой законом компьютерной программы» [11, с. 121—122].

Если провести сравнение с уголовным законодательством России, то можно смело утверждать, что многие деяния, которые признаются преступлениями в зарубежных странах, не имеют норм в Уголовном кодексе Российской Федерации. Отсюда заключаем, что «киберпреступность является реальной угрозой мировой безопасности наряду с международным терроризмом и торговлей наркотиками, и поэтому возникают обстоятельные вопросы к национальному российскому законодательству, на каком уровне находится нормативное регулирование предупреждения указанных деяний?» [13, с. 194]. В России правовая база в рассматриваемой сфере развивается с 2000 г., когда была принята первая Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, которая утратила силу в связи с принятием Указа Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, утвердившего новую Доктрину информационной безопасности Российской Федерации.

17 марта 2008 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ «О мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации при использовании информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена» № 315. Данный документ закрепил ограничения для информационных ресурсов, содержащих государственную и служебную тайну, при использовании технических средств подключения к информационно-телекоммуникационным сетям международного обмена информацией и Интернету.

В ноябре 2013 г. Совет Федерации проводил слушания по поводу проекта Концепции стратегии кибербезопасности Российской Федерации, который затем (в 2014 г.) был представлен на сайте Совета Федерации для общественного обсуждения [13]. В этом документе нашли отражение многие спорные позиции, однако его содержание вызвало вопросы. Одним из них стал вопрос о том, как можно включить в наименование документа сразу два термина «концепция» и «стратегия». Концепция (от лат. *conceptio* — понимание, система) — это определенный способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения; система взглядов на явления в мире, природе, обществе. В свою очередь, «стратегия — это общий, недетализированный план какой-либо деятельности, охватывающий длительный период; способ достижения сложной цели» [13, с. 194]. Под стратегией в различных источниках также понимается искусство руководства общественной, политической борьбой, планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах [14].

Обоснованно задаемся вопросом: предложенный в Совете Федерации проект следует считать планом деятельности или системой взглядов на подобную деятельность? Отметим, что: «Концепция кибербезопасности — это идеи, которые при их реализации отражают определенное состояние объекта, где ему не может угрожать опасность. Состояние характеризуется тем, что описывает переменные свойства, положение объекта в пространстве или во времени. Создать план „состояния“ юридически невозможно. В данном случае напрашивается план обеспечительных мероприятий защищенности объекта. Необходимо разрабатывать именно стратегию действий на определенный период, так как различные концепции кибербезопасности не дают полноценной возможности для предупредительной работы правоохранительных органов в данном направлении» [13, с. 194]. Возможно, по этой причине в конце 2013 г. был принят другой нормативный источник «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года» [9]. Однако и его нельзя назвать полноценной стратегией предупреждения именно киберпреступлений.

На международном уровне «со стороны Российской Федерации в различных структурах ООН постоянно обсуждаются документы, направленные на регулирование вопросов кибербезопасности. Так, в 2011 г. на сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана предложили рассмотреть Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности. В обосновании указывалось то, что вопросы интернет-безопасности следует рассматривать в рамках международного сотрудничества и в духе взаимного уважения. Принимаемый Кодекс был призван создать защитный механизм в Интернете от угроз и уязвимости» [8]. Однако эти и другие подобные

инициативы были проигнорированы международным сообществом, представленные документы обсуждались, но решение об их одобрении и принятии отсутствует.

Таким образом, оценка сведений по нормативному обеспечению кибербезопасности приводит нас к неутешительному выводу о том, что на данном этапе уровень международного сотрудничества слабо обеспечивает предупреждение киберпреступности. Каждая страна концентрирует свои усилия на вопросах противодействия отдельным видам компьютерных преступлений. При этом современное российское общество находится в процессе саморегулирования, создавая специальные уровни общения в социальных сетях, посвященных именно безопасности в киберпространстве. Например, «по адресу social.ligainternet.ru. создана сеть „Кибердружина“, в которую может вступить любой желающий. Цели ее создания заключаются в объединении на одной тематической площадке всех граждан, заинтересованных в кибербезопасности. В настоящее время на этом ресурсе зарегистрировано более 10 тыс. человек не только из регионов России, но и из стран СНГ, ближнего зарубежья, Европы и США. Началась работа над английской версией проекта» [5].

Отметим и тот факт, что сегодня в мире защищаются конфиденциальные данные и права человека, вместе с тем отсутствуют кодификационные подходы к решению этих проблем. Сложности существуют также при создании единого международного органа, который будет уполномочен расследовать преступления и осуществлять уголовное преследование преступной киберагрессии. В связи с этим перед нашим государством возникает главный вопрос: «как сохранить весь позитивный потенциал борьбы с киберпреступностью и в то же время нейтрализовать негативные и деструктивные тенденции интернет-пространства?» [5].

Отсутствие единой международной стратегии кибербезопасности и нежелание мирового сообщества достигнуть консенсуса при ее разработке приводят к тому, что отдельные страны прорабатывают свои защитные меры. В частности, «каждый пользователь китайского сегмента информационного пространства при регистрации в социальных сетях

и на других сайтах обязан вводить паспортные данные, иначе доступ к таким сайтам для этого пользователя будет закрыт. Такие меры были вызваны распространением клеветы, недобросовестной рекламы и мошенничества в киберпространстве КНР. Они сильно повлияли на внешний облик киберпространства Китая, фактически уничтожив свободу общения. Однако свой вклад в противодействие киберпреступности данные нововведения внесли — уровень киберпреступности в социальных сетях Китая резко снизился» [15, с. 55]; [1]. В этом направлении движется и система правового обеспечения киберзащиты в России.

В то же время с учетом насущных задач предупредительной деятельности в области кибербезопасности обоснованно считаем, что: «Несоответственность российского и международного нормативного регулирования указанных процессов предопределяет слабую эффективность защиты объектов собственности от киберпреступлений. Уголовное правовое регулирование кибербезопасности невозможно без соответствующей стратегии предупредительной деятельности, без реальной оценки угроз от киберпреступности, которая проявляется на различных временных промежутках и в различных сферах общественной жизни Российского государства» [13, с. 195]. В связи с этим, по нашему мнению, сегодня наиболее возможно реализовать защищенность киберпространства не с позиции международного права, а с учетом того что каждое государство имеет правовые полномочия и должно самостоятельно управлять своим информационным пространством регулируемым нормами национального законодательства, где международные нормы обеспечения кибербезопасности, которые показали свою эффективность, найдут достойное место. Предлагаем вновь провести общественное обсуждение по имплементации международных норм в российское законодательство, что позволит осуществить идеи, закрепленные в мировой практике, но на основе юридической техники России. Кроме того, необходимо принять стратегию кибербезопасности, которая должна учитывать принципы свободы слова и не ограничивать уровень общения в интернет-пространстве без достаточных на то оснований и реальных угроз.

1. Простосердов М. А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 232 с.

2. Кибербезопасность и управление интернетом: документы и материалы для российских регуляторов и экспертов / отв. ред. М. Б. Касенова; сост. О. В. Демидов и М. Б. Касенова. М.: Статут, 2013. 464 с.

3. Егоров И. Юрий Чайка рассказал о борьбе с интернет-преступностью // Рос. газ. 2017. № 7356 (190).

1. Prostorydov M. A. Economic crimes committed in cyberspace, and measures to counteract them: dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2016. 232 p.

2. Cybersecurity and Internet governance: documents and materials for Russian regulators and experts / responsible. ed. M. M. M. Kasenova; comp. O. V. Demidov, M. B. Kasenova. Moscow: Statute, 2013. 464 p.

3. Egorov I. Yuri Chaika spoke about the fight against Internet crime // Rossiyskaya gazeta. 2017 No 7356 (190).

4. Печников Н. П. Проблемы теории и практики прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 38. С. 101—105.

5. Казарин О. В., Тарасов А. А. Современные концепции кибербезопасности ведущих зарубежных государств // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность». 2013. № 2. С. 58—63.

6. Медведева С. В., Ментюкова М. А. Особенности классификации и состава обстоятельств, исключающих правовую ответственность личности // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2015. № 1 (55). С. 150.

7. Electronic Communications Privacy Act of 1986, ECPA. URL: <http://dorothy.as.arizona.edu/LAW/ref5.html> (дата обращения 05.02.2018).

8. The National Strategy to Secure Cyberspace. URL: <http://www.whitehouse.gov/pcipb/> (дата обращения 05.02.2018).

9. Государственные стратегии кибербезопасности. URL: <https://www.securitylab.ru> (дата обращения 05.02.2018).

10. Germany passes strict cyber-security law to protect «critical infrastructure». URL: <https://www.rt.com/news> (дата обращения 05.02.2018).

11. Волеводз А. Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества. М.: Юрлитинформ, 2001. 496 с.

12. Сайт Совета Европы. URL: <https://search.coe.int> (дата обращения 22.01.2018).

13. Желудков М. А. Особенности реализации в России международного опыта по защите от корыстных преступлений, совершаемых в киберпространстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 191—195.

14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. URL: <http://lib.ru/DIC/OZHEGOW> (дата обращения 22.01.2018).

15. Информационный ресурс «China Space». URL: <http://www.chinaspace.ru> (дата обращения: 06.01.2013).

4. Pechnikov N. P. Problems of theory and practice of prosecutor's supervision over the procedural activity of the bodies of preliminary investigation // Issues of modern science and practice. University of. V. I. Vernadsky. 2012. No 38. P. 101—105.

5. Kazarin O. V., Tarasov A. A. Modern concepts of cybersecurity of leading foreign states // Herald of the RSUH. Series "Documentology and Archival Studies. Computer science. Information security and information security". 2013. No 2. P. 58—63

6. Medvedeva S. V., Mentyukova M. A. Features of classification and composition of circumstances that exclude the legal responsibility of the individual // Questions of modern science and practice. University of. V. I. Vernadsky. 2015. No 1 (55). 150 p.

7. Electronic Communications Privacy Act of 1986, ECPA. URL: <http://dorothy.as.arizona.edu/LAW/ref5.html> (reference date: 05/02/2018).

8. The National Strategy to Secure Cyberspace. URL: <http://www.whitehouse.gov/pcipb/> (reference date 05/02/2018).

9. State Cybersecurity Strategies. URL: <https://www.securitylab.ru> (reference date: 05/02/2018).

10. Germany passes strict cyber-security law to protect "critical infrastructure". URL: <https://www.rt.com/news> (reference date: 05/02/2018).

11. Volevodz A. G. Counteracting Computer Crimes: The Legal Basis of International Cooperation. Moscow: Yurlitinform, 2001. 496 p.

12. Site of the Council of Europe. URL: <https://search.coe.int> (circulation date 22.01.2018).

13. Zheludkov M. A. Features of the implementation in Russia of international experience on protection from mercenary crimes committed in cyberspace // Bulletin of Economic Security. 2016. No 5. P. 191—195

14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. The explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Az, 1992. URL: <http://lib.ru/DIC/OZHEGOW> (reference date: 22/01/2018).

15. Information resource "China Space". URL: <http://www.chinaspace.ru> (reference date: 01/06/2018).

© Zheludkov M. A., Popov A. M.,
Dubrovina M. M., 2018

© Желудков М. А., Попов А. М.,
Дубровина М. М., 2018

А. А. Ковальченко**МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В настоящее время вопрос обеспечения национальной безопасности является одним из ключевых в деятельности любого государства. Угроза терроризма, исходящая с Ближнего Востока (деятельность запрещенной в России организации Исламское государство), не только расшатывает экономику многих стран мира, но и сеет страх и панику среди граждан, подрывает авторитет органов государственной власти. Угрозе терроризма сегодня подвержены практически все страны мира. Серия терактов, произошедших в Европе в 2015—2018 г., показала, что политика и практика противодействия терроризму в странах Европейского Союза терпят крах, а миграционное законодательство испытывает серьезный кризис.

В данной статье автор рассматривает ряд нормативных правовых актов, принятых в Российской Федерации в последнее время и направленных на противодействие терроризму; анализирует способы противодействия терроризму в нашей стране, предлагает некоторые меры совершенствования законодательного регулирования антитеррористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, профилактика терроризма, миграционное законодательство, миграционный контроль, «антитеррористический пакет» И. Яровой.

A. A. Kovalchenko**MEASURES OF STATE REGULATION
ANTI-TERRORIST ACTIVITY IN RUSSIAN FEDERATION**

At present, the issue of ensuring national security is one of the key issues in the activities of any state. The threat of terrorism coming from the Middle East (the activities of the Islamic State of Iraq and the Levant, banned in Russia) not only destroys the economy of many countries of the world, but also sows fear and panic among citizens, undermines the authority of state authorities. A series of terrorist attacks in Europe in 2015—2018 showed that the policy and practice of countering terrorism in the countries of the European Union is failing, and the migration legislation is in crisis.

In this article the author reviews a number of normative legal acts adopted recently in the Russian Federation aimed at countering terrorism; analyzes the ways of countering terrorism in our country, suggests some measures to improve the legislative regulation of anti-terrorist activities.

Key words: terrorism, prevention of terrorism, migration legislation, migration control, I. Yarovaya's "antiterrorist package".

Понятие терроризма известно человечеству давно, однако сегодня это явление приобрело такие масштабы, что стало поистине общемировым бедствием. Теракты, совершаемые рядом террористических организаций (Исламское государство (ИГ), Аль-Каида, ХАМАС, Талибан и др.), становятся все более жестокими, а способы их совершения — более изощренными. В настоящее время угрозе терроризма подвержены практически все страны мира (только с начала 2018 г. атаки террористов пережили Ирак, Афганистан, Нигерия, Ливия, Россия, Франция, Турция [1]), поэтому борьба с ней входит в число приоритетных государственных задач.

Сегодня большинство политических лидеров осознают необходимость разработки национальных антитеррористических систем и совершенствования законодательства в сфере противодействия тер-

роризму. Россия здесь не является исключением. После террористического акта, произошедшего в 2004 г. в г. Беслане, в нашей стране кардинально изменились подходы к антитеррористической деятельности. На расширенном заседании Правительства Российской Федерации в сентябре 2004 г. Президент России В. В. Путин подчеркнул, что «борьба с терроризмом должна стать в полном смысле общенациональным делом, и потому так важно активное участие в ней всех институтов политической системы, всего российского общества» [2].

Ключевым звеном системы противодействия терроризму в Российской Федерации является Национальный антитеррористический комитет (далее — НАК), образованный 10 марта 2006 г. Его усилия главным образом сосредоточены на профилактике терроризма. При НАК действует

Федеральный оперативный штаб (далее — ФОШ), в компетенцию которого входят организация межведомственного взаимодействия по пресечению терактов и управление контртеррористическими операциями, т. е. борьба с терроризмом. В субъектах Федерации работают антитеррористические комиссии и оперативные штабы.

Вот уже несколько лет при непосредственном участии НАК и ФОШ в нашей стране реализуется Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013—2018 г., утвержденный Президентом Российской Федерации 26 апреля 2013 г. Одна из ключевых позиций плана — проведение мероприятий по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, формированию стойкого неприятия обществом, прежде всего молодежью, идеологии терроризма в различных ее проявлениях. В молодежной среде это чрезвычайно актуально, поскольку она наиболее подвержена радикально-религиозным, националистическим и ксенофобским идеям и настроениям. Это обусловлено особенностями психики молодых людей, отсутствием четкой гражданской позиции, некритическим восприятием информации и т. д. Увлечение идеями радикального ислама, попытки «бегства» в арабские страны постепенно становятся массовым явлением. Телевидение и Интернет пестрят сюжетами о российских юношах и девушках из благополучных семей, перешедших в ряды джихадистов. Многим известны истории Варвары Карауловой, Алены Быковой, Светланы Ухановой, Марии Погореловой, Анатолия Землянки, Евгения Юдина и др. Сегодня в числе приоритетных задач государства — остановить этот процесс и не допустить перерождения радикальных настроений в преступления экстремистской и террористической направленности.

Противодействие идеологии терроризма — одно из трех основных направлений профилактики терроризма в России. Кроме него сюда входят совершенствование антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических устремлений и усиление контроля за соблюдением административных, правовых и иных режимов, способствующих противодействию терроризму.

Важную роль в вопросе профилактики терроризма играют средства массовой информации (СМИ) и Интернет. Как известно, они оказывают глобальное влияние на общество, поэтому здесь не может быть места никаким оправданиям действий террористов. СМИ и Интернет должны формировать в сознании аудитории негативный образ преступников, неприятие любых форм терроризма, способствовать сплочению нации. Государство регулирует деятельность средств массовой информации и сайтов через Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Данная служба осуществляет мониторинг СМИ

и интернет-пространства; ведет Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено; ограничивает доступ к соответствующей информации; блокирует сайты, где имеются призывы к терроризму и экстремизму.

Профилактическую работу по противодействию терроризму за рубежом (в 81 стране) ведет Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) — структурный элемент Министерства иностранных дел Российской Федерации. Его усилия сосредоточены главным образом на культурной составляющей: проведении различных культурных акций, кинолекториев, бесед. Кроме того, на федеральном интернет-портале Россотрудничества имеется рубрика «Работа по информационному содействию международному сотрудничеству по противодействию терроризму и экстремизму», где размещаются материалы, подготовленные по заказу НАК.

В рассуждениях о мерах государственного регулирования антитеррористической деятельности невозможно не затронуть вопросов права. К настоящему времени в России сложилась прочная правовая основа противодействия терроризму, ключевыми направлениями которой служат: предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений террористического характера, минимизация и (или) ликвидация их последствий; установление полномочий органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления, Вооруженных Сил Российской Федерации, специальных подразделений в борьбе с терроризмом. В число правовых актов, регламентирующих антитеррористическую деятельность в России, входят: международные договоры Российской Федерации; Конституция Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; федеральные законы «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ, «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ, «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму

и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ; указы Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683, «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 г. № 116 и др. Особое место в числе этих документов занимает Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. Она «определяет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в Российской Федерации» [3].

В последнее время предметом острых дискуссий выступает так называемый «антитеррористический пакет» И. Яровой, основные положения которого вступили в силу 1 июля 2018 г. Он состоит из двух нормативных правовых актов:

1. Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии терроризму“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ. В Федеральный закон «О противодействии терроризму» данным документом были внесены изменения в статьи, касающиеся организационных основ противодействия терроризму, полномочий органов местного самоуправления в сфере противодействия терроризму, режима и условий проведения контртеррористической операции. Кроме того, рассматриваемый закон внес изменения в федеральные законы «О внешней разведке» от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ, «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ, «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Например, в законодательстве появилось определение понятия «миссионерская деятельность». Его трактуют как религиозную практику вне специально отведенных заведений, кладбищ, религиозных школ и т. д., а также распространение веры и религиозных убеждений через СМИ и Интернет. Заниматься такой деятельностью могут только зарегистрированные организации или лица, заключившие с ними официальный договор.

Кроме того, теперь операторы почтовой связи с помощью специального оборудования будут проверять содержимое посылок. На операторов сотовой связи с 1 июля 2018 г. возложена обязанность хранить в течение шести месяцев записи телефонных звонков, смс-сообщения и метаданные о них; с 1 октября 2018 г. операторы связи обязаны хранить в течение месяца переписку, пересылаемые видео- и аудиофайлы и персональные данные пользователей. Срок их хранения будет постепенно уве-

личиваться до полугода. В случае необходимости все эти сведения будут передаваться сотрудникам правоохранительных органов. Закон также требует отказаться от шифрования передаваемых данных или предоставить ключи шифрования специальным структурам. Многие граждане оказались недовольны этими нововведениями, усмотрели в них нарушение их прав и вмешательство в частную жизнь. Безусловно, «антитеррористический пакет» И. Яровой вносит некоторые ограничения прав, однако его основное назначение состоит в обеспечении безопасности всего государства и защите от угрозы терроризма, основным каналом распространения которого сегодня служат именно информационно-коммуникационные сети (вербовка, призывы к осуществлению террористической деятельности и т. д.). Стоит подчеркнуть, что Россия не единственное государство, где в борьбе с террористической угрозой пришлось пренебречь некоторыми правами граждан. Похожие законы были приняты, в частности, в Германии: законы о сохранении данных в области электронной связи, об источниках связи и онлайн-наблюдениях [4] — и также вызвали недовольство в обществе.

2. Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. В первую очередь необходимо отметить, что этот закон вносит изменения в ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Возраст, с которого наступает уголовная ответственность». Если раньше лица, достигшие к моменту совершения преступления 14 лет, несли уголовную ответственность за такие преступления террористического характера, как: террористический акт (ст. 205 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) — то теперь наряду с ними в данный перечень вошли: прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205³ УК РФ), участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205⁴ УК РФ), участие в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205⁵ УК РФ), несообщение о преступлении (ст. 205⁶ УК РФ), акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Две последние статьи введены рассматриваемым федеральным законом.

Каковы будут результаты принятия «антитеррористического пакета», прогнозировать сложно, но, на наш взгляд, это было продиктовано реалиями времени. Ужесточение уголовной ответственности, контроль со стороны государства за мобильной связью и Интернетом — вынужденные меры. Мировой терроризм распространяется с высокой скоростью, его формы становятся все более агрессивными, поэтому бороться с ним либеральными методами невозможно.

Последнее, на чем нам бы хотелось акцентировать внимание, — миграционная ситуация, сложившаяся в нашей стране. Конечно, Россия не испытывает того кризиса, который переживает Европа в связи с потоком беженцев из стран Ближнего Востока. Однако стоит отметить, что ежегодно Государственную границу Российской Федерации пересекают сотни людей из различных стран, а лидеры международных террористических организаций часто используют миграционные потоки, в которых под видом беженцев или трудовых мигрантов скрываются террористы или вербовщики. Руководитель Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин отмечает: «Вербовщики целенаправленно используют среду мигрантов для радикализации не сумевших адаптироваться в России граждан ближнего зарубежья, стремятся создать так называемые „спящие ячейки“, которые можно мобилизовать на теракты» [5]. Еще одна проблема, с которой сталкивается российское государство, — это внутренняя миграция. Речь идет о перемещениях граждан с территорий Поволжья (Татарстан, Башкортостан) и Северного Кавказа, где в последнее время также получил распространение радикальный ислам. На Кавказе он еще подкреплен тем, что там проживает значительное количество людей, имевших опыт участия в боевых действиях. Конечно, государство пытается контролировать потоки миграции, но с учетом масштабов нашей страны сделать это весьма затруднительно.

1. Теракты 2018 года, список и краткое описание. URL: posredi.ru (дата обращения: 02.07.2018).

2. Система противодействия терроризму сложилась в России под эгидой НАК // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: nac.gov.ru (дата обращения: 28.06.2018).

3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 05.10.2009). Рос. газ. 2009. 20 окт.

4. Новые законы Германии: борьба с терроризмом или вмешательство в частную жизнь? URL: aussiedlerbote.de (дата обращения: 28.06.2018).

5. Как государство может предотвратить радикализацию мигрантов. URL: gazeta.ru (дата обращения: 29.06.2018).

6. Андриченко Л. В. Проблемы систематизации миграционного законодательства // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 5—15.

По нашему мнению, в России необходимо упорядочить рынок труда, ужесточить контроль за трудовыми мигрантами вплоть до введения визового режима для граждан некоторых стран, и внутренними мигрантами (особенно из названных регионов страны), а также систематизировать миграционное законодательство: принять Миграционный кодекс Российской Федерации. Как отмечает Л. В. Андриченко, это позволило бы «обеспечить „стягивание“ всего массива законодательного регулирования в рамках единого документа» [6], поспособствовало переработке отдельных элементов миграционного законодательства, избавлению от устаревших и дублирующих друг друга норм.

Таким образом, государственное регулирование антитеррористической деятельности в Российской Федерации — это совокупность мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, направленных на профилактику терроризма и борьбу с ним. Эти меры основаны на регулярном анализе и оценке деятельности различных структур противодействия терроризму, правовой основы, международного опыта и включают в себя создание органов и организаций, в компетенцию которых входит профилактика терроризма и борьба с ним (НАК, ФОШ, Роскомнадзор и др.), совершенствование правовой базы, сотрудничество с религиозными и иными общественными объединениями, продуманную миграционную политику.

1. Terror acts of 2018, list and brief description. URL: posredi.ru (reference date: 02/07/2018).

2. The system of counteraction to terrorism developed in Russia under the auspices of the NAC // The official website of the National Antiterrorism Committee. URL: nac.gov.ru (reference date: 28/06/2018).

3. The concept of counteracting terrorism in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation on 05.10.2009). *Rossiyskaya gazeta*. 2009. 20 of October/

4. New laws of Germany: the fight against terrorism or interference in privacy? URL: aussiedlerbote.de (reference date: 28/06/2018).

5. How the state can prevent the radicalization of migrants. URL: gazeta.ru (reference date: 29/06/2018).

6. Andrinchenko L. V. Problems of the systematization of migration legislation // *Journal of Russian Law*. 2014. No 12. P. 5—15.

© Kovalchenko A. A., 2018

© Ковальченко А. А., 2018

А. Ф. Федоров, И. В. Ботвин**ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

В представленной статье рассматриваются проблемы профилактики региональной рецидивной преступности как с научной, так и с практической точки зрения. При ее анализе особое внимание уделено понятийному аппарату, используемому в настоящей работе, в частности детально изучены термины «рецидивная преступность» и «предупреждение преступности». На основе изучения массива материалов Главного управления МВД России Алтайского края, социально-экономической ситуации в стране, действующей нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность государства по профилактике рецидивной преступности, подробно анализируется и подвергается критике существующий комплекс мер, направленных на предупреждение повторной преступности в регионе. Авторы приходят к выводу о том, что в принимаемых и действующих сегодня комплексных программах необходимость осуществления борьбы с рецидивной преступностью часто только декларируется, однако реальная картина показывает критичность возникшей проблемы и необходимость скорейшего вмешательства в нее со стороны государства.

Ключевые слова: рецидив, рецидивист, профилактика, предупреждение преступлений, региональная преступность.

A. F. Fedorov, I. V. Botvin**FEATURES OF THE PREVENTION OF RECIDIVISM IN THE REGION
(ON MATERIALS OF THE ALTAI TERRITORY)**

The article deals with the problems of prevention of regional recidivism from both scientific and practical points of view. While studying the presented problem, special attention is paid to the conceptual apparatus used in this paper, in particular, the terms "recedive crime" and "crime prevention" are studied in detail. On the basis of the study of the array of materials of the Main Departemment of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Altai territory, the socio-economic situation in the country, the existing legal framework governing the acts of the state to prevent recedive crime, the authors analyze in detail and criticize the existing set of measures aimed at preventing re-crime in the region. The authors come to the conclusion that in the complex programs adopted and currently in force, the need to combat recidivism is often only declared, but the real picture shows the criticality of the problem and the need for early intervention by the state.

Key words: recidivism, recidivist, prevention, crime prevention, regional crime.

«Проблема преступности во все времена была и остается актуальной, является предметом глубокого изучения лучших мыслителей человечества, поскольку теоретическое объяснение сущности преступности как социального явления и познание ее причин дают возможность выработать меры предупреждения» [1, с. 3—4]. Применительно к данному высказыванию С. И. Курганова необходимо констатировать, что как это ни парадоксально, но до сих пор в науке нет единого и четкого понимания термина «рецидивная преступность». Н. А. Коломытцев понимает под ней группу всех, входящих в понятие рецидива преступных посягательств, зарегистрированных должным образом, а также латентных преступлений в конкретный период [2, с. 3]. С точки зрения Г. Ф. Хохрякова, рецидивная преступность представляет собой преступность лиц, которые

уже претерпевали уголовное наказание либо иные меры, заменяющие его в соответствии с положениями закона, независимо от факта снятия или гашения судимости за ранее совершенные посягательства, а также лиц, к которым меры уголовно-правового воздействия по законным причинам не применялись [3, с. 295]. В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов считают, что рассматриваемый вид преступности сочетает в себе повторно или многократно совершенные одним и тем же лицом преступные деяния, безотносительно к тому, имел ли место факт привлечения к уголовной ответственности или нет [4, с. 617—621].

Становится очевидной правильность высказывания И. И. Карпеца о том, что для многих ученых выработка определения того или иного термина сводится к оттачиванию своей научной мысли,

которое заключается в максимально краткой дефиниции, чтобы читающий разглядел содержание, сущность и составные части исследуемого явления [5, с. 16]. Тем не менее из анализа всех формулировок можно сделать вывод о том, что большинство авторов не придерживаются тех канонов, которые установлены в ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), т. е. у них нет упора на уголовно-правовой (легальный) рецидив при конструировании понятия рецидивной преступности. В связи с этим в аналитических материалах Главного информационно-аналитического центра МВД России при характеристике рецидивной преступности в основном присутствуют такие выражения, как «преступления совершены лицами, ранее совершавшими преступления, в том числе ранее судимыми», а при характеристике личности преступников к данным признакам еще добавлен показатель — «совершивших преступления, признанные опасным или особо опасным рецидивом».

Как указывают сотрудники Штаба ГУ МВД России по Алтайскому краю, принимаемые сегодня меры социальной адаптации, обеспечения жилыми помещениями и помощи в трудоустройстве лиц, освободившихся из мест лишения свободы, проводимая с ними социально-психологическая и профориентационная работа не позволили сократить число лиц рассматриваемой категории, которые вновь встали на преступный путь. Так, за последние 5 лет их количество увеличилось с 10 977 до 16 978 человек (удельный вес возрос с 43,3 % до 63,7 %) [6, с. 221—223].

Результаты проведенного комплексного исследования криминальной ситуации в регионе [7, с. 197—218] позволили сделать однозначный вывод о том, что рецидивная преступность имеет неблагоприятные тенденции развития не только в количественном, но и в качественном плане. Заметно явное ухудшение структуры рецидивной преступности в крае, связанное с существенным увеличением доли преступлений, имеющих повышенную общественную опасность, и умеренным ростом доли менее опасных преступлений.

Таким образом, возникла острая необходимость в модификации подходов к профилактической деятельности, а также в разработке и совершенствовании комплекса мер по предупреждению рецидивной преступности в регионах.

Предупреждение преступности, по мнению С. М. Иншакова, — это целенаправленная деятельность государственных, муниципальных и общественных органов, способствующая удержанию населения от совершения преступных посягательств. Сущностью профилактики преступных деяний выступает предупреждение отдельно взятых посягательств, т. е. не преступности в стране в целом, а в конкретной ее части. Если говорить

о преступности как о социальном явлении, то применение термина «предупреждение» видится не совсем подходящим, поскольку предупредить можно лишь то, что еще не произошло [8, с. 78]. С этой точки зрения сам термин не бесспорен, однако он принят научным сообществом и правоприменителями, что делает его модификацию или глобальное видоизменение нецелесообразными. Вместе с тем он определяет причины, условия и факторы преступности, а также меры по удержанию населения от совершения преступлений.

Важно отметить, что наряду с названным термином широко применяются и другие: пресечение, профилактика, предотвращение.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ берет за основу термин «профилактика правонарушений» и трактует его как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения.

Приказ МВД России «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» от 17 января 2006 г. № 19 (вместе с Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений) дает определение понятию «предупреждение преступлений органами внутренних дел» — это деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением.

Однако специально выделенных мер по профилактике преступного рецидива в приведенных актах не имеется. Отсутствует на текущий момент и документ на уровне закона Алтайского края. Вместе с тем в настоящее время в регионе уже есть положительные примеры в виде ряда нормативных актов, которые направлены как на снижение уровня преступности в целом на территории края, так и отдельных ее проявлений. Это такие документы, как:

— постановление Администрации Алтайского края «Об утверждении Государственной программы Алтайского края „Обеспечение прав граждан и их безопасности“ на 2015—2020 годы» от 19 декабря 2014 г. № 573 (ред. от 07.04.2017), предусматривающее меры по организации социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест

лишения свободы, лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы;

— распоряжение Администрации Алтайского края «О мерах по обеспечению правопорядка в Алтайском крае» от 7 ноября 2012 г. № 464-р, направленное на активизацию на административных участках работы участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений; разработку комплекса мер, ориентированных на профилактику уличной преступности, незаконного распространения алкоголя и наркотических средств; широкое использование потенциала народных дружин, казачьих обществ и иных общественных объединений; профилактические проверки по месту жительства осужденных к наказанию без изоляции от общества; подготовку и размещение в средствах массовой информации материалов о деятельности филиалов уголовно-исполнительной инспекции Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Алтайскому краю, их роли в профилактике рецидивной преступности и др. С учетом этого, по нашему мнению, при имеющихся статистических показателях преступного рецидива наступило время, когда нужно говорить о необходимости принятия самостоятельного закона Алтайского края, который бы обеспечил комплексную, системную профилактическую работу по снижению рецидивной преступности в крае. Вместе с тем по логике всей профилактической работы по недопущению рецидива, полагаем, что начинать ее нужно, безусловно, еще на этапе исполнения приговора за первое преступление, в силу того что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений ими и иными лицами.

Основными средствами исправления осужденных являются установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Данные средства применяются к осужденным с самого первого дня исполнения приговора, однако особое внимание нужно уделить индивидуальной работе с осужденными по подготовке их к освобождению не менее, чем за полгода до окончания срока.

А. Т. Потемкина отмечает, что подготовку к освобождению правомерно рассматривать в широком и узком смысле:

— в широком: это комплекс мероприятий, проводимых с осужденными с первых дней пребывания в колонии, направленных на их исправление;

— узком: это работа с конкретным осужденным в период, непосредственно предшествующий освобождению, направленная на оказание помощи по нормализации или восстановлению полезных социальных связей, предварительное решение

вопросов трудового и бытового устройства; психологическая подготовка к условиям жизни на свободе [9, с. 205].

По мнению В. Е. Южанина, для объективной оценки степени исправления освобожденных и среды их предстоящей адаптации к жизни в обществе, построения конкретной профилактической работы с ними за шесть месяцев до освобождения нужно проанализировать причины и условия совершения преступлений, за которые они отбывали наказание. Эта информация может быть получена, в частности, от осужденных, вставших на путь исправления, родственников, из ответов правоохранительных органов на запросы [10, с. 44].

Представляется, что особое внимание следует уделить завершающему этапу отбывания наказания, где должна вестись эффективная работа по нравственно-психологической подготовке осужденных к освобождению из мест лишения свободы, созданию условий для ресоциализации, оказанию им помощи в трудоустройстве и поиске места жительства, поскольку постоянный источник финансового дохода является одним из основных гарантов снижения преступности [11, с. 167—169]. Данные вопросы нашли отражение в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, а также в распоряжении Правительства Российской Федерации «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Концепция предусматривает для лиц, заканчивающих отбывание длительных сроков лишения свободы, различные дополнительные возможности, среди которых: а) прохождение специальных тренингов; б) перевод в колонию-поселение с разрешением кратковременных выездов к месту предполагаемого жительства; в) создание условий для подготовки освобождающихся лиц к дальнейшей постепенной адаптации через службу пробации.

Кроме того, в каждом регионе Российской Федерации необходимо создавать центры по оказанию помощи и социальной адаптации, где будут функционировать психологическая и наркологическая службы. При таком подходе возможно соблюдение главных условий для успешной реабилитации: сочетание помощи освобожденным от наказания лицам с должным социальным контролем за ними.

М. В. Королева применительно к противодействию рецидивной преступности предлагает два основных направления:

— борьба с рецидивной преступностью должна быть включена в качестве раздела в комплексную программу профилактики преступлений;

— профилактика преступного рецидива может проводиться на основе специального плана.

В первом случае в качестве позитивного момента следует выделить комплексный подход к решению проблемы профилактики рецидива преступлений

наряду с решением других криминологических проблем, а также возможность привлечения к этому более широкого круга субъектов предупредительной работы, в том числе занимающихся профилаксией других видов преступности. Во втором — явным преимуществом будет возможность запланировать максимально конкретные и детально разработанные меры, которые часто отсутствуют в общих планах в силу их и без того больших объемов. По мнению автора, оба этих направления в идеале должны сочетаться друг с другом и предусматривать:

- новые формы и методы индивидуальной профилактической работы;

- меры, направленные на повышение качества взаимодействия учреждений, исполняющих наказания с органами внутренних дел региона;

- меры, предусматривающие более строгий социальный контроль в отношении ранее судимых лиц, а также в отношении лиц, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы;

- меры, повышающие эффективность административного надзора;

- необходимую помощь общества лицам, которые отбыли наказание и нуждаются в ней;

- улучшение и совершенствование мер по информационному обеспечению профилактики преступного рецидива;

- меры, направленные на улучшение качества выявления и анализа детерминант рецидива преступлений, в том числе связанные с непосредственной характеристикой личности рецидивистов;

- меры правового и медицинского характера по профилактике наркомании, пьянства и алкоголизма как среди осужденных, так и среди отбывших наказание лиц [12, с. 853-855].

В связи с этим в территориальных органах внутренних дел Алтайского края организована профилактическая работа с ранее судимыми лицами. Кроме того, сотрудники полиции участвуют в осуществлении контроля за поведением лиц, осужденных за совершение преступления, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно.

Отдельное место в профилактике повторной преступности занимает профилактическая работа с поднадзорными лицами. В декабре 2014 г. вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 514-ФЗ, предусматривающий усиление уголовной ответственности лиц, находящихся под административным надзором (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). Данная норма направлена на повышение эффективности административного надзора и, как следствие, на сокращение рецидивной преступности.

По итогам прошедшего года сотрудниками территориальных органов внутренних дел Алтайского края было возбуждено 102 уголовных дела за ук-

лонение от административного надзора (ст. 314.1 УК РФ), в том числе 70 — по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ. В настоящее время сотрудниками полиции осуществляется контроль за поведением 11 917 лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

В 2017 г. сотрудники полиции приняли участие в проводимой по инициативе Управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Алтайскому краю оперативно-профилактической операции «Профилактика», направленной на предупреждение и профилактику повторных преступлений и правонарушений среди осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, состоящих на учете в филиалах уголовно-исполнительной инспекции края. В ходе операции сотрудниками органов внутренних дел края совместно с сотрудниками филиалов уголовно-исполнительной инспекции осуществлено: а) 2 230 проверок по месту жительства лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; б) 120 лиц указанной категории направлены для трудоустройства в центры занятости; в) 62 лица — на обследования врачом-наркологом. Участковыми уполномоченными полиции направлено в уголовно-исполнительные инспекции 63 ходатайства в отношении данной категории лиц о возложении дополнительных обязанностей и ограничений либо о замене условной меры наказания на лишение свободы.

Сотрудниками Уголовно-исполнительной инспекции Федеральной службы исполнения наказаний России по Алтайскому краю в отношении лиц, нарушающих порядок и условия отбывания наказания, направлено в суды 130 представлений, в том числе о возложении дополнительных обязанностей — 46, на продление испытательного срока — 52, на замену наказания лишением свободы — 32.

В целях повышения эффективности профилактической деятельности служб и подразделений территориальных органов внутренних дел по предупреждению повторных преступлений со стороны ранее судимых лиц с 27 по 30 марта 2017 г. на территории края была проведена оперативно-профилактическая операция «Рецидив» с привлечением сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, внештатных сотрудников полиции, членов народных дружин. В ходе операции было осуществлено 11 184 проверки лиц, представляющих профилактический интерес, в том числе 5 396 — осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

При обработке жилого сектора выявлено 496 административных правонарушений со стороны профилаксируемых лиц, в том числе 100 — за нарушение антиалкогольного законодательства, 12 — за совершение мелкого хулиганства, 301 — за несоблюдение административных ограничений и невыполнение обязанностей, устанавливаемых при ад-

министративном надзоре, 83 — за иные административные правонарушения.

Для предупреждения и пресечения нарушений общественного порядка со стороны лиц, осужденных без изоляции от общества, участковыми уполномоченными полиции направлено в уголовно-исполнительные инспекции 135 ходатайств в отношении данных лиц о возложении дополнительных обязанностей и ограничений либо о замене условной меры наказания на лишение свободы. Кроме того, сотрудниками полиции направлено в уголовно-исполнительные инспекции 76 материалов о фактах неисполнения возложенных обязанностей и установленных ограничений.

При проведении профилактических мероприятий особое внимание уделяется проверке поведения в быту лиц, относящихся к «группе риска» (страдающих алкогольной, наркотической зависимостью, склонных к агрессии, неоднократно судимых). Нарушители порядка привлекались к административной ответственности. Информация о совершенных административных правонарушениях своевременно направлена в филиалы Уголовно-исполнительной инспекции Федеральной службы исполнения наказаний России по Алтайскому краю.

В целях профилактики повторной преступности, а также при выявлении фактов неисполнения возложенных на осужденных обязанностей и установленных ограничений в территориальные подразделения Уголовно-исполнительной инспекции

направлено 170 ходатайств на продление испытательного срока и вменение дополнительных обязанностей, 219 — на отмену (замену) условной меры наказания на реальное лишение свободы. По представлениям сотрудников филиалов Уголовно-исполнительной инспекции судами произведено 380 замен (отмен) условного осуждения на реальное лишение свободы, 775 подучетным продлен испытательный срок, на 692 возложены дополнительные обязанности. Вместе с тем статистика однозначно говорит о недостаточности проводимых мероприятий и принимаемых мер. Следует согласиться с мнением И. Г. Возжанниковой о том, что одним из важнейших направлений современной уголовной политики является сокращение рецидива преступлений за счет совершенствования уголовного законодательства, практики его применения, а также повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи [13, с. 12].

Таким образом, в принимаемых и действующих сегодня комплексных программах только декларируется необходимость осуществления борьбы с рецидивной преступностью, однако реальная картина показывает критичность возникшей проблемы и необходимость скорейшего вмешательства со стороны государства.

1. Курганов С. И. Криминология: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 183 с.

2. Коломытцев Н. А. Особо опасный рецидив преступлений и борьба с ним: моногр. М.: Криминологическая ассоциация, 2001. 221 с.

3. Хохряков Г. Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Юристъ, 2002. 511 с.

4. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2009. 800 с.

5. Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.

6. Федоров А. Ф. Характеристика лиц, совершивших преступления повторно на территории Алтайского края // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2017. С. 221—223.

7. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р. М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 299 с.

8. Иншаков С. М. Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 432 с.

1. Kurganov S. I. Criminology: textbook. 3rd ed.: Moscow: UNITY-DANA: Law and law, 2012. 183 p.

2. Kolomyttsev N. A. Especially dangerous recurrence of crimes and fight against it: monograph. Moscow: Criminological Association, 2001. 221 p.

3. Khokhryakov G. F. Criminology: textbook / ed. by V. N. Kudryavtsev. M.: Lawyer, 2002. 511 p.

4. Criminology: textbook / ed. by V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov. 4th ed. Moscow: Norma, Infra-M, 2009. 800 p.

5. Karpets I. I. Crime: illusions and reality. Moscow: Russian law, 1992. 432 p.

6. Fedorov A. F. the Characteristics of persons who have committed crimes repeatedly in the territory of the Altai territory // State and law in the era of global change: proceedings of the international scientific-practical conference. Barnaul, 2017. P. 221—223.

7. Complex analysis of the criminal situation in the region: theory, methodology, practice: monograph / ed. by R. M. Abyzov. Barnaul. 2018. 299 pp.

8. Inshakov S. M. Criminology: textbook. Moscow: Jurisprudence, 2000. 432 p.

9. Punishment and correction of criminals. Handbook / ed. by Yu. M. Antonyan. Moscow: Institute of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 1992. 392 p.

9. Наказание и исправление преступников: пособие / под. ред. Ю. М. Антоняна: М.: НИИ МВД РФ, 1992. 392 с.

10. Южанин В. Е. Методические рекомендации по работе с лицами, освобождаемыми и освобожденными из мест лишения свободы. Рязань: Ин-т права и экономики МВД России, 1996. 46 с.

11. Ботвин И. В. Предупреждение преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода (на примере Алтайского края) // Вестник БЮИ МВД России. 2017. № 2. С. 167—169.

12. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

13. Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.

© Федоров А. Ф., Ботвин И. В., 2018

10. Yuzhanin V. E. Methodical recommendations on work with persons released and released from prison. Ryazan: Institute of law and Economics of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, 1996. 46 p.

11. Botvin I. V. Crime Prevention of persons without a permanent source of income (on the example of the Altai territory) // Vestnik BLI MIA of Russia. 2017. No 2. P. 167—169.

12. Criminology: textbook for universities / ed. by A. I. Dolgova. Moscow: Norma, 2005. 912 p.

13. Vozzhannikova I. G. Recidivism in the criminal law of Russia: concept, types, significance: abstract. dis ... kand. the faculty of law. sciences'. Moscow, 2016. 28 p.

© Fedorov A. F., Botvin I. V., 2018

УДК 343.5
ББК 67.408.115

DOI 10.25724/VAMVD.DABC

А. С. Ханахмедов

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений экстремистской направленности. Исследуются спорные моменты толкования закона, связанные с квалификацией этого преступления, проблема его предупреждения, а также проблемы отграничения вовлечения несовершеннолетнего в преступление экстремистского характера от смежных составов. По итогам исследования вопросов ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступления экстремистской направленности, отмечено, что основной уголовно-правовой нормой выступает ч. 4 ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которую с 2007 г. введено положение, предусматривающее ответственность за совершение этого преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Эта уголовно-правовая норма в ее последней редакции существенно изменила правовой характер ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, фактически приравняв ее к составам, направленным на охрану государственной власти.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетнего, вовлечение в преступление, экстремистские преступления.

A. S. Khanahmedov

THE PROBLEMATIC ISSUES OF LIABILITY FOR INVOLVEMENT OF MINOR IN COMMITTING CRIMES OF EXTREMIST ORIENTATION

The article deals with the issues of criminal liability for involving a minor in the commission of extremist crimes. The disputable questions of interpreting the law connected with the qualification of this crime, the problem of its prevention, as well as the issues of delimitation of involving a minor in the crime of an extremist nature

from adjacent compositions are being investigated. By the results of the study of the issues of liability for involving a minor in extremist crimes, it is noted that the main criminal law is Part 4 of Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, in which it has been introduced since 2007 a special criminal liability for the commission of this crime based on the political, ideological, racial, ethnic or religious hatred or strife or on the grounds of hatred or strife towards any social group. This criminal law in its new edition significantly changed the legal nature of Art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, actually equating it to the compositions aimed at protecting the state power.

Key words: involvement of a minor, involvement in a crime, extremist crimes.

Противодействие преступлениям экстремистской направленности является приоритетным направлением для правоохранительных органов Российской Федерации. Заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета А. И. Ковалев на форуме «Современные системы безопасности — Антитеррор», который состоялся весной 2018 г. в Красноярске, сообщил, что за прошлый год в России было предотвращено около 70 преступлений террористического характера. В то же время правоохранительным органам удалось не допустить формирование 44 экстремистских религиозных ячеек в местах заключения, а также склонить к отказу от противоправных деяний более 1 300 граждан [1].

К сожалению, нередко случаи вовлечения в совершение преступлений экстремистской направленности несовершеннолетних лиц, которые по причине своих социальных характеристик и особенностей восприятия окружающего мира легко поддаются негативному влиянию. В качестве примера приведем уголовное дело, получившее резонанс в российских средствах массовой информации. Весной 2018 г. в Санкт-Петербурге присяжные заседатели вынесли обвинительный приговор 18 участникам группы (14 из которых на момент инкриминируемых им деяний были несовершеннолетними), совершавшим преступления по мотивам национальной ненависти. Как отмечает пресс-служба Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Санкт-Петербургу, в зависимости от роли каждого они признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных пп. «ж», «л» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111, ч. 4 ст. 150, ч. 1 ст. 161, п. «а» ч. 4 ст. 162, пп. «а», «в» ч. 2 ст. 282, чч. 1, 2 ст. 325 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2].

Как видим, уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям экстремистской направленности включает и нормы непосредственно экстремистской направленности, и нормы других преступлений, совершаемых по экстремистским мотивам.

Уголовно-правовой механизм противодействия экстремистской деятельности образуют преступления непосредственно экстремистской направленности (ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 182.2, 282.3 УК РФ),

а также иные многочисленные преступления, в составы которых включены экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ). Часть 1 ст. 63 (п. «е») УК РФ включает в число обстоятельств, отягчающих наказание, совершение преступления по экстремистским мотивам.

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра МВД России с 2013 по 2017 г. всего в Российской Федерации зарегистрировано 8 817 фактов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (2013 г. — 1 963, 2014 г. — 1 668, 2015 г. — 1 888, 2016 г. — 1 564, 2017 г. — 1 734) [3]. К сожалению, в статистической отчетности отдельной строкой не выделяются сведения о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Сведения о количестве совершенных преступлений по обозначенным мотивам включены в общее количество случаев вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления.

При рассмотрении состава ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» прежде всего следует обратить внимание на само понятие «вовлечение», которое является ключевым при квалификации данного деяния, но в юридической литературе толкуется неоднозначно. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. № 1 вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления признаются умышленные действия лица, достигшего 18-летнего возраста, направленные на возбуждение желания у несовершеннолетнего совершить преступление. Действия преступника могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий. Преступление считается оконченным с момента совершения не-

совершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление. Если последствия не наступили по не зависящим от виновных обстоятельствам, то их действия могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ, т. е. как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в преступление. В случае совершения преступления несовершеннолетним, который в силу возраста не подлежит уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения [4].

Таким образом, Пленум Верховного Суда Российской Федерации ориентирует практику на то, что сам факт совершения действий виновным лицом еще не создает оснований для привлечения его к уголовной ответственности. Пленум требует определенных последствий не только в виде согласия несовершеннолетнего на совершение преступления, но и определенных действий в части реализации этого согласия вплоть до приготовления или покушения на преступление. Нам представляется это решение Пленума неверным. Мы полагаем, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления должно считаться оконченным уже с момента дачи им согласия на совершение преступления. Таким образом, мы разделяем позицию тех ученых, которые считают более правильным признавать вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления оконченным с момента получения от него согласия на совершение уголовно наказуемого деяния [5]; [6, с. 243—244]. Эта позиция обосновывается тем, что реакция уголовного закона на действия взрослого с момента совершения несовершеннолетним преступления или начала его совершения, как требует Пленум, является слишком запоздалой. По такой же логике можно обосновать и момент окончания преступления при вовлечении подростка в наркоманию. Цель государства должна быть направлена на пресечение подобных преступлений в отношении несовершеннолетних на самой ранней стадии преступного воздействия на них взрослых лиц. Вовлечение, на наш взгляд, должно выражаться, в том числе, в действиях преступника, активно влияющего на только формирующийся характер подростка и его социально психологические свойства и качества как личности.

Часть 4 ст. 150 УК РФ предусматривает среди таких квалифицирующих признаков, как вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу, вовлечение в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, и отягчающий признак — вовлечение в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Второй признак указывает на то, что действия преступника должны быть направлены на побуждение у несовершеннолетнего желания совершить не любое престу-

пление, а преступление экстремистской направленности.

Введенная в УК РФ с самого начала его действия ст. 282, неоднократно подвергалась изменениям (последние — июль 2016 г.). Часть первая предусматривает ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 под этими преступными действиями понимает высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, включая применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии. Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды [7].

Таким образом, действия, входящие в сферу экстремизма, основываются на стремлении экстремистов внедрить в сознание несовершеннолетних мысли, противоположные от тех, которые стараются воспитать в детях государство и общество. Склоняя подростка к экстремистской деятельности, преступник, по сути, вкладывает в его воспитание социально-психологический негатив нравственности, мировоззрения, морально-волевых свойств характера и неприемлемую для общества культуру в широком понимании этого слова. Следовательно, задача государства не только ужесточить наказание за вовлечение несовершеннолетних в совершение экстремистских преступлений, а также принять эффективные меры по профилактике и предупреждению этих преступлений. Эта задача должна быть поставлена не только перед правоохранительными органами, но и перед образовательными организациями среднего и высшего образования, а также перед обществом в целом (семья и т. д.).

В связи с усилением экстремистских настроений в России в 2002 г. законодатель вынужден был ввести в УК РФ ряд указанных выше дополнительных норм об ответственности за эти преступления, совершаемые в разных формах: «Организация экстремистского сообщества» (ст. 282.1), «Организация деятельности экстремистской организации» (ст. 282.2) и «Финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282.3).

В мае 2014 г. в ст. 282.2 УК РФ была введена специальная ч. 1.1, предусматривающая ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации. Ответственность по ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ возможна лишь при условии вступившего в силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности экстремистской организации. Максимальный срок наказания — от 4 до 8 лет лишения свободы с ограничением свободы от одного до двух лет. В данном случае речь идет о вовлечении не просто в экстремистскую деятельность, а в экстремистскую организацию, что существенно увеличивает степень общественной опасности данного преступления. Несовершеннолетние часто являются участниками таких организаций, где проходят специальную подготовку. Фактически осуществляется зомбирование подростков, что делает эти организации особенно опасными для общества. Данная норма не ограничивает вовлечение в организацию лиц по возрасту, следовательно, можно допустить, что она охватывает и вовлечение в экстремистскую организацию несовершеннолетних. Но с учетом того что для этих преступных действий существует специальная уголовно-правовая норма — ч. 4 ст. 150 УК РФ, она имеет преимущество, тем более что по санкции (от 5 до 8 лет лишения свободы) эта норма превосходит ч. 1.1 ст. 282.2 УК (от 4 до 8 лет лишения свободы). Отграничение ч. 4 ст. 150 УК РФ от ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ нужно проводить, прежде всего, по возрасту потерпевших лиц, а также по объекту и объективной стороне этих преступлений. В составе ст. 150 УК РФ объектом является личность несовершеннолетнего, который вовлекается в преступление. Состав ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ охраняет общественные отношения, связанные с государственной властью. Здесь речь идет об экстремистской организации.

Преступления экстремистской направленности, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, необходимо отграничивать от других преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений либо по мотивам явного неуважения к обществу. Таким преступлением, например, является деяние, предусмотренное ст. 110 УК РФ «Склонение к самоубийству». Сегодня оно граничит с экстремизмом, так как совершается в отношении несовершеннолетних с использованием средств сети «Интернет» в организованном порядке. К сожалению, ежегодно фактов склонения несовершеннолетних к суициду экстремистски настроенными лицами становится все больше. По официальным данным, озвученным в докладе Министра внутренних дел Российской Федерации на заседании Коллегии МВД Российской Федерации 9 марта 2017 г., в 2016 г. по этой причине совершили суицид 700 несовершеннолетних [8]. На этот факт с беспокойством обратил внимание Президент России

В. В. Путин, выступая на Коллегии Генпрокуратуры Российской Федерации 14 марта 2017 г. [9].

Законодатель немедленно отреагировал на требование Президента России по усилению защиты жизни несовершеннолетних, приняв дополнительные законы. Уже в июне 2017 г. в УК РФ была введена ст. 151.2 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего». Кроме того, были введены две статьи, предусматривающие уголовную ответственность за «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» (ст. 110.1) и «Организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству» (ст. 110.2). Пункт «а» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за склонение к самоубийству несовершеннолетнего с максимальным наказанием — до 4 лет лишения свободы. Отграничение этого состава от ч. 4 ст. 150 УК РФ проходит по признакам объективной стороны и цели совершаемых преступных действий. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 для правильного установления мотива преступления следует учитывать длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе [7].

В завершение исследования вопросов ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступления экстремистской направленности следует отметить, что основной уголовно-правовой нормой в данном случае выступает ч. 4 ст. 150 УК РФ, в которую с 2007 г. введено специальное положение, предусматривающее ответственность за совершение этого преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Эта уголовно-правовая норма в ее новой редакции существенно изменила правовой характер ст. 150 УК РФ, фактически приравняв ее к составам, направленным на охрану государственной власти.

Склонение несовершеннолетних к экстремистской деятельности отличается от преступлений подобного рода, направленных против личности, прежде всего по субъективной стороне: мотиву и цели — вовлечение несовершеннолетних в преступную или иную вредную для общества деятельность. В свою очередь, по субъективным признакам определяется объект преступления, выступающий в качестве основного элемента при квалификации преступных действий. Другим отличительным признаком является состав экстремистских преступлений в ст. 282 УК РФ и толкование

их элементов постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. В этом же постановлении указано, что судам необходимо обеспечивать индивидуализацию наказания, назначаемого лицам, признанным виновными в совершении преступлений экстремистской направленности [7].

В части предупредительной деятельности государства нужно отметить необходимость введения в средние школы России правового воспитания учащихся. К этой деятельности целесообразно подключить работников правоохранительных органов в целях привития новому поколению уважения к закону и истории своей страны.

1. Сайт «Российская Газета». URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 08.06.2018).

2. Сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru> (дата обращения: 08.06.2018).

3. Портал ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации». URL: www.mvd.ru (дата обращения: 25.06.2018).

4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Решняк М. Г. К вопросу об обратной силе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации при производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2016. № 10. С. 34—37.

6. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: www.mvd.ru (дата обращения: 08.06.2018).

9. Сайт «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 08.06.2018).

© Ханахмедов А. С.. 2018

1. The site "Rossiyskaya Gazeta". URL: <https://rg.ru> (reference date: 08/06/2018).

2. The site of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <http://sledcom.ru> (reference date: 08/06/2018).

3. The Portal FGI "The Head Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (reference date: 08/06/2018).

4. On the judicial practice of the application of legislation regulating the peculiarities of criminal liability and punishment of minors: the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 No 1. Access from the legal system "Consultant Plus".

5. Reshnyak M. G. On the issue of the inverse force of the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal proceedings // The Russian Investigator. 2016. No 10. P. 34—37.

6. Borisov S. V. The crimes of extremist orientation: the problems of legislation and law enforcement: dis. ... dr. of law. Moscow, 2012.

7. On the judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist nature: the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11. Access from the legal system "Consultant Plus".

8. The official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: www.mvd.ru (reference date: 08/06/2018).

9. The site "The President of Russia". URL: <http://www.kremlin.ru> (reference date: 08/06/2018).

© Khanahmedov A. S., 2018

С. Ю. Бирюков, Д. Г. Скориков, А. А. Закатов

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье рассмотрены вопросы влияния культуры устной и письменной речи следователя на производство предварительного расследования по уголовным делам, установление психологического контакта с участниками уголовного судопроизводства: потерпевшим, свидетелями, подозреваемым, обвиняемым, понятыми и др. Культура устной и письменной речи следователя является одним из важнейших условий качественного проведения следственных действий. Она основывается на использовании точных, понятных, соответствующих литературной норме и речевой ситуации языковых средств. Для установления контакта с участниками следственных действий, оказания психологического воздействия на них, побуждения лиц к определенному поведению требуются выразительность, эмоциональность речи. Высказывания, в которых использованы различные выразительные средства языка, оказывают большее убеждающее воздействие, чем стилистически нейтральные сообщения. Предлагаются рекомендации, позволяющие наиболее эффективно произвести следственные действия.

Ключевые слова: допрос, обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, следственные действия, следователь, культура речи.

S. Yu. Biryukov, D. G. Skorikov, A. A. Zakatov

VALUE OF CULTURE OF SPEECH IN THE WORK OF THE FOLLOWER

The article discusses the influence of the culture of oral and written speech of the investigator on the preliminary investigation of criminal cases, the establishment of psychological contact with participants in criminal proceedings: victims, witnesses, suspects, accused, witnesses, etc. The culture of the oral and written speech of the investigator is one of the most important conditions for its qualitative conduct. It is based on the use of precise, understandable, appropriate literary norms and speech situation of language means. In order to establish contact with participants in investigative actions, to exert psychological influence on them, to induce persons to a certain behavior, expressiveness and emotionality of speech are required. Statements using various expressive means of language have a more persuasive impact than stylistically neutral messages. Recommendations are offered that make it possible to conduct investigative actions most effectively.

Key words: interrogation, accused, suspect, victim, witness, investigative actions, investigator, speech culture.

Речь является сложным и тонким инструментом общения. Даже из опыта повседневной жизни известно, что слова могут успокоить, ободрить, погасить конфликт, вызвать различные эмоции. Одни и те же слова могут вызвать отчуждение и доверие, с помощью одних и тех же слов можно сказать правду и обмануть.

Следователю постоянно приходится общаться с людьми, составлять протоколы и другие документы. Культура его устной и письменной речи — одно из важнейших условий повышения общей культуры следственных действий. По определению известного лингвиста С. И. Ожегова, «высокая культура речи — это умение правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами

языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное» [1, с. 287]. Здесь необходимо отметить, что следователь должен уметь находить языковые средства не только для передачи своих мыслей, но и для фиксации фактических данных, полученных при производстве следственных действий. При этом культура речи состоит в использовании точных, ясных, понятных, соответствующих литературной норме и речевой ситуации языковых средств [2, с. 12].

Известно, что отношение свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и других лиц к следователю формируется под влиянием различных факторов, зависит от его действий, манер, внешности и т. д. Однако часто эти факторы отступают на задний план перед оценкой того, как говорит следователь. Неправильная постановка ударения в словах, не соответствующее литературным нормам употребление слов, неверное синтаксическое построение высказываний и другие языковые погрешности могут вызвать отрицательное отношение к следователю, затруднить установление контакта с подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими, сделать тщетными попытки убедить их в чем-либо, оказать воспитательное воздействие.

Речевые ошибки, допускаемые следователем, могут создать у граждан неправильное представление о культурном уровне как конкретного должностного лица, так и должностных лиц органов внутренних дел в целом.

«Культура процессуального документа выражается в его общей и юридической грамотности. Элементарное требование к любому юристу — безупречное владение языком судопроизводства, умение грамотно излагать факты, аргументы, решения, если последние входят в его компетенцию. Юрист, который в своих письменных документах демонстрирует неумение грамотно формулировать то или иное положение, подрывает свою репутацию. Представим себе отношение обвиняемого, прочитавшего протокол своего допроса, составленный с рядом орфографических ошибок, к тому, кто его допросил. Грамматические ошибки, допущенные следователем или судьей, остаются в уголовном деле, „закрепляются“ в официальном документе. Они становятся достоянием участников процесса, судей вышестоящих судов» [3, с. 73].

Сегодня, в век «всеобщей компьютеризации», проблема «бланочно-грамотного» оформления процессуальных документов не стоит так остро, как во времена, когда основным инструментом в делопроизводстве была печатная машинка. Оснащение оргтехники значительно повысило уровень «документопроизводства», но не устранило вопроса содержательного наполнения процессуальных документов. Если в настоящее время участники досудебного судопроизводства вправе составлять их и при этом не обращать особого внимания на структуру, а уповать на имеющиеся в учреждении формы и образцы бланков протоколов, постановлений, ходатайств и т. д., то проблема грамотного, стилистически правильного изложения материала имеет особую актуальность [4, с. 37].

Конечно, необходимо учитывать и речевую ситуацию следственного действия. Ее составляют

многие факторы: предмет, цель, место, время общения, возраст, образовательный уровень участников следственного действия, их отношение к следователю, степень готовности вести беседу, речевой, жизненный и профессиональный опыт следователя и лиц, с которыми он общается. Очевидно, что нельзя говорить одним и тем же языком с пенсионером-бухгалтером и студентом гуманитарного вуза, с больным и здоровым, с подростком и взрослым и т. д. Соответствующую речевую тактику желательно определить уже в процессе подготовки к следственному действию, а затем корректировать ее в условиях реального общения. Так, предупредить свидетеля об уголовной ответственности за отказ и дачу заведомо ложных показаний можно в различной форме [5, с. 80]. Лицу, легкомысленно относящемуся к допросу, можно сделать строгое предупреждение, прочитать статью Уголовного кодекса Российской Федерации, грозящую наказанием за дачу ложных показаний; искренне желающему правдиво рассказать все, известное ему, можно сделать предупреждение в менее резкой форме, например: «Я не сомневаюсь, что Вы расскажете правду, но закон требует предупреждать каждого свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний». Другой пример. Подозреваемый, обвиняемый, даже правильно оценивая свои действия, все же часто не хочет сам «квалифицировать» их как кражу, разбой, хищение и т. д. [6, с. 133], поэтому в ходе следственных действий нежелательно злоупотреблять подобными словами, иначе можно потерять контакт с допрашиваемым, тем более что важно детально выяснить, какие действия совершены, а квалифицировать их можно и позднее без участия этого лица. При вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого приходится употреблять юридические термины, излагать обстоятельства дела юридическим языком.

Ознакомление обвиняемого с постановлением иногда создает напряженную обстановку. Чтобы этого избежать, нужна словесная разрядка, например, содержание постановления можно изложить другими словами, разъяснить необходимость употребления в официальных бумагах однозначных и общепринятых слов и фраз.

Соблюдение норм литературного языка не исключает использования следователем иных языковых средств в целях установления речевого контакта с допрашиваемым или другим участником следственного действия. К тому же в живой речи границы между различными ее стилями подвижны и не в каждом случае строго определены. В связи с этим с учетом речевой культуры свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого допустимо использование обиходно-разговорных, диалектных

слов и выражений, а исходя из тактических соображений, и некоторых жаргонных слов.

Одна из причин малой эффективности тактических приемов заключается в невыразительности, «казенности» речи следователя. Между тем для установления контакта с участниками следственных действий, оказания психологического воздействия на них, побуждения их к определенному поведению требуются выразительность, эмоциональность речи. Высказывания, в которых использованы различные выразительные средства языка, оказывают большее убеждающее воздействие, чем стилистически нейтральные сообщения. Так, для достижения выразительности речи в процессе допроса или общения в иной процессуальной форме могут приводиться соответствующие речевому контексту пословицы, поговорки, крылатые слова. Их житейская мудрость помогает убедить участников следственных действий в верности суждений следователя, вызвать у заинтересованных лиц правильную нравственную оценку своего поведения и облегчить достижение других целей общения. «Говоря правду, ничего не приходится запоминать», «Что написано пером — не вырубишь топором» и подобные им поговорки могут передать мысль более убедительно, чем эти же суждения, сделанные в иной форме. Целесообразно по возможности употреблять образные сравнения, метафоры, аллегории и другие выразительные средства.

Специфика требований, предъявляемых к составлению протоколов, заключается в более четком и строгом, по сравнению с устной речью, соблюдении языковых норм. Это обусловлено тем, что протокол является совместной речевой деятельностью следователя и других участников следственных действий, которые вряд ли останутся равнодушными к неграмотности в документе.

Одну и ту же мысль можно выразить в письменной речи различными стилистическими средствами. Под стилем обычно понимают совокупность языковых средств, придающих речи определенную окраску, закрепляющих слова конкретной сферой употребления. Различают нейтральную (межстилевую) лексику, лексику устной речи (разговорную), письменной речи (научную, официальную и т. д.). В свою очередь, каждый из названных пластов лексики имеет свои особенности.

При составлении протоколов, в которых фиксируются результаты исследования материальной обстановки, употребляется в основном нейтральная лексика письменной речи. Стилистически нейтральные слова, составляющие большую часть словарного запаса, свободны от эмоциональной окраски, выражающей субъективное отношение ли-

ца к тому, что он описывает. Тем самым нейтральная лексика более объективно отражает полученную в ходе следственных действий информацию.

Требование точности при составлении протоколов выражается в однозначности используемых слов и словосочетаний. Чем более многозначно речевое оформление, тем менее конкретна фиксируемая информация, а значит, тем больше будет отличаться восприятие различных лиц, знакомящихся с протоколом. «Язык законов, — писал известный советский лингвист академик Л. В. Щерба, — требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков» [7, с. 119].

Многозначность слов и выражений не способствует адекватному отражению фактических данных, может вызвать разночтение, двусмысленное толкование текста. Так, по делам о нарушении правил безопасности движения в протоколах часто записывают, что потерпевший «следовал» к остановке общественного транспорта. Между тем на судебном следствии могут возникнуть и возникают вопросы: шел ли потерпевший не спеша, ускоренным шагом или бежал. Разумеется, слово «следовал» не может внести ясности при разрешении этих вопросов. Если отдельные слова, предложения допускают различные толкования, они должны конкретизироваться. При этом полезно обращаться к толковым словарям. Помощь следователю в использовании слов, правильном наименовании предметов могут оказать и справочники. При уточнении значения слов и фраз, содержащихся в показаниях допрашиваемых, помогают приемы, основанные на сравнении предметов, их признаков. Допрашиваемому можно предложить сравнить признаки объектов, событий, являющихся предметом показаний, и хорошо известных ему объектов (например, названный цвет с цветом предмета, известного следователю и допрашиваемому); признаки объекта, о котором даются показания, и демонстрируемых предметов; подобрать синонимы; пояснить сказанное на фотоснимке, графическом изображении и т. п. Очевидно, что однозначность протокольного текста обеспечивается также применением в ходе следственных действий фото- и видеосъемки, изготовлением графических изображений [8, с. 43].

Для того чтобы текст протокола, в котором описывается материальная обстановка, был однозначным, следует избегать различных наименований одного и того же предмета. Трудно, например, понять, что именно осматривал следователь, если в протоколе это называется по-разному: монтировкой, ломиком, металлическим предметом.

Кроме того, при заполнении протоколов нужно стремиться к полноте отображения хода, содер-

жания и результатов конкретного следственного действия. Некачественно составленные протоколы могут служить причиной негативного отношения к должностным лицам органов предварительного расследования. Приведем несколько примеров: «при осмотре места происшествия обнаружена а/машина ГАЗ-2121, которая подлежит изъятию и приобщению к делу как вещественное доказательство»; «деньги в буфете хранились вместе с огурцами. Кроме того, в холодильнике обнаружена баранья голова, принадлежащая гр. Маминой»; «прибыв на место происшествия, произвел осмотр места преступления, где была совершена кража из магазина с участием понятых»; «трактор стоит на дороге под углом 45 ° передом, к Астрахани... задней частью»; «на лезвии топора имеются пятна бурого цвета в виде крови»; «на железнодорожном полотне лежит труп в вертикальном положении»; «труп на месте происшествия неразделался»; «при осмотре обнаружены различные предметы мужского туалета: ботинок с левой ноги, расческа, пустая бутылка из-под водки...»; «рядом с кроватью, против входа, у стены, стоит буфет, в котором стоит разнообразная посуда... Из этой комнаты справа имеется вход в другую комнату, которая имеет три окна»; «данный задержанный мною гражданин Быков Степан Николаевич, кроме того еще при его задержании мною бросился на меня с ножом столового типа».

В показаниях могут содержаться оценочные суждения, например, характеристика определенного лица как человека, страдающего алкогольной или наркотической зависимостью, добросовестного работника, хорошего или плохого семьянина. Во избежание различного понимания оценочных суждений допрашиваемым, следователем и другими участвующими в деле лицами в протоколе обязательно указываются основания таких суждений.

Большую помощь при наименовании и описании предметов, их признаков может оказать участвующий в следственном действии специалист [9, с. 112].

Понятно, что стремление к точности, однозначности языка не самоцель. В затруднительных случаях лучше подробно зафиксировать известные признаки предмета и воздержаться от его наименования или названия отдельных свойств. Так, если точно неизвестен тип узора папиллярных линий пальцев рук, отобразившихся в следе, обнаруженном на месте происшествия, не нужно называть его, лучше более подробно описать другие, индивидуализирующие след пальца признаки.

Важно особо осторожно, юридически точно формулировать вопросы допрашиваемым, так как по-

лученный ответ может быть правильно оценен только в совокупности с вопросом.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится требование по возможности дословно записывать показания, однако слепое следование данному правилу вряд ли будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства. Рассмотрим некоторые примеры: «в процессе дня я уезжал в центр города по хозяйственным делам»; «при обыске в доме сторожа Голованова, по поводу хищения двух овец, в укромном месте были найдены кишки, принадлежащие Голованову»; «...и вот тогда-то он бросился на меня, словно был вовсе не старший прораб, а самый настоящий клеопатр»; «когда я вошел в другую комнату, то на постели обнаружил почти голых мужчину и женщину, ведущих антиобщественный образ жизни»; «Иванов в присутствии граждан выражался нецензурной бранью, употребляя при этом половые органы»; «машина остановилась, поглядела и поехала дальше»; «с целью отобрания молотка к Бубнову подошел Чеботарев»; «нанес удар в область щеки»; «проходя мимо нас, мы увидели, что мужчина находился в нетрезвом состоянии»; «находясь в лагере, мое дело пересмотрено, и я был направлен на работу на тракторный завод»; «видел его в пьяном виде, расплевывая семечки по школе, на замечания дерзил, важно шагал по школе»; «в конце августа мы с Василием взяли двух курей на пятидесятой школе, в домике возле балки, курей принесли домой и съели».

Необходимо стремиться к дословной фиксации лишь существенных для дела сведений. Такой порядок записи показаний отвечает фактическим возможностям следователя. Попытки же записать показания дословно, в полном объеме даже с учетом оговорки закона, не реальны, так как протокол, в котором зафиксированы показания, является результатом взаимодействия следователя и лица, давшего показания.

Письменные показания отличаются от устных своей развернутостью, аргументированностью, в устной же речи информацию несут также мимика, жесты, интонация, окружающая обстановка.

Часто в показаниях лиц содержится обиходно-разговорная и просторечная лексика, эмоционально окрашенные слова. Было бы ошибочным при составлении протоколов приглушать стиль. Умеренное протоколирование выражений, несущих эмоциональную нагрузку, разговорных слов образно и убедительно выражает мысли лица, дающего показания, его отношение к людям и предметам, о которых он рассказывает. Для фиксации существенных для дела данных можно использовать

имеющиеся в речи допрашиваемого диалектизмы, профессионализмы, жаргонные слова.

Диалектные и жаргонные слова требуют пояснений в протоколе. Как правило, жаргонная лексика, свойственная преступникам, используется в случаях, когда в форме прямой речи необходимо передать содержание отдельных высказываний допрашиваемого, имевших место вне следственных действий, содержание его разговора с соучастниками, т. е. тогда, когда предметом допроса являются данные, которые при различных обстоятельствах выражались в речи.

Выполнение требования закона о дословной записи показаний избавляет от искажения получаемой информации, способствует установлению доверия к следователю. Лица, давшие показания, увидев в протоколе свойственные их речи слова и фразы, нередко испытывают чувство удовлетворения объективностью следователя.

Известно, что лица, давшие на предварительном следствии правдивые показания, иногда в суде дают заведомо ложные. При этом они ссылаются на то, что: следователь неправильно записал показания, не ознакомил с отдельными фрагментами показаний; допрошенный не полностью невнимательно прочитал протокол; не понял текста протокола, не

придал значения отдельным записям, считая их несущественными, и т. д. Недобросовестные лица могут также давать ложные объяснения своего удостоверения правильности протокола, например, ссылаются на плохое самочувствие во время проведения следственного действия, угрозы и другие незаконные приемы со стороны следователя, свое безразличное отношение к содержанию протокола из-за частых вызовов на допрос, излишнюю доверчивость и т. п. По возможности дословная запись в протоколе получаемых сообщений затрудняет отказ от данных ранее правдивых показаний, ограничивает диапазон ложных объяснений.

Понятность речи имеет значение не только для правильного понимания высказываний следователя участниками следственных действий, но и для уяснения им самим высказанной мысли. Необходимо также отметить, что одним из условий понятности речи следователя является краткость фразы. Это особенно важно при допросе несовершеннолетних, поскольку они могут не разобрататься в причастных и деепричастных оборотах, не понять, что сказал и записал следователь.

1. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.

2. Бирюков С. Ю. Правовая культура следователя // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2017. С. 12—15.

3. Кобликов А. С. Юридическая этика: учебник. М., 2015.

4. Никонов А. В., Горкина Е. В. Процессуальные документы: язык, стиль, типичные ошибки: учеб. пособие. Волгоград, 2017.

5. Коловоротный А. А., Скориков Д. Г. Особенности тактики допроса подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 79—83.

6. Скориков Д. Г. Особенности возбуждения уголовного дела о преступлениях экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 132—138.

7. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

1. Ozhegov S. I. Lexicology. Lexicography. A culture of speech. Moscow, 1974.

2. Biryukov S. Yu. Legal culture of the investigator // Theoretical and practical aspects of the development of legal science: sat. articles of the international scientific-practical conference Saratov, 2017. P. 12—15.

3. Koblikov A. S. Legal Ethics: textbook. Moscow, 2015.

4. Nikonov A. V., Gorkina E. V. Procedural documents: language, style, typical mistakes: study aid. Volgograd, 2017.

5. Kolovorotny A. A., Skorikov D. G. Features of the tactics of interrogation of suspects accused in criminal cases of crimes under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2017. No 2 (41). P. 79—83.

6. Skorikov D. G. Features of the criminal case on crimes of extremist orientation // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2012. No 4 (23). P. 132—138.

7. Shcherba L. V. Selected works on the Russian language. Moscow, 1957.

8. Скориков Д. Г. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности // Судебная экспертиза. 2012. № 1 (33). С. 39—46.

9. Скориков Д. Г., Пупцева А. В. Процессуальные формы взаимодействия следователя с оперативными службами при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 109—113.

© Бирюков С. Ю., Скориков Д. Г.,
Закатов А. А., 2018

8. Skorikov D. G. Specifics of the appointment of forensic examinations in the investigation of crimes of extremist orientation // Forensic examination. 2012. No 1 (33). P. 39—46.

9. Skorikov D. G., Puptseva A. V. Procedural forms of interaction of the investigator with operational services in the investigation of extremist crimes // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2016. No 3 (38). P. 109—113.

© Biryukov S. Yu., Skorikov D. G.,
Zakatov A. A., 2018

* * *

УДК 343.132
ББК 67.410.212.2

DOI 10.25724/VAMVD.DCDE

Е. В. Горкина

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Уголовно-процессуальное законодательство России постоянно претерпевает изменения. Система следственных действий, существующая в настоящее время, хорошо обеспечивает процесс сбора доказательств при расследовании преступлений. Однако ряд процедур требует совершенствования. Проверка показаний на месте с момента принятия действующего уголовно-процессуального закона и до нынешнего дня безосновательно оставлена законодателем без внимания. В связи с этим остро стоит вопрос о целесообразности существования данного следственного действия. Диспозиция соответствующей статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не дает четкого и полного представления о сущности и целях указанного следственного действия, кроме того в ней не регламентированы особенности процедуры, которые бы позволили считать ее легитимной при любых условиях. Нерешенными являются проблемы возможности производства поисковых действий, обеспечения законности производства проверки показаний на месте в жилище, изъятия обнаруженных в ходе проверки показаний на месте предметов и др. Данные пробелы приводят к отсутствию единообразного толкования норм ст. 194 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и реализации данного следственного действия как средства добывания доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: проверка показаний на месте, следственное действие, порядок и условия производства, пробелы, доказательство, показания.

E. V. Gorkina

VERIFYING EVIDENCE ON SITE: PENDING PROBLEMS

The Russian Criminal Procedure Code is undergoing necessary revisions, improving certain procedures. The current system of investigation activities provides fairly well for collection of evidence when investigating a crime. However, some procedures require optimization. Verifying evidence on site has been groundlessly neglected by legislators since the effective date of the current Criminal Procedure Code. This emphasizes the feasibility issue of this investigation activity. The wording of the respective clause in the Russian Criminal Procedure Code does not give a clear-cut and full picture of the essence or purposes of this investigation activity, besides it falls short of regulating the specific features of the procedure, which could legitimize it under any circumstances. Pending also are issues of search possibilities, insurance of legitimacy of verifying evidence on site in a house, impound-

ment of articles, found on site while verifying evidence, etc. These discrepancies result in non-uniform interpretation of provisions in clause 194 of the Russian Criminal Procedure Code and hamper implementation of investigation activity as a means of obtaining evidence in penal cases.

Key words: verifying evidence on site, investigation activity, process and conditions of procedure, discrepancies, proof, evidence.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) за без малого семнадцать лет с момента принятия претерпел колоссальное количество изменений. Усовершенствование коснулось практически всех сфер правового регулирования: от общих положений уголовно-процессуального законодательства до вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Не осталось без изменения и большинство норм, определяющих порядок и условия производства следственных действий. Из двенадцати следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, изменения не коснулись лишь трех, одним из которых является проверка показаний на месте. Исходя из этого логично предположить, что процессуальная регламентация проверки показаний на месте совершенна и не требует внимания законодателя, однако это не соответствует действительности, хотя существует мнение, что «все спорные вопросы в отношении этого следственного действия решены и практика его применения бесспорна» [1, с. 51]. Более того, содержание имеющихся норм и пробельность нормативного регулирования в определении ряда актуальных моментов, необходимых для законного и эффективного производства данного следственного действия, вызывают дискуссии среди ученых и правоприменителей еще со времени действия УПК РСФСР 1961 г.

Мы нисколько не умаляем потенциала и значимости проверки показаний на месте для процесса доказывания, но считаем спорным утверждение о том, что в ст. 194 УПК РФ предпринята и реализована попытка законодателя «сформулировать такое следственное действие, которое в полной мере отвечало бы теоретическим положениям уже существующих следственных действий и могло вполне удовлетворять практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [2, с. 9]. Данное следственное действие, как правило, является длительным, связано с необходимостью тщательной организации, привлечением широкого круга участников и составлением объемного протокола. Однако нормы ст. 194 УПК РФ кратки, а общее регулирование вопросов производства следственных действий также не отражает ряда условий, нужных для него.

В действующем УПК РФ не раскрыта сущность проверки показаний на месте, а лишь определены ее основные признаки, что заставляет теоретиков и практиков расширительно толковать данные нормы и может повлечь за собой нарушения законодательства. По этой причине в научной литературе до сих пор ведутся дискуссии относительно сути и содержания изучаемого следственного действия и правомерности его существования в системе следственных действий.

Н. П. Яблоков рассматривает проверку показаний на месте как «самостоятельное следственное действие, производимое в целях установления новых обстоятельств, путем проверки или уточнения на месте, связанном с исследуемым событием, ранее данных показаний» [3, с. 532]. Однако в данное определение включены лишь признаки, имеющиеся в соответствующей статье УПК РФ, поэтому оно является неполным.

Более удачным нам представляется мнение авторов, которые с учетом утверждения С. Б. Россинского о комплексном гносеологическом характере данного следственного действия, его сложной познавательной сущности [4, с. 5] определяют проверку показаний на месте как «следственное действие комплексного гносеологического характера, состоящее в показе лицом, правдивость показаний которого проверяется, определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных на этом месте действиях, демонстрации определенных действий, исследовании указанного места и сопоставлении сведений, сообщенных лицом, с объективной обстановкой на месте» [5, с. 54]. Согласно этой дефиниции проверка показаний на месте — следственное действие структурно более сложное, чем отражено в УПК РФ, с более широким целеполаганием. Однако авторы указанного определения придерживаются позиции, в соответствии с которой проверка показаний на месте вообще не должна входить в систему следственных действий и быть самостоятельным оригинальным средством получения доказательств. Сразу выразим свое несогласие, а несколько ниже приведем его аргументацию.

Указание в ст. 194 УПК РФ единственной цели проверки показаний на месте как установления новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, по меньшей мере представляется странным. Во-первых, в данной формулировке цель входит в противоречие с самим названием следственного действия. Проверка уже имеющегося очень условно может являться источником новых существенных знаний. Во-вторых, целью любого следственного действия как средства получения доказательств служит установление каких-либо ранее не известных обстоятельств. Однако каждое следственное действие в зависимости от процедурного и тактического инструментария устанавливает эти обстоятельства посредством решения конкретных задач. Здесь мы абсолютно поддерживаем С. А. Шейфера, который подчеркивает, что подобная формулировка цели «лишь затуманивает смысл проверки на месте, ибо любое следственное действие направлено на выявление существенных обстоятельств дела, в том числе новых» [6, с. 186]. По мнению автора, данные обстоятельства должны быть скорректированы, а пробел заполнен для более четкого понимания сути и обоснованности существования рассматриваемого следственного действия, что постоянно ставится под сомнение. В связи с этим более последовательным выглядит опыт зарубежных государств. Так, согласно ст. 257 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан проверка и уточнение показаний на месте производится: а) для выявления достоверности показаний путем их сопоставления с обстановкой происшедшего события; б) уточнения маршрута и места, где совершались проверяемые действия; в) установления новых фактических данных. Сходные цели содержатся в ст. 225 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Приведенная формулировка не совсем импонирует автору, однако здесь видны четкость и логичность в определении предполагаемого хода и результатов следственного действия. Что касается его названия, то здесь законодатели иностранных государств оказались по большей части солидарны с российским. Оно представляется обоснованным, так как не входит в противоречие с целеполаганием следственного действия.

Мнения противников существования проверки показаний на месте чаще всего сводятся к тому, что следственное действие проводится для обеспечения положения, когда обвиняемый не сможет отказаться от показаний, которые он дал несколько раз, и не представляет полезности с точки зрения получения новых фактических данных. Так, В. И.

Зажицкий говорит о том, в период действия Уголовно-процессуального кодекса 1960 г. наряду с производством в необходимых случаях следственного эксперимента, предусмотренного законом, имела место негативная практика использования следователями и оперативными сотрудниками «...так называемой проверки показаний на месте». Цель такой проверки, по мнению ученого, «состоит в том, чтобы обвиняемый повторил свое признание в преступлении при понятых и не решился затем от него отказаться — независимо от правдивости или ложности этого признания, а также в том, чтобы искусственно создать свидетелей путем допроса понятых, присутствовавших при этом мероприятии» [7, с. 31].

Похожий пример из года в год в своих работах приводит Б. Т. Безлепкин. Он отмечает, что «подобные следственные мероприятия не служат ни способом получения новых доказательств, ни способом проверки или закрепления уже имеющихся. Повторение обвиняемыми своих показаний на свежем воздухе новым способом получения фактических данных не является и, таким образом, самостоятельного следственного действия не образует. Если обвиняемый в суде отказывается от своих показаний, данных в кабинете следователя, то утрачивает всякое значение не только протокол его допроса в этом кабинете, но и протокол проверки показаний на месте» [8].

Считаем, что подобные утверждения являются не вполне состоятельными и иллюстрируют возможное положение вещей лишь отчасти. В противовес ярким противникам проверки показаний на месте, которые считают данное следственное действие вредоносным суррогатом, обоснуем наше в корне отличное мнение.

Итак, отметим, что, во-первых, по ныне действующим нормам присутствия понятых при проверке показаний не требуется. Хотя, если исходить из смысла возможных претензий, следователь вправе их пригласить в качестве «дополнительных свидетелей». Во-вторых, гарантией допустимости первоначальных показаний подозреваемого (обвиняемого) и показаний, даваемых при их проверке, является присутствие на следственных действиях защитника. В-третьих, названные выше авторы явно сужают возможности проверки, и сущность следственного действия неоправданно сводится к дублированию показаний «на свежем воздухе», несмотря на его изрядный потенциал.

Безусловно, в правоприменительной практике существуют перегибы, при которых контролирующие и надзирающие должностные лица обязывают следователей проводить проверку показаний

на месте, например, по каждому уголовному делу о краже из жилища. Часто данное следственное действие превращается именно в повтор ранее данных показаний обвиняемым в присутствии понятых либо без них, но с применением малоинформативной фотофиксации. На фото обвиняемый, как правило, указывает на дверь жилого помещения, из которого совершена кража, и места, откуда похищены те или иные объекты. Однако если в ходе предыдущих следственных действий получены данные, позволяющие не сомневаться в осведомленности обвиняемого о месте совершения преступления и его обстоятельствах, то проверка показаний на месте обретает характер впустую потраченного времени и других ресурсов органов предварительного следствия, что действительно дискредитирует ее как надлежащий инструмент получения доказательств.

Далее приведем доводы по существу несомненной практической значимости и полезности рассматриваемого следственного действия.

Согласно эмпирическим исследованиям проверка показаний на месте преимущественно проводится при расследовании преступлений против собственности (37 %), жизни и здоровья (убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью или средней тяжести, побои) (30 %), реже при расследовании преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности (8 %), безопасности дорожного движения (5 %) и др. [9, с. 21].

По делам о преступлениях против жизни и здоровья следователи часто назначают медицинские ситуационные экспертизы. Они являются одним из способов проверки показаний участников процесса [10, с. 13]. Для их производства следователь направляет в экспертное учреждение заключения ранее проведенных медицинских и иных экспертиз, а также материалы уголовного дела. Прежде чем назначить ситуационную экспертизу, следователь обязан проверить и уточнить показания обвиняемого, даваемые по фактам обстоятельств и способа причинения телесных повреждений. Для этого проводится проверка показаний на месте, в ходе которой с учетом обстоятельств конкретного преступления обвиняемый должен на месте дать показания и продемонстрировать по возможности точно свое местоположение относительно потерпевшего в момент причинения телесных повреждений, направление орудия преступления, механизм причинения вреда здоровью, локализацию и количество ударов и др. Кроме составления протокола следственного действия обязательной является фото- либо видеофиксация действий обвиняемого. В этих случаях проверка по-

казаний на месте — единственно возможное средство более или менее точного воспроизведения обстановки совершения преступных действий обвиняемым. По результатам комплексного анализа представленных материалов эксперт может сделать вывод о соответствии показаний обвиняемого объективным данным медицинской документации. Нам представляется очевидным, что в подобных случаях нет возможности заменить проверку показаний на месте каким-либо другим следственным действием, в частности следственным экспериментом, поскольку он имеет другие задачи.

Не менее иллюстративным примером в защиту состоятельности проверки показаний на месте выступает необходимость ее производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Здесь исключительно в рамках рассматриваемого следственного действия можно решить ряд задач: установить осведомленность лица о совершенном преступлении (месте, обстановке, совершенных действиях); составить полное представление о пути следования к месту совершения преступления и самом месте преступления (его точное местонахождение, обстановка) [11]. Так, при расследовании преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, совершаемых с использованием средств связи, а также сети «Интернет», выявляется, что процесс сбыта заключается в создании практически бесконтактной цепочки «организатор — потребитель». В случае задержания потребителя либо закладчика из их показаний практически невозможно составить точное представление о месте закладки за отсутствием конкретного почтового адреса (тайники под камнями, в урнах, возле знаков дорожного движения и т. д.). Данный пробел можно восполнить путем указания на место преступления в рамках проверки показаний на месте. Кроме того, в ходе проведения данного следственного действия возможно обнаружение и изъятие из оборота самих наркотических средств, вновь помещенных в тайник закладчиком.

Приведенные примеры, на наш взгляд, не оставляют сомнений в необходимости и незаменимости проверки показаний на месте при расследовании преступлений различных видов. В рамках одной процессуальной процедуры решается ряд задач, в том числе по получению новых фактических данных. Другой вопрос, что правовая конструкция ст. 194 УПК РФ является пробельной и приводит к неоднозначному пониманию содержания данного следственного действия теоретиками и практиками. Не вызывает сомнения, что проверка показаний на месте представляет собой ком-

плексное следственное действие и включает в себя отдельные признаки других следственных действий. Однако, по нашему мнению, ошибочно помимо приемов таких следственных действий, как осмотр места происшествия, допрос и следственный эксперимент, применяемых в ходе проверки, неоправданно расширять пределы проверки показаний на месте, переходя, например, к активным поисковым действиям. Они могут вступать в противоречия с интересами лиц, в помещении либо жилище которых производится следственное действие, вести к необоснованному ограничению их конституционных прав. В случае включения возможных активных элементов обыска возникает вопрос об обязательном участии понятых, что при проверке показаний на месте законом не предусмотрено.

Некоторые авторы также полагают, что проверка показаний на месте содержит в себе черты предъявления для опознания неподвижных объектов. Мы считаем это утверждение спорным, поскольку подобное опознание может производиться лишь по фотографии, так как закон требует предъявлять для опознания не менее трех объектов одновременно, что весьма затруднительно в описываемой ситуации. Значит, узнавание какого-либо неподвижного объекта участником проверки показаний на месте нельзя даже в части сравнивать с указанным следственным действием, а можно проводить только в рамках оперативно-разыскного мероприятия — обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

В завершение подчеркнем, что для устранения противоречивости нормативного регулирования проверки показаний на месте законодателю необходимо как можно скорее заполнить несколько основных пробелов, в первую очередь четко из-

ложить в статье цели следственного действия, не останавливаясь на формулировке об «установлении новых обстоятельств».

Существенным является вопрос об алгоритме деятельности следователя при обнаружении в ходе проверки криминалистически значимых объектов, который также обделен вниманием законодателя. Практики выходят из данной ситуации по-разному: прерывают проверку показаний на месте, либо по окончании следственного действия изымают предметы в ходе осмотра, либо изымают требуемое, не прерывая проверки, занося процесс изъятия в протокол. На наш взгляд, не стоит усложнять работу правоприменителей нагромождением лишних мероприятий и документов, а в соответствующей норме следует прямо указать на возможность обнаружения и изъятия предметов. С учетом того что проверка показаний на месте в жилище вторгается в сферу конституционных прав граждан, а в ходе ее производства не исключается возможность производства поисковых действий, ее необходимо внести в перечень действий, производимых по решению суда.

Кроме того, как уже отмечалось ранее, в ходе проверки показаний на месте нужно предусмотреть обязательное участие понятых не с целью «привлечь дополнительных свидетелей дачи признательных показаний», а для обеспечения законности процедуры при возможной необходимости производства тех самых поисковых действий, которые нуждаются в дополнительных гарантиях (ст. 182, 170 УПК РФ). Только с учетом выполнения этих условий законодателем у ученых и правоприменителей больше не будет оснований для обсуждения вопроса о несостоятельности рассматриваемого следственного действия.

1. Центров Е. Е. О сути следственного действия «проверка показаний на месте» // Законность. 2013. № 10. С. 50—55.

2. Белоусов В. И., Натура А. И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного следствия: учеб.-практ. пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2008.

3. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. 4-е изд. М.: Юрист, 2014.

4. Россинский С. Б. Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу: возможные варианты решения проблемы // Российский следователь. 2013. № 17. С. 4—9.

1. Centrov E. E. On the essence of the investigative action "verification of evidence on the spot" // Legality. 2013. No 10. P. 50—55.

2. Belousov V. I., Natura A. I. Check of indications on the spot in the course of the preliminary investigation: study-practical. allowance. Moscow: CCDC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008.

3. Yablokov N. P. Criminalistics: textbook. 4 th ed. Moscow: Yurist, 2014.

4. Rossinsky S. B. The ratio of the results of non-verbal investigative and judicial actions with evidence in the criminal case: possible options for solving the problem // Russian investigator. 2013. No 17. P. 4—9.

5. Осавельюк Е. А., Антипов О. С. Проверка показаний на месте как следственное действие: проблема состоятельности в современном уголовно-процессуальном законодательстве России // Вопросы современной юриспруденции: сб. статей по материалам XLVIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2015. № 4 (46). С. 44—49.

6. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: НОРМА, 2009.

7. Зажицкий В. И. Нужно ли следственное действие с «участием» куклы? // Российская юстиция. 2012. № 9. С. 31—34.

8. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Давыдов М. В. Проверка показаний на месте как средство познания обстоятельств совершенного преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

10. Третьяк Н. Н., Пысина Г. А. Назначение и порядок проведения ситуационной экспертизы // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск, 2002. № 5. С. 13—15.

11. Земцова С. И. Цель и задачи проверки показаний на месте при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современное право. 2015. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Osavelyuk E. A., Antipov O. S. Check of indications on the spot as an investigative action: the problem of solvency in the modern criminal procedural legislation of Russia // Issues of modern jurisprudence: sat. articles on materials XLVIII international. scientific-practical. conference. Novosibirsk: SibAK, 2015. No 4 (46). P. 44—49.

6. Shafer S. A. Evidence and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. Moscow: NORMA, 2009.

7. Zazhitsky V. I. Is it necessary to investigate the action with the "participation" of the doll? // Russian justice. 2012. No 9. P. 31—34.

8. Bezlepkina B. T. Criminal process in questions and answers: study aid. Access from the legal system "ConsultantPlus".

9. Davydov M. V. Verification of testimony on the spot as a means of cognizing the circumstances of the committed crime: the author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow, 2011.

10. Tretiak N. N., Pysina G. A. Purpose and procedure for conducting situational expertise // Selected issues of forensic medical examination. Khabarovsk, 2002. No 5. P. 13—15.

11. Zemtsova S. I. The purpose and tasks of checking the testimony on the spot when investigating crimes related to drug trafficking // Modern law. 2015. No 8. Access from the legal system "ConsultantPlus".

© Gorkina E. V., 2018

© Горкина Е. В., 2018

УДК 343.98
ББК 67.523.12.

DOI 10.25724/VAMVD.DDEF

С. С. Домовец

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть основные элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере банковского кредитования. Автор анализирует информацию о способах совершения и сокрытия преступления, личности преступника, механизме слеодообразования, об обстановке, в которой совершаются данные преступления. В статье указана взаимосвязь названных выше элементов криминалистической характеристики и необходимости их выявления для эффективного расследования мошенничества в сфере кредитования. Рассмотрены основные способы совершения мошенничества в сфере кредитования, используемые преступниками для достижения поставленных целей. Автор обращает внимание на значимость механизма слеодообразования. В данном контексте речь идет в основном о фиктивных или фальсифицированных документах, предоставляемых банку для получения кредита. Кроме того, автор в числе основных элементов криминалистической характеристики указывает личность преступника и обстановку, в которой совершалось преступление.

Ключевые слова: кредит, банк, преступление, мошенничество, способ совершения, преступник, сокрытие, механизм следообразования, обстановка преступления.

S. S. Domovets

**ON SOME ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS
OF FRAUD IN THE FIELD OF CREDIT**

The article attempts to consider the main elements of the forensic characteristics of fraud in the field of Bank lending. The author analyzes the information about the method of committing a crime in the sphere under consideration, about the method of concealment of the crime, about the identity of the offender, about the mechanism of investigation, about the situation in which these crimes are committed. In the article the author points to the relationship of the above elements of forensic characteristics and the need to identify and establish them for effective investigation of fraud in the field of credit. The article describes the main ways of committing fraud in the field of credit used by criminals to achieve their goals. The author also points to the mechanism of investigation. In this context, it is mainly about fictitious or falsified documents provided to the Bank to obtain a loan. In addition, the author among the main elements of the forensic characteristics indicates the identity of the offender and the situation in which the crime was committed.

Key words: credit, bank, crime, fraud, method of commission, criminal, concealment, mechanism of investigation, crime situation.

Так сложилось, что полемика о понятии и элементном составе криминалистической характеристики преступлений не прекращается на протяжении многих десятилетий. Безусловно, этот вопрос важен, поскольку только на основе знания криминалистической характеристики того или иного преступления можно планировать и осуществлять его расследование.

Под криминалистической характеристикой преступлений понимают систему криминалистически значимых сведений о типичных, закономерно связанных между собой элементах определенных категорий преступлений и условиях их совершения [1, с. 67]. Что касается элементного состава криминалистической характеристики, то авторы методик расследования экономических преступлений выделяют следующие ее элементы [2; 3; 4; 5]:

1) способ совершения преступления (Е. А. Тришкина, В. А. Козлов, Ю. В. Трунцевский, К. А. Пирцхалава);

2) способ сокрытия (В. А. Козлов, Ю. В. Трунцевский);

3) предмет преступного посягательства (Ю. В. Трунцевский, К. А. Пирцхалава);

4) сведения о личности преступника (О. В. Чельшева, М. В. Феськов, Ю. В. Трунцевский, К. А. Пирцхалава, Е. А. Тришкина, Р. В. Бобринев);

5) обстановку совершения преступления (О. В. Чельшева, М. В. Феськов, Ю. В. Трунцевский, В. А. Козлов, Р. В. Бобринев);

6) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (Ю. В. Трунцевский, В. А. Козлов, Е. А. Тришкина);

7) механизм следообразования (В. А. Козлов, К. А. Пирцхалава).

Среди наиболее важных элементов криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования можно выделить:

1) информацию о способе совершения преступления;

2) данные о личности преступника;

3) данные о способе сокрытия преступления;

4) механизм следообразования;

5) обстановку, в которой обычно совершаются преступления этой категории.

Для успешного раскрытия, расследования (в некоторых случаях и предупреждения) мошенничества в сфере кредитования необходимо установление возможного способа совершения данного преступления. Именно от этой информации может зависеть направление дальнейшего расследования.

Большинство способов совершения мошенничества в сфере кредитно-банковских отношений не отличается новизной. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

1. Получение кредита по поддельным документам. К сожалению, несмотря на техническую оснащенность служб безопасности банков, часто выявить факт подделки не представляется возможным. Здесь речь идет в большей степени о небольших потребительских кредитах, когда уровень проверки предоставленных документов не слишком серьезен (получение ипотечного кредита или автокредита). Преступники могут использовать чужой паспорт, полученный в результате потери или иной утраты, а также могут изготовить поддельный. Кроме того, сегодня возможно оформление онлайн-заявок на получение кредита, и, соответственно, от заемщика требуется только указание всех данных, включая конфиденциальные, на сайте банка. Более того, большинство банков заявляет о выдаче кредита без залога и поручителей. Неудивительно, что преступникам предложенные условия кажутся привлекательными и легко осуществимыми. Как следствие, после предоставления документов и получения денег взаимоотношения между банком и заемщиком прекращаются. Найти физическое лицо, совершившее данные преступные действия, непросто.

Что касается ложности предоставляемых документов, то содержащаяся в них информация (ложная) может быть об абсолютно любых обстоятельствах (размер заработной платы, стоимость имущества, его качественные характеристики и т. д.). Действия лица в этом случае характеризуются прямым умыслом, о нем свидетельствуют следующие обстоятельства:

— заведомая финансовая неспособность заемщика в дальнейшем исполнять условия кредитного договора;

— предоставление не только поддельных документов, подтверждающих личность, но и уставных, учредительных, а также тех, которые дают право заниматься той или иной деятельностью;

— умалчивание (сокрытие) данных об уже имеющихся кредитных задолженностях.

2. В некоторых случаях мошенничество может быть осуществлено сотрудниками банка. Они могут изначально состоять в сговоре с лицами, планирующими совершить преступление, и оказывать им содействие в принятии подложных документов, оперативном и беспроblemном рассмотрении вопроса о выдаче кредита, а могут совершать мошенничество самостоятельно, например размещать объявления о кредите без представления справки о доходах. В силу тех или иных обстоятельств некоторые граждане идут на такой шаг. Сотрудник банка или лицо, представившееся таковым, может оформить на паспорт гражданина несколько кредитов, после чего вернуть документ и сообщить, что кредит не может быть оформлен по какой-либо причине. По истечении некоторого

времени несостоявшемуся клиенту начнут приходить уведомления о необходимости погашения непоплаченных кредитов и процентов по ним, о существовании которых он и не подозревал.

Кроме того, возможен вариант, когда гражданину дают на подпись множество документов, разобраться в сущности которых невозможно без соответствующих знаний в области кредитования, экономики и финансов. Затем ему приходят уведомления о просроченном платеже по кредиту, о каком он не имел понятия.

3. Преступники используют и более сложные способы совершения преступлений, требующие длительной подготовки, которая часто связана с созданием фиктивных фирм, так называемых «однодневок», подбором соучастников, готовых подтвердить финансовую активность, состоятельность и положительную деловую репутацию организации, в том числе из числа работников банковских учреждений, поиском сложных вариативных способов перевода денег (не исключено, что и на счета иностранных банков). Свою финансовую и деловую активность преступники могут также продемонстрировать путем размещения в средствах массовой информации рекламы, покупки оргтехники, открытия расчетных счетов и т. д.

4. Использование поддельных или похищенных кредитных карт. Подготовка к такому мошенничеству может включать в себя следующие действия: поиск информации о порядке пользования кредитной пластиковой картой, изготовление поддельных карт, приобретение подлинных карт, приискание потенциальных потерпевших, у которых будет похищена карта, их анкетных данных для отправления в дальнейшем писем от имени банка, выпустившего карту, о подтверждении паролей и пин-кодов карты и др. Безусловно, данный перечень способов совершения мошенничества в рассматриваемой сфере не является исчерпывающим, существуют и иные, применяемые намного реже.

Каждый преступник рассчитывает на то, что его причастность к преступлению не будет установлена. Для этого совершается ряд подготовительных или последующих действий, направленных на сокрытие преступной деятельности. Так, при предоставлении документов преступники могут менять внешность или ее отдельные элементы, манеру общения, акцент, сообщать ложную информацию о своих личных или контактных данных. Если речь идет о поручительстве, то они могут склонять поручителя к даче ложной информации о личности заемщика.

Часто рассматриваемые преступления совершаются лицами, не имеющими постоянного места работы, фиксированного дохода. Мошенникам присущи такие качества, как хитрость, дерзость,

предприимчивость, способность прогнозирования. Как правило, они владеют некоторой информацией о банковских процедурах. Рассматриваемые преступления могут совершаться и группой лиц, где заранее распределены все роли.

Механизм слеодообразования — важный элемент криминалистической характеристики любого преступления, в том числе мошенничества в сфере кредитования. Именно правильно определенные и изъятые следы наряду с прочими доказательствами составляют доказательственную базу [6, с. 59]. Установление механизма слеодообразования является серьезным этапом при раскрытии и расследовании мошенничества в сфере кредитования. В первую очередь следы находят свое отражение в документах, предоставляемых недобросовестным заемщиком в банк для получения кредита. Указанные документы могут быть фиктивными или фальсифицированными. В случае если заемщик предоставляет работнику банка подложные документы (например, паспорт или справку о доходах), речь идет о подаче полноценных документов по форме, но не соответствующих действительности по факту (т. е. сам паспорт подлинный, но не является документом, подтверждающим личность заемщика). Может присутствовать и подделка документа, замена фотографий, подписи и др. Кроме того, банку могут быть предоставлены

фиктивные или фальсифицированные документы об имуществе, о различных финансовых обязательствах (в том числе невыполненных).

Кроме материальных следов в ходе совершения мошенничества могут образовываться и идеальные. К ним можно отнести показания свидетелей о признаках внешности преступника, времени совершения преступления и т. д.

Обстановка совершения преступлений рассматриваемой категории чаще всего соответствует самому преступлению, т. е. в большинстве случаев мошенничество совершается в банках, если речь идет об использовании банковских карт — возле банкоматов, реже на нейтральной территории, если преступление совершается группой лиц. Время совершения мошенничества в сфере кредитования часто соответствует рабочему графику банков.

Криминальные посягательства в сфере экономики отличаются разнообразием, изощренностью, высокоинтеллектуальным характером, быстрой адаптацией к новым формам и методам экономической деятельности [7, с. 70], именно поэтому следователи и сотрудники оперативных подразделений должны располагать информацией о наиболее значимых элементах криминалистической характеристики преступления, которые представляют собой цельную систему. Это является залогом успешного расследования преступлений.

1. Криминалистика / под ред. А. А. Закатова, Б. П. Смагоринского. М., 2003. 167 с.

2. Козлов В. А. Борьба с преступностью в сфере экономики. М., 2005. 194 с.

3. Пирцхалава К. А. Выявление и первоначальный этап расследования уклонений от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 24 с.

4. Тришкина Е. А. Методика расследования преступлений в сфере налогообложения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 194 с.

5. Трунцевский Ю. В. Криминалистическая и иные виды характеристик налоговых преступлений. М., 2005. 95 с.

6. Домовец С. С., Волколупов В. Г., Двуреченская Н. А. Особенности расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем (ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): учеб. пособие. Волгоград, 2017. 90 с.

7. Еремин С. Г., Ковалев С. А. О проблемах криминалистического обеспечения экономической безопасности России // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016. С. 69—74.

1. Criminology / ed. by A. A. Zakatov, B. P. Smagorinsky. Moscow, 2003. 167 p.

2. Kozlov V. A. Fight against crime in the sphere of economy. Moscow, 2005. 194 p.

3. Pirtskhalava K. A. Identification and initial investigation of evasion from payment of taxes or insurance contributions to state extra-budgetary funds: thesis for a candidate's degree in juridical sciences. Moscow, 1999. 24 p.

4. Trishkina E. A. Methods of investigation of crimes in the field of taxation: candidate's degree in juridical sciences. Volgograd, 1999. 194 p.

5. Trenczevsky Yu. V. Forensic and other characteristics of tax crimes. Moscow, 2005. 95 p.

6. Domovets S. S., Volkolupov V. G., Dvurechenskaya N. E. Features of investigation of crimes related to the legalization of proceeds from crime (Art. 174, 174.1 of the Criminal code of the Russian Federation): studies. Manual. Volgograd, 2017. 90 p.

7. Eremin S. G., Kovalev S. A. On problems of criminalistic ensuring economic security of Russia // Criminology and forensic science in the modern world: materials of the IV international scientific-practical conference. Krasnodar, 2016. P. 69—74.

© Domovets S. S., 2018

© Домовец С. С., 2018

И. В. Казначей, В. В. Тихонов

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРАВОВОЙ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
(НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ
В КРИМИНАЛЬНОМ АВТОБИЗНЕСЕ)**

Актуальность выбранной темы научной статьи продиктована рядом факторов, в первую очередь связанных с увеличением данных статистики, свидетельствующих о совершении преступными сообществами (преступными организациями) преступлений в отношении транспортных средств. Констатируется, что на вооружении преступных сообществ (преступных организаций) находятся новейшая техника и технологии, разработанные методы совершения преступных действий, что существенно затрудняет процессы раскрытия и расследования преступлений. Авторами предложено рассмотреть деятельность преступных сообществ (преступных организаций), специализирующихся на незаконном обогащении от продажи транспортных средств, их частей и сопутствующих товаров, в контексте существующего процесса глобализации. В статье обращено внимание на тенденцию возникновения транснациональных преступных сообществ (преступных организаций) в сфере криминального автобизнеса. Учтены особенности, характеризующие транснациональные преступные сообщества (преступные организации) по признаку их комплексности и наличию в них организационных структур. Исследовано определение «организованной преступности», в котором предложено учитывать мотивы и отношения, складывающиеся между ее участниками. Посредством примеров о преступлениях, совершенных в сфере криминального автобизнеса, проведено сравнение терминов «разветвленная преступная сеть» и «преступная организация» в целях их разграничения для нужд уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: преступные сообщества, транснациональная преступность, хищения, транспортные средства, доказывание, доказательства.

I. V. Kaznachey V. V. Tikhonov

**TRANSNATIONAL CRIME: LEGAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS
(ANALYSIS OF THE ORGANIZED CRIMINAL COMMUNITIES
IN CRIMINAL AUTOMOBILE BUSINESS)**

The topical nature of chosen subject of the paper depends on several characteristics; primarily the statistics data demonstrate the increasing number of related to vehicles crimes committed by criminal communities (criminal organizations). The modern equipment and technologies, the developed methods of criminal acts commission used by criminal communities (criminal organizations) that significantly complicate processes of crime detection and crime investigation are noted. The authors suggested considering the activities of criminal communities (criminal organizations) specializing in illicit enrichment from the sale of vehicles, their repair parts and related products, in the context of the up-to date globalization process. The article drew attention to the tendency of the appearing of transnational criminal communities (criminal organizations) in the sphere of criminal related to vehicles (automobile) business. It takes into account the transnational criminal communities' (criminal organizations) characteristics on the basis of their complexity and their organizational structures.

The definition of the term «organized crime» is examined, by taking into consideration the motives and relations among its participants. Using examples of crimes committed in the sphere of a criminal related to vehicles (automobile) business, comparison of the terms «multi-branch crime network» and «criminal organization» is carried out to differentiate them in the criminal law and criminal procedural law.

Key words: criminal communities (criminal organizations), transnational crime, embezzlement, vehicles, proving, evidence.

Процесс глобализации, получившей мощное развитие во второй половине XX в., имеет тенденцию к более широкому распространению. Однако массовое общественное сознание все настойчивее

и тревожнее оценивает процессы глобализации по той причине, что в «глобализирующем мире» возникли и интенсивно развиваются такие чудовищные явления, как международный терроризм

и транснациональная преступность, которые наносят непоправимый вред человечеству, правам и свободам личности, интересам государств. На вооружении преступных сообществ (преступных организаций) находятся новейшая техника и технологии, разработанные методы совершения преступных действий [1, с. 152].

По мнению профессора В. В. Лунеева, «после мировых войн и возможных глобальных катастроф транснациональная и национальная преступность становится главной угрозой современности. Возрастает ее общественная опасность и причиняемый ею вред. Качественные изменения преступного поведения „дрейфуют“ в сторону значительной изощренности. Преступность все больше организуется, вооружается, коррумпируется, „глобализируется“ и интеллектуализируется, оперативно используя все науки и техники для достижения своих целей» [2, с. 436—437].

Таким образом, перед современным миром возникает вопрос: как использовать возможности глобализации и предотвратить угрозы и конфликты, к которым она с неизбежностью ведет. Не будет преувеличением мысль о том, что «сама глобализация является глобальной проблемой первостепенного значения, таящей в себе уникальные возможности и смертельные угрозы. Она открывает захватывающие перспективы и в то же время обостряет старые болезни, создает новые угрозы и опасности.

С формированием нового мирового порядка связаны обострение жестокой конкурентной борьбы, увеличение пропасти между бедными и богатыми странами, дальнейший дисбаланс в распределении доходов. Это так называемые „социальные издержки глобализации“».

Российские и зарубежные средства массовой информации дают различные оценки транснациональной организованной преступности, отмечая ее возможности применять современные технические средства коммуникации в достижении намеченных целей.

Обозначая свою позицию в определении допустимого использования технических средств коммуникации правоприменителями, полагаем, что немаловажным условием достижения успеха является необходимость реформирования ряда норм уголовно-процессуального закона в целях его приведения к адекватному состоянию по отношению к процессам современного общества с его развитым информационно-техническим потенциалом [3, с. 87]. Преступные сообщества (преступные организации) гораздо быстрее, чем государственные системы разных стран, реагируют на развитие всех типов

коммуникаций, в то время как отечественные правоприменители не обладают должной законодательной базой, соответственно, реализуют уголовное преследование только теми методами, которые учтены в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Транснациональная преступность на территории России имеет ту же структуру, что и в других странах. В основном в ее рамках осуществляются заказные убийства, наркобизнес, незаконная деятельность иностранных граждан на территории России, экономические преступления, незаконный оборот оружия, организация криминального автобизнеса и др.

В результате процессов глобализации преступной деятельности эксперты Организации Объединенных Наций разработали новую классификацию ее видов. Сюда вошли 17 преступлений, оказывающих давление на общество во всех странах мира. На восьмом месте в этом перечне преступная деятельность по захвату наземного автотранспорта. По мнению экспертов данный вид преступного промысла распространен и критически востребован: транспортные средства не утратили своей актуальности как источники финансовых вложений, спрос на них достаточно велик. Похищенные транспортные средства популярных марок с помощью отлаженных связей перегоняются через несколько государств, при этом меняются их идентификационные данные и сопутствующие документы. В большинстве случаев одним из транзитных пунктов является Польша, через ее территорию транспортные средства переправляют в Восточную Европу и Россию.

И. В. Годунов отмечает, что «среди преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами, значительную часть занимают кражи, в том числе транспортных средств, — около 30 %. Если же сравнить с данными общей статистики преступности, то доля этих преступлений несколько выше и составляет около 45 %» [4, с. 186].

В 1996 г. в Анталии (Турция) состоялась 62-я Ассамблея Интерпола, где были определены основные формы преступной деятельности российских групп в странах мира. В их числе оказалась и контрабанда угнанных автомобилей из Германии, Италии, Финляндии, Голландии и Югославии. В связи с этим И. В. Годунов пишет: «Что касается преступления, предусмотренного ст. 188 Уголовного кодекса Российской Федерации (контрабанда), наносящего немалый вред экономической стабильности Российской Федерации, то чаще

всего в качестве предмета данного преступления выступают автомобили — от 5 до 15 %, далее идут наркотические средства и психотропные вещества — около 5 %, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства — от 2 до 4 %» [4, с. 186].

В последние годы под воздействием глобализации преступность в сфере криминального автобизнеса, по сути, стала управляемым антисоциальным явлением, самозащищающимся и самоограничивающим свой рост.

Тенденция развития криминального автобизнеса свидетельствует о том, что на него ориентированы и транснациональные группы, и преступные сообщества, имеющие собственную историю внутри конкретного государства. Они отличаются особой дисциплиной и идеологией, конспирацией, наличием «теневой» финансовой базы, отграниченностью от среды пребывания и представляют авторитарные организации. Их внутренний мир принципиально изменяет жизнь и психологию их членов: ставит вне общества, над обычными гражданами, создает так называемую криминальную субкультуру.

Чтобы понять организованную структуру и принцип деятельности преступных сообществ в сфере криминального автобизнеса, необходимо проанализировать не столько понятие «организованная преступность», сколько мотивы тех доверительных отношений между ее участниками, на основе которых строится преступная кооперация.

Понятие «организованная преступность» впервые появилось в Чикаго в 1919 г. В Германии его стали применять в послевоенные годы (в 1945—1947 гг.). В России на государственном уровне существование организованной преступности и коррупции было признано в постановлении Второго съезда народных депутатов СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью» от 2 декабря 1989 г. До настоящего времени значение этого понятия постоянно менялось в зависимости от того, какие периоды общественных реалий рассматривались, с какой перспективой, пониманием и заинтересованностью.

В результате анализа проблемы организованной преступности в информационной совокупности (сообщения средств массовой информации, источники правоохранительных органов, юридическая литература) следует выделить три точки зрения на понимание сути организованной преступности. В первой внимание акцентируется на слове «преступность», способах осуществления противоправной деятельности. Во второй — на том, что преступники объединяются в криминальные организации. В третьей — на объединении нелегальных преступных структур с легальными государ-

ственными структурами, поэтому чрезвычайно важно упорядочить их и найти «путеводную нить». Нам представляется, что отправной точкой в данном вопросе может быть то, что мы имеем дело с разветвленной сетью контактов, устанавливаемых и используемых преступниками. Независимо от вида и формы преступной деятельности, а также от коррумпированных связей между преступниками, сотрудниками правоохранительных органов, государственными служащими и политиками мы всегда имеем дело с лицами, состоящими в тех или иных отношениях друг с другом, позволяющих им осуществлять организованную преступную деятельность. Для установления таких отношений нужно:

- возникновение единого умысла у двух или более лиц заниматься криминальным автобизнесом;
- наличие доверительных отношений между лицами, организующими криминальный кооператив;
- надежная доверительная гарантия, которая базируется на родственных связях, дружеских отношениях, сложившихся в юности, в процессе обучения в одном вузе, службы в армии, совместной преступной деятельности или пребывания в местах лишения свободы.

Констатируем, что представленная сеть контактов является полярной, она может изменяться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения числа лиц, в нее вовлеченных. Подобная «диффузия» возникает в результате конспиративности замысла преступников, сложности его реализации. Несомненно, что участники рассматриваемой сети придерживаются «строгой иерархии преступных организаций», что свидетельствует о «высокой степени профессионально организованных структур» и, как следствие, о возникновении прочных сетевых контактов.

Умение отличить разветвленную преступную сеть от преступной организации — важный момент при анализе преступных структур. Разветвленная сеть (разветвленные контакты) — это возникновение паритетных и выгодных отношений между двумя или более лицами, вовлеченными в организацию незаконной торговли автомобилями, их частями и сопутствующими товарами к ним. Разветвленную сеть можно представить как множество элементов преступных связей, ориентированных на незаконное обогащение посредством криминального автобизнеса. Совокупность этих связей имеет строго подчиненную структуру и предполагает создание устойчивой организации. Вместе с тем трудно представить существование организации без социального сетевого механизма, поскольку связи членов преступной организации между собой также можно определить как «сетевой механизм».

Для преступной организации характерна интеграция: члены организации подчиняются коллективной воле, осознают свое место в криминальной

структуре, которой, в свою очередь, свойственна дифференциация — распределение обязанностей, иерархия, формализация — т. е. преступная организация — это нечто большее, чем сеть, так как в ее основе лежит интегрирующий фактор.

Для более ясного представления о том, в чем состоит различие между преступной сетью и преступной организацией, приведем следующий пример. Допустим, что есть преступная сеть, состоящая из восьми участников криминального автобизнеса: А., Б., В., Г., Д., Е., Ж., З., каждый из которых самостоятельно выполняет свои функции:

— А. и Б. угоняют автомобили и продают их В.;

— В., в свою очередь, за вознаграждение поручает Г., Д. и Е., работающим в автомастерских, придать угнанным машинам новый вид путем фальсификации номерных знаков, изменения цвета, починки противоугонного механизма и других охранных устройств;

— «новые» автомобили В. сбывает через Ж. и З.

Таким образом, указанная схема преступных связей свидетельствует о том, что при задержании угонщиков остальных членов преступной цепочки установить будет затруднительно или вообще невозможно.

Теперь рассмотрим структуру преступного сообщества, также состоящего из восьми соучастников, построенную по традиционной иерархической схеме. В. является ключевой фигурой, занимающей верхнюю ступень, далее следуют нижестоящие группы: группа А. и Б. совершает хищения транспортных средств; группа Г., Д., Е. занимается производственной легализацией похищенных транспортных средств; группа Ж. и З. — реализацией транспортных средств. Для того чтобы эта система функционировала, необходимо выполнение определенных условий. Во-первых, наличие у В. полномочий давать указания каждой из групп. Право дачи указаний, а значит, руководства пре-

ступной организацией подразумевает высокую степень контроля и временных затрат на коммуникативные связи. Если этого нет, то для В. так же, как и для других членов преступной структуры, возрастает риск подвергнуться разоблачению и уголовному преследованию. Этот риск уменьшается, если связи между преступниками простые и гибкие, напоминающие или похожие на деловые отношения между партнерами по бизнесу на контрактной основе. Анализ цепочки контактов между указанными лицами позволяет сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с нелегальным бизнесом, функционирующим настолько же хорошо, насколько и легальный.

Стремление к наживе — важнейший побудительный мотив организованной преступности, в том числе в сфере криминального автобизнеса. Изъятие у преступников их «производственного капитала» угрожает жизнедеятельности преступной организации, ее криминальному существованию. В связи с этим выполнение экономической функции преступной организацией является непременным условием ее преступной жизнедеятельности, что, в свою очередь, требует от преступной организации выполнения ряда других функций, обеспечивающих ее вертикальные и горизонтальные связи.

Таким образом, в соответствии с основными целями — получение прибыли и обеспечение преступной жизнедеятельности группы — осуществляется ее структурное построение. Одним из признаков транснациональной преступной организации является степень комплексности ее организационных структур. Комплексной организация считается в том случае, если входящие в нее структуры действуют по горизонтали, а обязанности и связи распределяются по вертикали. Кроме того, она должна действовать на относительно большой территории.

1. Казначей И. В. Уголовно-процессуальные аспекты применения электронных документов и бланков процессуальных документов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40). С. 77—80.

2. Лунеев В. В. Права человека и преступность в глобализирующем мире // Права человека и процессы глобализации в современном мире / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2005.

3. Казначей И. В., Назаров С. Д. Проблемы и перспективы использования технических средств коммуникации при производстве отдельных процессуальных действий в уголовном судопроизводстве: моногр. Волгоград, 2016.

4. Годунов И. В. Противодействие организованной преступности: учеб. пособие. М., 2003.

1. Kaznachev I. V. Criminal Procedural Aspects to Use Electronic Documents and Procedural Forms at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Ros-sii. 2017. No 1 (40). P. 77—80.

2. Luneev V. V. Human Rights and Crime in the World of Globalization // Human Rights and Processes of Globalization in the Modern World / executive ed. E. A. Lukashova. Moscow, 2005.

3. Kaznachev I. V., Nazarov S. D. Problems and Perspectives to Use Technical Communication Equipment by Separate Procedural Actions in Criminal Proceedings. Volgograd, 2016.

4. Godunov I. V. Counteraction to the Organized Crime: study aid. Moscow, 2003.

© Kaznachev I. V., Tikhonov V. V., 2018

© Казначей И. В., Тихонов В. В., 2018

А. Ф. Купин, А. А. Павлова

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»
ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

В статье рассматриваются возможности применения ряда программных продуктов и поисковых систем для решения задач по распознаванию неизвестных людей и предметов с помощью сети «Интернет». На основании результатов проведенного экспериментального исследования различных образцов изображений лиц людей и предметов авторами проанализированы реальные возможности поиска в сети «Интернет» их изображений с помощью рассматриваемых программных средств и приложений, в том числе описаны результаты поиска «неполных изображений», содержащих ограниченное количество информации об элементах и признаках запечатленных на снимках проверяемых объектов. Установлены возможности поиска людей с измененной внешностью с помощью гнома. Рассмотрены возможности идентификации лиц людей по их изображениям, определены преимущества и недостатки разных поисковых систем в зависимости от конкретной поисковой ситуации.

На основании проведенного анализа функциональных возможностей этих программных продуктов и поисковых систем авторы делают вывод о необходимости их комплексного использования для решения задач по раскрытию и расследованию преступлений.

Ключевые слова: распознавание лиц и предметов, программные средства, поисковые системы.

A. F. Kupin, A. A. Pavlova,

ORGANIZATION OF OPPORTUNITY OF USAGE THE INTERNET NETWORK IN SOLVING CRIMES

The article is discussed the possibilities of using software products and search systems for solving problems of the recognition of unknown persons and objects with help of the "Internet" network. Based on the results of an experimental study of various samples of person's and object's images, the authors analyzed the real possibilities of searching the Internet for that images with the help of the software and applications. Also the results of searching for "incomplete images" which contain a limited amount of information about the elements of appearance and the signs captured on the pictures of the inspected objects. The possibilities of searching for persons with a changed appearance with the help of makeup are established. The possibilities of identifying persons by their images are examined, specific advantages and disadvantages of different search systems are determined depending on the specific search situation.

Based on the analysis of the functional capabilities of these software products and search systems, authors (instead authors можно it is) concluded that it is necessary to used them comprehensively for solving the problems of criminology.

Key words: recognition of persons and objects, software tools, search systems.

Развитие технологий искусственного интеллекта и их успешное внедрение в повседневную деятельность создает широкие возможности для пользователей сети «Интернет» при решении задач по поиску людей и предметов по их изображениям. В основном эти возможности направлены на решение вопросов, связанных с общением в социальных сетях, выбором и покупкой товаров бытового назначения, изучением их характеристик и др. Вместе с тем ряд настроек и функций различных поисковых систем может успешно применяться правоохранительными органами при раскрытии

и расследовании преступлений, в связи с чем мы рассмотрим их подробнее на примере решения нескольких поисковых задач.

В поисковую систему «Яндекс» возможность поиска объектов по их изображению была введена в 2013 г. посредством реализации технологии компьютерного зрения «Сибирь». В настоящее время создана и успешно функционирует усовершенствованная версия технологии «Сибирь», которая позволяет, используя опцию «Яндекс. Картинки», найти не только копии, но и изображения, похожие на загруженное. Технология поиска «Яндекс.

Картинки» определяет схожие изображения предмета даже при отсутствии маркировочных обозначений на исследуемом объекте [1]. В целях проверки эффективности работы данной поисковой системы нами была проведена загрузка изображения

неопознанного предмета, в качестве которого использовался короб термовоздушной паяльной станции. В результате поиска он был определен без каких-либо затруднений (рис. 1).

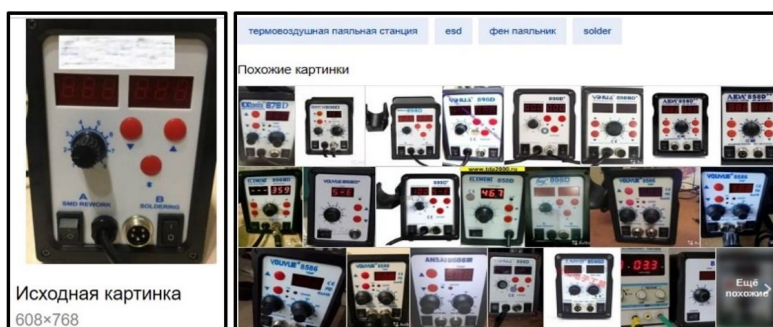

Рис. 1. Результат поиска предмета по его изображению с помощью поисковой системы «Яндекс».

Возможности поисковой системы «Яндекс» также могут быть использованы для определения неизвестного человека по фотоснимку. Посредством серии экспериментальных попыток было определено, что такой поиск может быть успешным при наличии на загружаемом фотоснимке не менее 50 % элементов и признаков лица человека. Так, при загрузке изображения неизвестного человека

(в качестве такого использовался фотоснимок Г. Олдмана, содержащий более 50 % элементов и признаков лица), был не только определен Г. Олдман, но и найдено изображение, аналогичное целому изображению, отправленному на проверку (рис. 2 а), и иные изображения, содержащие фрагменты элементов и признаков лица этого человека (рис. 2 б).

Рис. 2. Результат поиска лица человека по его изображению с помощью поисковой системы «Яндекс»:
а) изображение, аналогичное целому изображению исследуемого фотоснимка;
б) изображения, содержащие фрагменты элементов и признаков лица этого же человека.

Поиск людей и предметов по их изображениям с использованием ресурсов сети «Интернет» может быть реализован и с помощью поисковой системы «Google». Для ее проверки был проведен эксперимент, в качестве объектов поиска выступили изображения предмета и человека, описанные ранее. Результаты эксперимента показали, что

поисковая система смогла определить человека, размещенного на фотоснимке, по изображению, содержащему более 1/3 элементов и признаков лица. Кроме того, поисковой системой «Google» были найдены другие изображения этого человека (рис. 3). Отметим, что изображений, аналогичных целому, в ходе поиска найдено не было.

Рис. 3. Результат поиска лица человека по его изображению с помощью поисковой системы «Google».

Менее эффективный результат поиска был получен при проверке изображения корпуса термовоздушной паяльной станции. Так, в результате проверки с использованием поисковой системой «Google» аналогичных изображений подобных предметов в сети «Интернет» найдено не было. Однако при этом во вкладке «Страницы с похожими изображениями» отобразились ссылки на страницы сети «Интернет», содержащие изображение данного объекта.

Возможности поисковой системы «Bing» также позволяют решать задачи поиска людей и предметов по их изображениям. Результаты эксперимента позволили успешно решить поисковую

задачу неустановленного предмета, в качестве которого использовалось изображение корпуса термовоздушной паяльной станции. Были найдены как изображения предмета, аналогичные искомому, того же самого модельного ряда (рис. 4 а), так и изображения других моделей указанного предмета (рис. 4 б). Менее эффективным оказался поиск изображенного на фотоснимке человека. Так, поисковая система смогла найти изображения Г. Олдмана только при загрузке в качестве искомого фотоснимка, содержащего более 3/4 элементов и признаков лица (рис. 5), а изображений, аналогичных проверяемому, в ходе экспериментального поиска не было найдено вовсе.

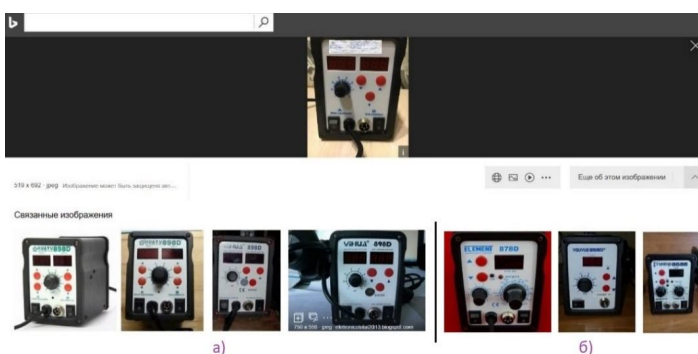

Рис. 4. Результат поиска предмета по его изображению с помощью поисковой системы «Bing»: а) изображения аналогичной модели предмета; б) изображения иной модели предмета.

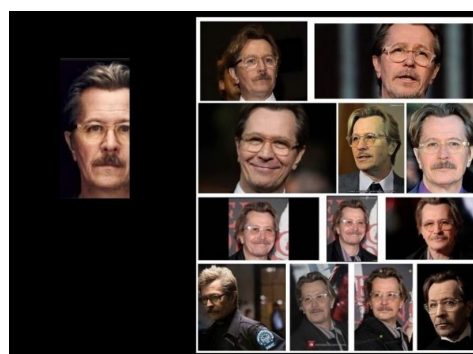

Рис. 5. Результат поиска лица человека по его изображению с помощью поисковой системы «Bing».

Существенным преимуществом поисковой системы «Bing» по сравнению с иными является то, что в нее встроена функция выделения части изображения, позволяющая дифференцировать

поиск изображения по его отдельным фрагментам без использования дополнительных средств и приемов, например, графических редакторов. Недостатком указанного приложения служит тот факт,

что в системе отсутствует встроенная функция автоматического определения изображенного объекта, что существенным образом затрудняет распознавание загруженного предмета или лица человека.

Поиск объектов по их изображениям в сети «Интернет» может быть проведен и с использованием приложений для мобильных устройств. Одним из таких программных продуктов является приложение «Reversee». Его бесплатная версия позволяет загрузить имеющееся в памяти мобильного устройства изображение в сеть «Интернет» и затем осуществить поиск сходных с ним изображений с помощью поисковой системы «Google». Платная версия приложения «Reversee» предоставляет дополнительные возможности поиска искомого изображения с использованием ресурсов систем «Yandex» и «Bing». В настоящее время с ее помощью можно эффективно находить изображения предметов и людей при наличии как полных изображений, так и фрагментированных.

Приложение «TinEye» тоже служит средством поиска изображений людей и предметов, раз-

мещенных в сети «Интернет». Используя систему «MatchEngine», которая работает с собственной коллекцией изображений, оно находит похожие или повторяющиеся версии загруженного ранее и сохраненного фотоснимка [2]. Кроме поиска дубликатов технология распознавания «TinEye» спроектирована для поиска преобразованного изображения, включая изменение размера и цветовой гаммы. Отметим, что результат поиска с помощью приложения «TinEye» является наиболее эффективным при наличии в качестве объекта проверки целого изображения. Однако в ряде случаев можно провести распознавание объекта при загрузке фрагмента изображения. В результате поиска с его помощью неизвестного человека (Г. Олдмана) по целому фотоснимку были успешно найдены изображения Г. Олдмана (рис. 6). При проверке возможности поиска неустановленного человека (Г. Олдмана) по фрагменту, содержащему элементы и признаки лица человека, положительный результат удалось получить только при загрузке фрагментированного изображения, содержащего 2/3 элементов и признаков лица.

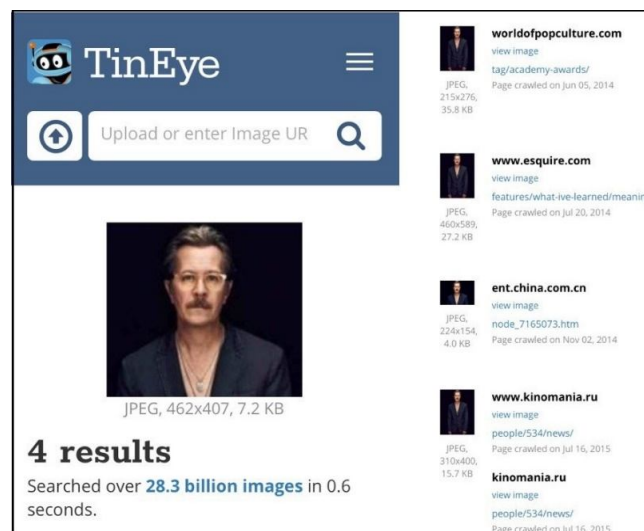

Рис. 6. Результат поиска лица человека по его изображению с помощью системы «TinEye».

При загрузке изображения короба термовоздушной паяльной станции похожих изображений с помощью данного приложения найдено не было. В качестве основных недостатков системы «TinEye» можно отметить отсутствие возможности исследования изображения, не сохраненного ранее в сети «Интернет», и функции автоматического определения изображенного объекта.

Поскольку значительное количество изображений людей содержится в социальных сетях, то эффективный поиск возможен с использованием специальных приложений, созданных под кон-

кретные социальные сети. Например, для анализа изображений людей в социальной сети «ВКонтакте» компания «N-Tech Lab» создала программное средство «FindFace» [3]. Возможности его практического применения достаточно просты. Для этого необходимо авторизоваться в социальной сети «ВКонтакте» и загрузить изображение лица человека, после чего программа осуществит поиск по базе изображений, размещенных в ней. Так, при загрузке изображения, содержащего 1/3 элементов и признаков лица Г. Олдмана, было найдено 64 страницы пользователей сети «ВКонтакте», 39 из ко-

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

торых содержали изображение искомого человека (рис. 7). Отметим, что наиболее точный результат поиска возможен при проверке целого изображения лица человека. Например, при загрузке лица Г. Олдмана была найдена 61 страница пользователей сети «ВКонтакте», каждая из которых

содержала изображение его лица. В настоящее время широкие возможности бесплатного использования мобильной версии приложения «FindFace» ограничены: разработчики приложения предоставляют пользователю до 30 бесплатных попыток поиска через любой браузер.

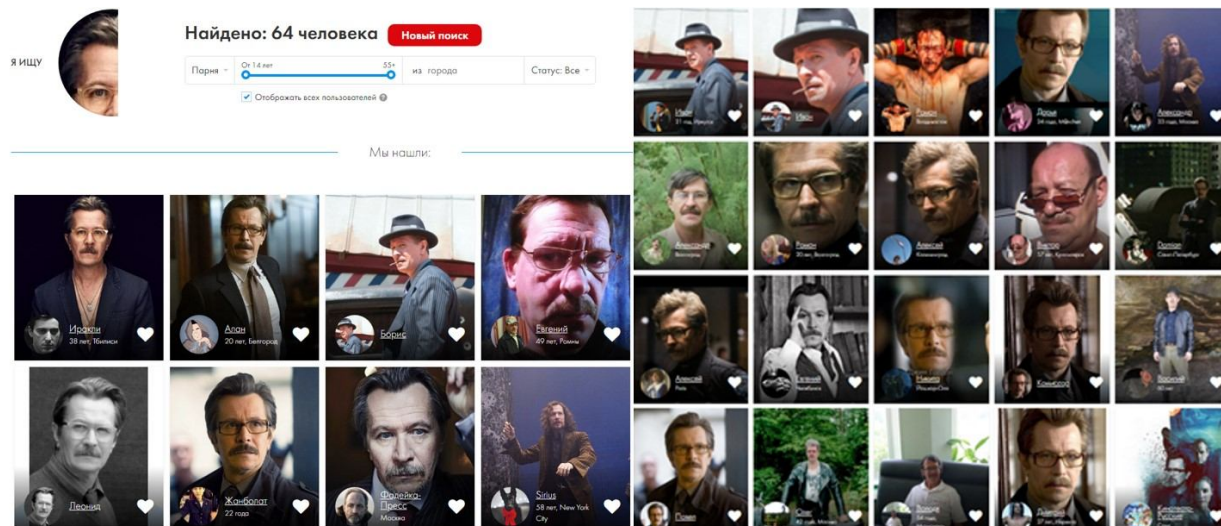

Рис. 7. Результат поиска средствами FindFace.ru.

Для осуществления поиска лиц людей по их изображениям в сети «Интернет» могут применяться и иные программные продукты. Например, такое приложения, как «VOCORD FaceMatica», проводит сравнение людей, изображенных на разных снимках, в том числе с учетом внешних факторов:

возрастных изменений, нанесения грима. Так, при загрузке двух изображений Г. Олдмана, одно из которых было загримировано, с точностью в 80 % было установлено, что на фотоснимках изображено лицо одного и того же человека (рис. 8).

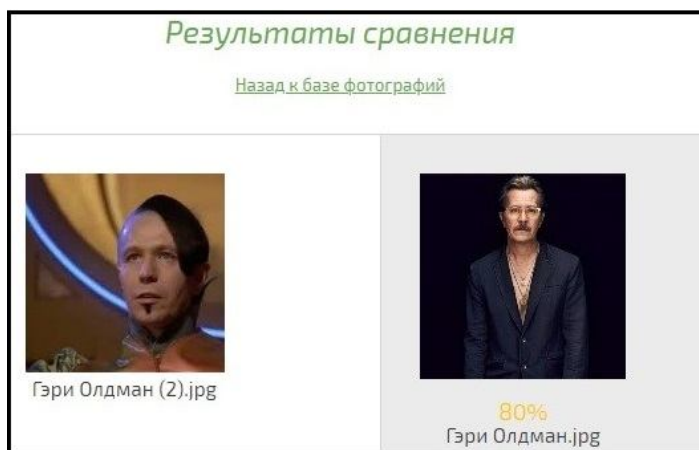

Рис. 8. Пример работы программы «VOCORD FaceMatica».

Изучение и анализ результатов, полученных экспериментальным путем при использовании различных программных средств для поиска людей и пред-

метов по их изображениям, показал, что у каждого программного продукта есть свои преимущества. Например, с помощью поисковой системы «Яндекс»

представляется возможным определить предмет по изображению его фрагмента, поисковая система «Bing» наилучшим образом проводит поиск предметов с отсутствующими маркировочными обозначениями, а поисковая система «Google» успешно распознает лицо человека, отобразившееся не полностью. В свою очередь, мобильное приложение «Reversee» позволяет определить зафиксированный на изображении предмет, анализируя данные через поисковые системы «Google», «Yandex» и «Bing». Система поиска «TinEye» наиболее рациональна для поиска изображений лиц людей, выложенных в сети «Интернет». При успешном распознавании изображенного объекта она отсеивает

максимальное количество изображений, не относящихся к искомому объекту. Программный продукт «FindFace» специализирован на поиске изображений лица человека путем анализа профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте», а приложение «VOCORD FaceMatica» позволяет проводить сравнительное исследование лиц людей, изображенных на фотоснимках с учетом изменений их внешности. Для получения эффективного результата, как правило, необходимо комплексное использование программных средств, при этом нужно принимать во внимание их специфические возможности, временные рамки и характер решаемых в ходе поиска задач.

1. Яндекс. Новый поиск похожих картинок. URL: <https://yandex.ru> (дата обращения: 22.04.2018).
2. Tin Eye. MatchEngine. URL: <https://serices.neye.com> (дата обращения: 22.04.2018).
3. FindFace.Pro. URL: <https://findface.pro/ru> (дата обращения: 22.04.2018).
4. Vocord FaceMatica. URL: <http://vocord.ru/acematica> (дата обращения: 22.04.2018).
5. Яндекс. Картинки. URL: <https://yandex.ru> (дата обращения: 22.04.2018).
6. Google. Картинки URL: <https://www.google.ru> (дата обращения: 22.04.2018).
7. Bing. Изображения. URL: <https://www.bing.com> (дата обращения: 22.04.2018).
8. Reversee. URL: <https://itunes.apple.com> (дата обращения: 22.04.2018).
9. TinEye. URL: <https://www.tineye.com> (дата обращения: 22.04.2018).
10. FindFace.ru. URL: <https://findface.ru> (дата обращения: 22.04.2018).
11. Ginipic. URL: <http://www.ginipic.com> (дата обращения: 22.04.2018).
12. Camfind. URL: <https://itunes.apple.com> (дата обращения: 22.04.2018).
13. Wizer. URL: <https://itunes.apple.com> (дата обращения: 22.04.2018).

© Купин А. Ф., Павлова А. А., 2018

1. Yandex. New search for similar pictures. URL: <https://yandex.ru> (reference date: 22/04/2018).
2. Tin Eye. MatchEngine. URL: <https://services.tineye.com> (reference date: 22/04/2018).
3. FindFace.Pro. URL: <https://findface.pro/en> (reference date: 22/04/2018).
4. Vocord FaceMatica. URL: <http://vocord.ru/acematica> (reference date: 22/04/2018).
5. Yandex. Pictures. URL: <https://yandex.ru> (reference date: 22/04/2018).
6. Google. Images URL: <https://www.google.com> (reference date: 22/04/2018).
7. Bing. Images. URL: <https://www.bing.com> (reference date: 22/04/2018).
8. Reversee. URL: <https://itunes.apple.com> (reference date: 22/04/2018).
9. TinEye. URL: <https://www.tineye.com> (reference date: 22/04/2018).
10. FindFace.ru. URL: <https://findface.ru> (reference date: 22/04/2018).
11. Ginipic. URL: <http://www.ginipic.com> (reference date: 22/04/2018).
12. Camfind. URL: <https://itunes.apple.com> (reference date: 22/04/2018).
13. Wizer. URL: <https://itunes.apple.com> (reference date: 22/04/2018).

© Kupin A. F., Pavlova A. A., 2018

* * *

Г. А. Печников, А. П. Блинков

О ФОРМАЛЬНОЙ И ОБЪЕКТИВНО-ИСТИННОЙ ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье заложена идея о том, что принцип законности не отвлечен, а неразрывно связан с концептуальной сущностью той модели (типа) уголовного процесса, в котором он реализует свое действие. В уголовном процессе состязательного типа, отвергающем объективную истину в силу самодостаточности состязательности (все решается состязанием сторон), процессуальная форма (процедура) имеет приоритет над фактическим содержанием, поэтому здесь устанавливается вероятная, «формально-юридическая», процессуальная истина, «истина победителя состязания сторон». Соответственно, и законность, неразрывно связанная с состязательностью процесса, «осостязательствованная» законность, будет формальной законностью. В отличие от этого в объективно-истинной модели (типе) уголовного процесса принцип законности, как и другие принципы и правовые институты, направлен на достижение объективной истины по уголовным делам (достоверное, объективно-истинное раскрытие преступлений, борьба с преступностью) — это объективно-истинная законность. Авторы критически оценивают состязательный вид уголовного судопроизводства, отмечают его релятивизм, узкопрагматическую заинтересованность сторон в выигрыше дела, а не в объективной истине. Отсюда — состязательно-выигрышная предвзятость, необъективность сторон. Авторы отстаивают необходимость закрепления объективной истины в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, подчеркивают объективное превосходство уголовного процесса объективно-истинного типа над состязательным (выигрышно-проигрышным).

Ключевые слова: законность, формальная законность, формально-юридическая истина, объективная истина, объективно-истинная законность, состязательный тип (модель) уголовного процесса, объективно-истинный тип (модель) уголовного процесса, приоритет формы над содержанием, раскрытие преступлений, борьба с преступностью, состязательность, релятивизм, софистика.

G. A. Pechnikov, A. P. Blinkov

ABOUT THE LEGALITY OF FORMAL AND OBJECTIVELY TRUE IN THE CRIMINAL PROCEDURE

The article pursues the idea that the principle of legality is not unrelated, but it is inseparably linked with the conceptual essence of that model (type) of the criminal procedure in which it realizes its action. In the criminal procedure of an adversary type, rejecting objective truth the procedural form (procedure) takes precedence over the actual content due to the self-sufficiency of adversary (everything is decided by the parties' adversary), therefore the probable, technical, procedural truth, "the truth of the parties' adversary winner" is established. Accordingly, the legality which inseparable linked with the procedure's adversary, "full-adversary" legality will be protocolary legality. In contrast, the principle of legality, as other principles and legal institutions, in the objective-issued model (type) of the criminal procedure is aimed at criminal cases' objective truth achievement (reliable, objective and issued crimes disclosure, crime prevention) — it is an objective-issued legality. The authors critically appreciate the adversarial type of criminal jurisdiction, they are notes its relativity, narrow-pragmatic interest of parties in winning the case, but not in objective truth. Hence, there is an adversely-winning parties' preconception and partiality. The authors defend the necessity of objective truth consolidation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; they are emphasize the objective superiority of the criminal procedure of an objective-issued type over an adversarial (winning-losing) procedure.

Key words: legality, protocolary legality, technical truth, objective truth, objective-issued legality, adversary type (model) of criminal procedure, objective-issued type (model) of the criminal procedure, precedence of form over the actual content, crimes disclosure, crimes prevention, adversary, relativity, sophistry.

В современном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) в отличие от Уголовно-процессуального кодекса

РСФСР имеется статья, посвященная принципу законности (ст. 7). Ее анализ позволяет сделать следующий вывод: ч. 1 указанной статьи, сооб-

шающая, что «суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему кодексу», связана с ч. 1 ст. 1 УПК РФ, где содержится положение о том, что порядок уголовного судопроизводства устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции Российской Федерации, т. е. норма ч. 1 ст. 7 не привносит ничего нового. Часть 2 ст. 7 УПК РФ дублирует мысль, заложенную в ч. 1 ст. 1 этого кодекса. Содержание ч. 3 ст. 7 воспроизводится в ч. 1 ст. 75 УПК РФ, где говорится, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Таким образом, мы разделяем мнение Б. Т. Безлепкина о том, что целесообразность повторного включения в УПК РФ норм, которые не порождают новых правоотношений, спорна, а их практическая ценность вызывает сомнения [1, с. 16]. Однако, на наш взгляд, более важно осмыслить непосредственно законность, ее суть и цель в состязательном УПК РФ. При этом особое значение будет иметь соответствие содержания законности как принципа самому понятию, ее подлинному назначению. Здесь мы можем вести речь об «объективно-истинной» и «формальной (формально-юридической)» законности [2, с. 131].

Статья 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» подчеркивает, как мы считаем, именно «формальную (формально-юридическую)» законность, что обусловлено смыслом состязательного УПК РФ, который отвергает объективную истину, а приемлет только «юридическую (вероятную)». Пункт 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ содержит положение о том, что назначение уголовного судопроизводства состоит в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако законность в контексте состязательного уголовного процесса с отсутствующей объективной истиной требует формально правильно, формально законно, формально юридически точно обосновать предъявленное обвинение. Проблема степени соответствия такого обвинения действительности перед «формальной законностью», направленной на «юридическую, процессуальную (вероятную) истину», настоящему не ставится [2, с. 132].

В. В. Никитаев относит «объективную (материальную)» истину к «фикции», «юридической фикции», поэтому говорит о «процессуальной истине» в уголовном процессе [3, с. 301], под которой он понимает «соответствие судебного процесса (а значит, и его результата) требованиям процессуального права» [3, с. 301]. Как видим, «процессуальная истина» («формально-юридическая», «состязатель-

но-выигрышная») не выходит за пределы процессуальной формы. Законность в состязательном УПК РФ выражает приоритет процессуальной формы над реальным содержанием, а принцип законности — самоценность, самодостаточность процессуальной формы, т. е. соблюдение процессуальной формы — самоцель всего уголовного процесса. Если «объективная (материальная)» истина отражает факты, имевшие место в объективной реальности, то «формальная (процессуальная)» истина — только те сведения, которые облечены в надлежащую процессуальную форму. С нашей точки зрения, «формально-юридическая» истина исключает объективную истину в уголовном процессе. И. Б. Михайловская подчеркивает: «Приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы (т. е. требования соблюдать нормы уголовно-процессуального закона) выступают ограничителем средств и способов раскрытия преступлений и осуждения лица, виновного в его совершении» [4, с. 16].

В состязательном уголовном процессе с «юридической» истиной законность должна обеспечивать состязательность и равноправие сторон обвинения и защиты. Сильнейшего в данном «поединке» выявляет суд, который руководствуется требованием соблюдения «формально правильной» законности, определяя юридически правильно или неправильно обосновано обвинение. Именно от этого зависит, каким будет приговор: обвинительным либо оправдательным [2, с. 132].

Противоборствующие стороны в состязательном уголовном процессе формально равны, но фактически равными они быть не могут. Одна из них оказывается сильнее и побеждает. Это означает, что законность в состязательном уголовном процессе не обеспечивает подлинного равенства сторон, поэтому является «формальной». Она ведет к «формально-юридической» истине по уголовному делу, далеко не всегда соответствующей реальной действительности. Подлинная, реальная, а не «формально-юридическая» законность возможна лишь в объективно-истинном типе (модели) уголовного процесса. Таким образом, юридическая (процессуальная) форма в УПК РФ имеет самодовлеющее значение, тем самым она оторвана от фактических обстоятельств уголовного дела (форма живет самостоятельной юридической жизнью, т. е. процессуальная (юридическая) форма становится содержанием), а значит, отделена от реальных фактов и сама законность. Это подтверждают два характерных вопроса (ст. 299 УПК РФ), которые разрешает суд при постановлении приговора в совещательной комнате. Вопросы: 1) имело ли в действительности место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) совершил ли в действительности это деяние подсудимый — суд

формулирует иначе: 1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый. Отсюда возникает следующий вывод: то, что юридически доказано в состязательном уголовном процессе, может и не отражать того, что было на самом деле.

В статье 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», как мы полагаем, содержится идея «юридической» истины и связанного с ней презюмирования. Отсюда, по нашему мнению, берут свои истоки такие презумпции, как: «что юридически обосновано, то доказано („юридически доказано“»); «что формально юридически правильно, то и истинно („юридически истинно“»». Базовыми здесь являются понятия «обоснованность», «обоснование» («обоснованное обвинение»). Следовательно, большое значение для законодателя имеет формальная юридическая обоснованность сама по себе, т. е. «формальная», «юридическая» законность.

С юридической точки зрения, как и с точки зрения софистики, любое утверждение можно доказать как верное, так и неверное в силу многоаспектности любой вещи в целом. Доказывание же с точки зрения объективной истины обязательно предполагает объективное исследование (процесс), а не просто формальное обоснование своего утверждения, правдоподобной версии, т. е. «готового знания», стороной обвинения. Как справедливо отметил Ю. К. Якимович: «В рамках предмета доказывания мы должны установить то, что было на самом деле. Иные представления приведут нас к признанию допустимости осуждения невиновных» [5, с. 47]. Нужно всегда иметь в виду, что «правильно применить уголовный закон означает применить его именно к действительно виновному лицу и в мере, соответствующей степени его вины, — в этом заложена необходимость стремиться устанавливать обстоятельства совершения преступления, отражая их в материалах уголовного дела в полном и точном соответствии с объективной действительностью, т. е. устанавливать объективную истину по уголовному делу» [6, с. 178].

Диалектический подход приводит к возникновению вопроса: какая же законность наблюдается в УПК РФ? Либо «объективно-истинная», которая присутствует в случае если уголовно-процессуальный закон способствует достижению объективной истины, устанавливает положения, необходимые для ее достижения (например, как ст. 20 УПК РСФСР: суд, прокурор, следователь и лица, производящие дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоя-

тельств дела, выяснять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его вину обстоятельства); либо законность, порождающая «правила игры» для состязания сторон (состязательно-выигрышной истины). Она всегда будет на стороне победителя.

Нормы действующего уголовно-процессуального закона направлены на достижение лишь «юридической», «состязательно-выигрышной» истины. В. Т. Томин отмечает: «Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что цель познания — установление объективной истины. То, что разработчики проекта УПК РФ в конструировании норм доказательственного права не слишком жаловали объективную истину в уголовном судопроизводстве, уже неоднократно отмечалось процессуалистами. Наиболее отчетливо это сделал, пожалуй, В. П. Божьев. Честь и хвала ему за это! Задам законный вопрос: на чем основывается отечественное доказательственное право в интерпретации его УПК РФ, если уже в понимании цели доказывания оно (доказательственное право) отступает от своей основы (теории познания)? Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не только не употребляет в своем тексте термина истина, но и существенно затрудняет ее познание по уголовному делу. Его ст. 75, ч. 1 ст. 86, ст. 89 и несколько других норм реально препятствуют познанию по уголовному делу. ... ст. 75 и 83 УПК РФ в совокупности, действительно, образуют западню, капкан для процесса познания по уголовному делу. Иногда не можешь отогнать от себя мысль, что что-то (или кто-то) в механизме современной демократии специально работает против привлечения к уголовной ответственности определенных категорий злочинцев, в частности коррупционеров» [7, с. 210—211, 218].

Следователь, возбуждающий уголовное дело, предъявляющий обвинение и принимающий решение о направлении дела в суд, — орган, осуществляющий исключительно функцию уголовного преследования. Сегодня эта идея проведена в уголовно-процессуальном законодательстве. Но вполне обоснованно, что она вызывает неприятие многих авторов. Так, справедливо мнение М. Е. Токаревой о том, что подобные представления о деятельности следователя ведут «к ослаблению гарантий прав участников процесса, неоправданно сужают задачи и направления деятельности должностных лиц, осуществляющих их расследование, придают им односторонний характер, создают объективные предпосылки для обвинительного уклона» [8, с. 49].

В состязательном уголовном процессе все состязательствовано, в том числе законность. Это наглядно иллюстрирует Ф. А. Воскресенский, раскрывая сущность процессуальной деятельности

следователя в российском уголовном процессе. Состязательность приводит к тому, что установление обстоятельств произошедшего события, выяснение всех имеющих значение объективных данных как цель профессиональной деятельности отходит на второй план, на первый же выходит задача «выигрыша» уголовного дела, что реализуется путем построения эфемерной картины имевшего место события, оформленной в надлежащей процессуальной форме. При этом материалы уголовного дела формируются таким образом, чтобы картина выглядела максимально правдоподобной, и все не вписывающиеся в выстраиваемую информационную модель данные (доказательства, факты) сознательно изымаются из материалов уголовного дела либо не фиксируются вообще [9, с. 82].

Уголовный процесс с состязательной концепцией не в состоянии, на наш взгляд, гарантировать полную защиту законных прав личности, будь то обвиняемый, потерпевший или другие участники процесса. Подлинная защита прав личности в уголовном процессе требует объективно-истинного подхода.

Принцип законности, по своей сути, ориентирован на ликвидацию произвола в жизни общества, в тех отношениях, которые регулируются правом. В уголовном судопроизводстве законность должна быть тесно связана с неотвратимостью ответственности виновных. Однако в состязательном УПК РФ законодатель акцентирует внимание на формальном равенстве сторон в состязании, а не на неотвратимости ответственности за совершенное деяние, что, на наш взгляд, не является верным.

Причинами появления правового и нравственного нигилизма, искажения правосознания служат изъяны следственно-судебной практики. Давно замечено, что существует два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных. К сожалению, у нас встречается и то, и другое [10, с. 460]. Устранение этого — один из путей формирования высокой правовой культуры общества, чувств законности и справедливости.

Релятивизм, который, по нашему мнению, свойственен состязательному УПК РФ, вызывает и в теории упрощенное отношение к уголовно-процессуальной форме. А. А. Кухта отмечает: «Раскрытие преступления, получение источников доказательств органами уголовного преследования, должно быть допущено в любой правовой форме» [11, с. 15]. Он призывает снять формальные ограничения на использование в суде в качестве доказательств тех сведений, которые были получены в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [11, с. 354]. Однако следует иметь в виду, что собственные

форма и содержание существуют и у уголовного процесса, и у Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», стирать искомое различие между формами разных правовых систем вряд ли теоретически и практически правильно. Как справедливо писал К. Маркс: «Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [12, с. 159]. Уголовно-процессуальная форма должна иметь собственную ценность, диалектически обусловленную содержанием самого уголовного процесса, иначе это будет «бессодержательная форма», лишенная самостоятельной ценности, уголовно-процессуальные доказательства будут невозможно отличить от оперативно-розыскных данных. Все это приведет к возникновению свободы использовать какие угодно доказательства. Такое упрощение уголовно-процессуальной формы вряд ли приемлемо. При этом следует признать, что сама состязательная конструкция УПК РФ побуждает к упрощению уголовно-процессуальной формы, ведь все относительно. В этом видится ее существенный недостаток. Законность в состязательном УПК РФ, как и все его правовые институты, и принципы, и цель (назначение уголовного судопроизводства), «осостязательствована», т. е. поставлена в непосредственную зависимость от установленных в УПК РФ состязательных «правил игры»: уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязания сторон; стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ) и др.

Как отмечается в юридической литературе: «Законность это есть формализм уголовного процесса. Современное ее понимание вводится и общим требованием формализма, легальности в деятельности и решениях органов предварительного расследования и суда. Законность больше не рассматривается в качестве требования установить объективную истину, обеспечить неотвратимость наказания, проводить всестороннее, полное и объективное расследование дела» [7, с. 96].

В основе приоритета процессуальной формы в первую очередь лежит концепция уголовного иска, в соответствии с которой под уголовным процессом понимается особая форма разрешения правового спора между государством и личностью. При такой трактовке уголовного судопроизводства становится очевидной значимость процедуры, поскольку она является фактически единственным средством обеспечения хотя бы формального равенства личности и государства [4, с. 13, 44]. Но как верно отметил В. В. Лунеев: «Процедура важна, но она не может быть выше искомой истины по делу» [13, с. 15].

С нашей точки зрения, за формально-юридическую законность, а следовательно, и за формально-юридическую истину ратуют процессуалисты

А. С. Александров и В. В. Терехин, не признающие «внетекстовой борьбы» [14, с. 9]. Гносеологически они отрицают объективную истину, так как исходят не из объективной реальности, а из «уголовно-процессуальной реальности», «правовой реальности», «юридической реальности». Право объясняется ими как текст закона, помноженный на его интерпретацию в ходе судебного разбирательства. Судопроизводство трактуется как языковая игра [14, с. 8]. А. С. Александров и В. В. Терехин отрицают диалектико-материалистическую методологию, а значит, не принимают действия объективных диалектических закономерностей и тем самым, с нашей точки зрения, стирают различия между научным и ненаучным подходами. Вопреки требованиям диалектики они не различают противоположности: материю и сознание, субъект и объект, цель и средства, форму и содержание, законность и целесообразность, истину и ложь и т. д., отстаивают полный релятивизм всего и вся. Они идеализируют состязательный тип уголовного процесса. В состязании сторон не важно, что доказывать, важно выиграть процесс (дело) у своего процессуального противника. Из этого исходили еще софисты в Древней Греции. Как представляется, А. С. Александров и В. В. Терехин в своих теоретических воззрениях под названием «Манифест критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права» развивают то состязательное, что присуще действующему УПК РФ, наглядно показывают, куда ведет подход с позиции «чистой состязательности» и тенденции — это путь к полнейшему релятивизму. «Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек. ... Оппозиция ложь/истина относительна („истина-ложь, вывернутая наизнанку“ по Ж. Деррида). Особенно это актуально для уголовного судопроизводства. Мера лживости и истинности „правдоподобного утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности“» [14, с. 12]. И далее: «Правосудие — это игра, его значимость и социальная ценность в самой игре, ее организации.... Судебная истина является гадательной, вероятным значением.... Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности. Так что „знание“ надо рассматривать не с точки зрения дихотомии „правильное-неправильное“, а полезное или вредное для решения практических задач.... „Полезным“ является то знание,

которое поддерживает жизнеспособность системы (социума). Такова и „судебная истина“ — она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы» [14, с. 12—13].

Как представляется, от состязательного, т. е. выигрышно-проигрышного подхода (одна сторона выигрывает, а другая проигрывает) состязательный УПК РФ освободиться не может. В состязательном уголовном процессе ничего кроме состязания сторон и выигрыша поединка более сильной стороной не наблюдается: сильный выигрывает, а слабый проигрывает — такова его логика, поэтому «полезное знание», о котором пишут А. С. Александров и В. В. Терехин, находит свое объяснение в американской философии под названием «прагматизм» (от греч. *pragma* — дело, действие; философия действия); то, что на практике приносит выгоду, успех, то и является «истиной» (прагматической истиной). Успех в состязании всегда на стороне сильнейшего, даже если позиция победителя не отражает реальной действительности, не соответствует тому, что было на самом деле. «Процессуальная», «формально-юридическая», судебная истина — это «прагматическая истина», истина победителя поединка (спора) сторон. При этом процедура в состязательном уголовном процессе выше фактической (объективной) истины. Не случайно наши коллеги подчеркивают, что истинными должны быть порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду надо стремиться не к тому, чтобы познать «объективную истину», а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует [14, с. 12—13]. Однако такая организация уголовного процесса, которая признает только форму, процедуру, вряд ли может быть правильной, совершенной, объективной, наша позиция совсем иная, для нас отказ от объективной истины в уголовном процессе совершенно недопустим. В этом плане справедливы суждения В. А. Азарова и Т. А. Беккер, отмечающих, что насыщая отечественный уголовный процесс началами состязательности в ее англо-саксонском варианте, разработчики УПК РФ поставили процедуру выше поиска истины. Известная полная сарказма фраза «главное не истина, а процесс ее поиска» неуместна в уголовном судопроизводстве, иначе оно будет не в состоянии выполнить поставленные перед ним задачи. Россия всегда была привержена романо-германской правовой семье, столетиями формировавшей систему приоритетов, среди которых традиционно доминировало публичное начало.

Сегодня уголовно-процессуальный закон официально закрепил ненужность доказывания в судебном производстве соответствия установленных

по делу обстоятельств реальным событиям, т. е. объективной истине, что, по нашему убеждению, неминуемо ведет к судебной ошибке [15].

1. Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ. М., 2002.
2. Печников Г. А., Блинков А. П. Законность как принцип уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 3 (18). С. 130.
3. Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие: труды науч.-практ. лабораторий. М., 1996. Вып. 1 Ч. II.
4. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006.
5. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015.
6. Мезинов Д. А. Объективна ли истина, устанавливаемая в уголовном процессе? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 82—94.
7. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М., 2009.
8. Токарева М. Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. М., 1997.
9. Воскресенский Ф. А. Принцип состязательности как сдерживающий фактор уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 3 (34). С. 77—84.
10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2013.
11. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2010.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1.
13. Лунеев В. В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 5—18.
14. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 8—14.
15. Азаров В. А., Беккер Т. А. Объективная истина — единственно верный путь вынесения правосудного акта. URL: <http://www.ugpr.ru> (дата обращения: 04.04.2018).

© Печников Г. А., Блинков А. П., 2018

* * *

1. Bezlepkin B. T. Commentary to the Code of Criminal Procedure. Moscow, 2002.
2. Pechnikov G. A., Blinkov A. P. Legality as the principle of criminal process // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2011. No 3 (18). P. 130.
3. Nikitaev V. V. Problem situations of the criminal process and legal thinking // Competitive justice: the works of scientific-practical. laboratories. Moscow, 1996. Issue. 1 Ch. II.
4. Mikhailovskaya I. B. The judge's desk book on proving in criminal proceedings. Moscow, 2006.
5. Yakimovich Yu. K. The concept, purpose, differentiation of the criminal process. Principles of criminal justice. Tomsk, 2015.
6. Mezinov D. A. Is the truth established in the criminal process objective? // Library of the criminalist. 2012. No 4. P. 82—94.
7. Tomin V. T. Criminal process: actual problems of theory and practice. Moscow, 2009.
8. Tokareva M. E. Modern problems of legality and prosecutor's supervision in pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... dr. jurid. sciences in the form of a scientific report. Moscow, 1997.
9. Voskresenskiy F. A. The principle of competitiveness as a deterrent of criminal procedural activity at the stage of preliminary investigation // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. 2015. No 3 (34). P. 77—84.
10. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law: textbook. Moscow, 2013.
11. Kukhta A. A. Proving the Truth in Criminal Procedure: dis. ... dr. jurid. sciences. N. Novgorod. 2010.
12. Marx K., Engels F. Works. Vol. 1.
13. Luneev V. V. Tendencies of modern crime and its struggle in Russia // State and Law. 2004. No 1. P. 5—18.
14. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V. Five theses from the manifesto of critical legal studies of the Russian criminal procedural law // Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. 2015. No 1 (26). P. 8—14.
15. Azarov V. A., Bekker T. A. Objective truth - the only true way to pass a just act. URL: <http://www.ugpr.ru> (reference date: 04/04/2018).

© Pecnikov G. A., Blinkov A. P., 2018

А. В. Пуццева

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ,
СОВЕРШЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» БЕСКОНТАКТНЫМ СПОСОБОМ**

В статье на основе научных исследований и результатов комплексного анализа эмпирического материала рассмотрены основные аспекты выявления, раскрытия и расследования нового, но уже достаточно распространенного вида преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков — сбыта бесконтактным способом. Лица, вербующие распространителей наркотиков среди молодых людей, обещают им легкий и быстрый заработок, что является привлекательным для финансово несостоятельной молодежи.

Преступления подобного рода характеризуются наличием устойчивой, многоступенчатой иерархии в преступном сообществе, четким распределением ролей, соблюдением жесткой дисциплины и личным незнанием друг друга. Для изобличения виновных лиц сотрудниками правоохранительных органов должна проводиться параллельная работа в двух направлениях: первое — установление так называемого «диспетчерского центра», где осуществляется прием заказов от потребителей наркотических средств и координация деятельности курьеров; второе — установление личности членов преступного сообщества, выступающих в роли закладчиков.

Успеху в раскрытии и дальнейшем расследовании будут способствовать производство таких следственных (процессуальных) действий и оперативно-разыскных мероприятий, как: наружное наблюдение, контроль и запись телефонных переговоров, обыск и выемка, получение информации о соединении между абонентами (абонентскими устройствами), изъятие квитанций и банковских счетов, осмотр предметов и документов и др.

Ключевые слова: наркотики, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенные бесконтактным способом.

V. Puptseva

**SOME PECULIARITIES OF IDENTIFICATION, DISCLOSURE AND INVESTIGATION
OF CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL TRAFFICKING OF DRUGS COMPLETED
BY THE NETWORK "INTERNET" WITH A NON-CONTACT WAY**

In the article, based on scientific research and the results of a comprehensive analysis of empirical material, the main aspects of the detection, disclosure and investigation of a new but already widespread type of crimes in the sphere of drug trafficking - marketing in a non-contact way are considered. Persons recruiting drug distributors among young people promise them easy and quick money, which is attractive for financially bankrupt youth.

Crimes of this kind are characterized by a stable, multi-level hierarchy in the criminal community, a clear distribution of roles, strict discipline and personal ignorance of each other. To uncover the guilty persons by law enforcement officers, parallel work must be carried out in two directions: the first establishment of the so-called "dispatch center", where orders are received from drug users and the coordination of the activities of couriers; the second is the identification of the members of the criminal community who act as pledgers.

Success in the disclosure and further investigation will be facilitated by the production of such investigative (procedural) actions and operational-search activities, such as: surveillance, monitoring and recording of telephone conversations, search and seizure, obtaining information on the connection between subscribers (subscriber units), withdrawal of receipts and bank accounts, inspection of objects and documents, etc.

Key words: narcotics, illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, crimes in the sphere of drug trafficking committed in a non-contact way.

Уголовные дела по преступлениям, совершаемым в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (далее — «наркотики», если иное не предусмотрено по тексту), в большинстве возбуждаются на основании результатов оперативно-разыскной деятельности. Такая ситуация складывается в связи с тем, что отсутствует один из важнейших источников информации — потерпевший. Кроме того, в связи с возможностями современной науки и техники конспирация преступников и их действий достигла такого уровня, при котором обычные оперативные методы не всегда бывают эффективными. Мы имеем в виду преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемые с помощью сети «Интернет» бесконтактным способом. Сегодня они особенно распространены среди молодежи, включая несовершеннолетних лиц. Вербовщики обещают значительный постоянный ежедневный материальный доход участникам преступной схемы. Сегодня молодые люди имеют достаточно знаний в области компьютерных технологий, но относительно неграмотны в законодательной сфере и не считают совершаемые действия противозаконными [1]. Еще одно объяснение участия молодых людей в наркораспространении — их неустойчивое финансовое положение, отсутствие стабильного заработка, быстрая и кажущаяся легкость обогащения.

Как правило, в преступлениях рассматриваемой категории задействованы несколько человек, объединенных в преступное сообщество. Оно имеет ступенчатую иерархию с четким распределением функций, соблюдением жесткой дисциплины:

Первая ступень — административно-организаторская линия. Данные лица занимаются поставкой наркотиков членам группы для измельчения и фасовки. Количество расфасованного вещества непосредственно зависит от поступающих заказов по регионам для реализации.

Вторая ступень — это обеспечивающая линия, «диспетчеры». «Диспетчер» («дроповод») отвечает за получение «заказов» от потребителей наркотических средств, отправку «заказов» закладчикам, осуществляет контроль за поступлением оплаты от потребителей наркотиков, получением адреса «закладки» наркотиков от закладчиков и отправлением данных адресов наркопотребителям. Сюда же входят и «массажисты» — лица, осуществляющие подбор и аренду помещения, где будут

временно храниться наркотики и приборы для их удобной фасовки; обеспечивающие сохранность наркотического средства и наблюдающие за качеством расфасовки. «Кассир» («финансовый директор») снимает денежные средства, полученные через платежные терминалы с банковских счетов, и распределяет их между нужными членами группы либо передает организатору группы. Именно эти технологии дают организаторам преступных групп возможность получать прибыль от своих противоправных деяний, даже если они находятся за пределами Российской Федерации.

Третья ступень — исполнительская линия: «закладчики» («дропы») по указанию диспетчера закладывают наркотическое средство в определенное место, адрес которого присылают «диспетчеру». «Курьер» («бегунок») отвечает за доставку расфасованных наркотиков и пополнение их количества у «закладчиков». Наркотик от курьера к закладчику передается также путем закладки.

Если один из сотрудников низшей ступени хорошо себя зарекомендует, он может быть переведен на более высокий уровень, и наоборот.

Каждое лицо, задействованное в преступной схеме бесконтактного сбыта, получает четкие инструкции: как правильно фасовать наркотики; куда, в какое время суток их лучше всего прятать (закладывать); как грамотно пользоваться анонимными средствами передачи информации через различные прокси-серверы, включая анонимные иностранные прокси-серверы; какие зашифрованные фразы или слова для обозначения места закладок использовать; как вести и себя, что говорить в случае выявления их преступной деятельности и задержания сотрудниками полиции.

Таким образом, приобретение (сбыт) наркотического средства с помощью сети «Интернет» схематично выглядит следующим образом:

Наркоприобретатель по мобильному телефону (звонок или SMS-сообщение) заказывает у «диспетчера» необходимое количество наркотического средства, последний сообщает покупателю денежную сумму, которую ему необходимо отправить за приобретаемый товар с помощью электронной платежной системы. Приобретатель отправляет указанную сумму через платежный терминал (например, платежная система «Киви» дает возможность оплачивать товары и услуги, переводить денежные средства в другие платежные системы и банки без открытия счета и предоставления документов, подтверждающих личность). Время перевода денежных средств от платежного терминала «Киви» до банка составляет не более 10 мин. Зарегистрировать «Личный кабинет Киви» можно

через Интернет или платежные терминалы «Киви». При регистрации отсутствует необходимость ввода паспортных либо иных личных данных, достаточно ввести номер банковской карты (банковского счета) и иметь в наличии абонентский номер оператора мобильной связи, после регистрации абоненту присваивается пин-код.

По получении подтверждения об оплате диспетчер дает команду «закладчику» осуществить закладку необходимого количества наркотического средства в условленном месте. Здесь нужно обратить внимание на следующее обстоятельство: как правило, «закладчики» не знают «диспетчера». Связь осуществляется через мобильные приложения «Вайбер», «Ватсап», «Джабер», «Телеграм», а также через сервисы однократных сообщений «Привноут» и др.

После осуществления «закладки» «диспетчер» сообщает покупателю ее место. При такой схеме бесконтактного сбыта роли между участниками преступного бизнеса обычно четко распределены, сам «диспетчер» не имеет никакого контакта с наркотиками и выполняет лишь функции координатора. Кроме того, в целях конспирации общение по сотовому телефону между участниками преступной сделки осуществляется с помощью условных фраз и слов, не имеющих никакого отношения к наркотикам и преступной деятельности. Сим-карты регистрируются на подставных лиц. За денежное вознаграждение они легко идут на контакт, приобретая на свое имя не один десяток сим-карт (их впоследствии передают преступникам). На этих же лиц за денежное вознаграждение или получение какого-либо наркотика оформляются и банковские счета, которые позже по той же схеме передаются организаторам наркобизнеса.

Для совершенствования сокрытия своей преступной деятельности члены сообщества систематически меняют сотовые компании, мобильные телефоны, банковские счета и лиц, желающих оказать содействие за денежное вознаграждение. Номера телефонов используются исключительно для связи между конкретными звеньями преступной цепи. В ходе телефонного общения используется минимальное количество фраз, также зашифрованных, включая измененные названия банков и мест закладок (антонимы к названиям улиц, изменение номеров домов).

Следует отметить, что сама система оплаты посредством электронных платежных терминалов практически не контролируется государством. Ее преимуществами также являются анонимность, оперативность, простота процесса и дальнейшего распоряжения «электронными деньгами»: через Интернет их можно перевести на электронную

банковскую карточку, оплатить ими кредит, коммунальные платежи и др. Все эти обстоятельства существенно затрудняют документирование преступной деятельности наркосбытчиков и фактически делают бесполезными прежние методы работы оперативных сотрудников (в частности, задержание сбытчика непосредственно после передачи наркотиков и изъятие у него заранее помеченных денежных купюр). Документирование деяния возможно после понимания всей схемы преступной деятельности с использованием сети «Интернет».

Наркотики заказываются потребителями путем отправки SMS-сообщений на мобильный телефон наркодилеров с указанием требуемого количества. Деньги за них перечисляются через платежные терминалы электронных платежных систем «Киви», «Яндекс.Деньги», «Вебмани», «И-порт». Цены на «товар» и номер банковского счета, куда должны отправляться денежные средства, сообщаются клиентам заранее. После зачисления денег на счет (информация об этом поступает на сотовый телефон наркоторговцев в автоматическом режиме) покупателю сообщается место закладки наркотика. Механизм движения денежных средств таков: через платежные терминалы «Киви» деньги поступают на банковский счет, открытый наркодилерами на подставных лиц, а затем обналчищаются через банкоматы.

Для изобличения виновных лиц сотрудники правоохранительных органов должны проводить работу сразу в двух направлениях: первое — выявление так называемого «диспетчерского центра», созданного членами преступного сообщества, где осуществляются прием заказов от потребителей наркотических средств и координация деятельность курьеров; второе — установление личности членов этого сообщества, выступающих в роли закладчиков. В результате этой целенаправленной деятельности можно установить максимальное количество курьеров — закладчиков наркотиков, а также иных членов группы с определением их роли и функций, составить подробную схему наркобизнеса.

Успеху в раскрытии и расследовании преступления будут способствовать такие действия сотрудников оперативных и следственных подразделений, как:

- 1) наружное наблюдение;
- 2) контроль и запись телефонных переговоров (оперативно-разыскное мероприятие — прослушивание телефонных переговоров);
- 3) изъятие платежных квитанций;
- 4) получение информации о соединении между абонентами (абонентскими устройствами);

5) проверка социальных сетей на предмет выявления рекламы наркотиков и действий, связанных с ними, на страницах лиц, за которыми ведется наблюдение правоохранительных органов.

При расследовании преступлений данного вида применяются определенные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия. Например, выявление информации о том, что на каком-либо сайте имеется реклама наркотиков или работы курьера или закладчика, поможет следователю (ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) произвести следственный осмотр страницы этого сайта и зафиксировать эти сведения в качестве доказательств преступной деятельности.

Немаловажную роль играет прослушивание телефонных переговоров преступников. В сотовых компаниях нужно незамедлительно получить детализацию соединений абонентских номеров организаторов преступного сообщества с установлением местонахождения базовых станций и IMEI-номера телефонного аппарата абонента. Детализация позволит определить наличие общения между «высшим звеном» с более низким, подчиненным рангом («диспетчерами», «раскладчиками», «курьерами»). В компаниях сотовой связи также необходимо истребовать данные о поступивших денежных средствах в интересующий правоохранительные органы период на номера абонентов, предоставлявших свои услуги членам преступной группы.

Дальнейший важный шаг расследования — изъятие банковских счетов, открытых на лиц, не являющихся членами преступного сообщества. Это те лица, на которых зарегистрированы счета без их уведомления, например, по похищенным (потерянным) паспортам, либо лица, вовлеченные в преступное сообщество сотрудниками банка. Здесь же нужно изъять: 1) оригиналы заявлений об установлении различных услуг, например, SMS-оповещений; 2) выписки со счетов о движении денежных средств с указанием места, даты и суммы [2, с. 30].

После задержания (уже) подозреваемого лица в ходе его личного обыска необходимо изъять кассовые чеки, банковские выписки, чеки из электронных терминалов с оплатой за приобретенный наркотик. Если этого обнаружить не удастся, нужно произвести выемку информации с самого терминала.

Важно отметить, что участники преступной группы, как правило, не находятся в одном городе (стране), постоянно перемещаются по регионам, общаясь с «диспетчерами», «бегунками» и потребителями. Доказательствами их пребывания в установленных следствием местах могут быть доку-

менты из гостиниц, показания персонала гостиниц (администраторов, горничных), фото- видеосъемка такого следственного действия, как предъявление лица для опознания (по фотографии).

Одним из важных следственных действий является осмотр предметов и документов: обнаруженных и изъятых наркотиков, упаковочного материала, приборов для осуществления различных химических действий с наркотиками, различных средств для изготовления и потребления, электронных носителей, различных записей, проездных билетов и т. д.

Хотелось бы обратить особое внимание на осмотр смартфонов, ноутбуков, планшетов и т. п. Сначала общие правила: описание внешних данных, фирмы, размера, цвета, характеристик клавиатуры, возможной информации о владельце на фоновой заставке. Далее частные: наличие наклеек, украшений, возможных повреждений на корпусе или дисплее. Если на момент осмотра сотового телефона он выключен, включать его нельзя. Следователь должен предполагать, что на телефоне может стоять какая-либо защитная программа («Антивор», «Чужак»), и при включении аппарата невладельцем может быть удалена важная информация, подтверждающая преступное деяние, либо телефон может полностью заблокироваться, и наоборот, если телефон включен, действия следователя должны быть направлены на поддержание заряда батареи, чтобы не пришлось после его внезапного отключения решать вопросы с пин-кодом, рисунком безопасности или отпечатком пальца. Кроме того, для сохранения имеющихся на телефоне данных нужно перевести его в режим «полета», чтобы исключить возможность управления телефоном на расстоянии и неконтролируемую передачу данных. Далее при более тщательном осмотре телефона необходимо установить международный идентификатор мобильного оборудования — IMEI (уникальный номер аппарата). Найти его можно следующим образом:

- набрать знаки: *#06#;
- увидеть под зарядной батареей (в случае ее наличия);
- увидеть в гарантийном талоне или на упаковке.

Затем требуется исследовать память телефона, принятые и отправленные сообщения, информацию, содержащуюся в так называемом «облаке» — виртуальном интернет-хранилище.

К осмотру иной электронной техники (компьютеров, ноутбуков, нэтбуков и т. п.) также нужно подходить с использованием специфических

средств и методов. Здесь обязательно участие специалиста. Необходимо установить тип, программное обеспечение устройства, средства его защиты от несанкционированного доступа. Осмотр рекомендуется проводить с использованием дисковых накопителей, портативного принтера для печати, специализированного лабораторно-исследовательского переносного компьютера со специальным программным обеспечением. Не допустить утраты криминалистически значимой информации поможет соблюдение некоторых правил:

— включение-выключение оргтехники проводится только специалистом;

— использование криминалистической техники должно происходить только с согласования специалиста, чтобы не допустить разрушение микросхем памяти и носителей информации;

— нельзя изменять состояние различных переключателей, писать что-либо на магнитных носителях, близко подносить их к осветительным приборам, держать рядом с водой или иным источником влаги, хранить без специальной упаковки;

— необходимо принять все меры к выявлению и изъятию папиллярных следов рук, возможно имеющихся на клавиатуре, кнопке включения-выключения питания, корпусе.

Осмотр оргтехники допустимо производить как в служебном кабинете следователя, так и на месте обнаружения. В протоколе осмотра помимо основных категорий указываются и иные показатели: температура и влажность воздуха в помещении, место обнаружения носителей информации, плотность записи, имеющиеся наклейки или надписи и т. п. При невозможности изъятия носителей информации требуется принять меры к исключению доступа к ним заинтересованных лиц. Идеальным средством обеспечения сохранности вычислительной техники является блокирование помещения, в котором она установлена, с одновременным отключением источников электропитания. Если по-

следнее невозможно (компьютер является сервером или рабочей станцией в сети), с помощью специалиста создаются условия только для приема информации. В этом случае опечатываются все необходимые узлы, детали, части и механизмы компьютерной системы.

Дальнейшими следственными действиями могут являться:

1) получение образов для сравнительного исследования, а именно образцов голосов членов преступной организации;

2) назначение и производство фоноскопической экспертизы;

3) назначение и производство лингвистической экспертизы;

4) допрос лиц, не являющихся членами преступной группы, но каким-либо образом оказывающих им содействие — лиц, оформивших на свое имя сим-карты, банковские счета, предоставляющих свою жилплощадь или иные помещения в распоряжение наркодельцов;

5) допросить родственников задержанных преступников в целях сбора характеризующего материала, а также установления информации по номерам телефонов, использовавшихся в преступной деятельности.

Параллельно с указанными следственными действиями нужно производить обыски в жилищах, иных строениях, выемки и др.

Безусловно, это не полный спектр оперативно-разыскных, процессуальных и следственных действий, проводимых в ходе раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. В настоящее время необходимо постоянно совершенствовать методическую работу по расследованию уголовных дел рассматриваемой категории по причине быстрого развития высоких технологий и огромного спектра возможностей сокрытия деяний преступниками.

1. Кушпель Е. В., Кулешов П. Е. Некоторые аспекты криминалистической характеристики незаконного сбыта наркотических средств, совершенного бесконтактным способом // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2. С. 119—122

2. Кушпель Е. В., Кулешов П. Е. Особенности методики расследования незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием высоких технологий // Успехи современной науки и образования. 2016. № 7. Т. 4. С. 26—31.

© Пупцева А. В., 2018

1. Kushpel E. V., Kuleshov P. E. Some aspects of the criminalistic characteristics of the illegal sale of narcotic drugs committed by a non-contact method // International journal applied and fundamental research. 2016. No 2. P. 119—122.

2. Kushpel E. V., Kuleshov P. E. Features of the procedure for investigating the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic substances committed with the use of high technology // Advances in modern science and education. 2016. No 7. Vol. 4. P. 26—31.

© Puptseva A. V., 2018

З. Р. Рустамзода

**ТИПИЧНЫЕ СЛЕДЫ И МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ
ПРИ СОВЕРШЕНИИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ**

Данная статья посвящена изучению следов и механизмов следообразования при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Дается криминалистическая характеристика преступлений указанной категории. Автор рассматривает методические вопросы расследования этих преступлений, анализирует механизмы следообразования. Также в статье классифицируются следы и механизмы следообразования. Автор изучает виды следов и особенности их образования при совершении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Автор делает выводы о том, что методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов, наряду с анализом следственной и судебной практики целесообразно использовать в учении о криминалистической характеристике. Указывает на первоочередность проблемы уяснения ее сущности, которая заключается в предметном изучении самих деяний, механизма образования следов в целях подготовки на этой основе наиболее эффективных рекомендаций по их обнаружению и криминалистическому анализу, а также использованию в процессе доказывания.

Ключевые слова: следы, механизмы следообразования, наркотические средства и их аналоги, незаконный оборот наркотических средств и их аналогов, криминалистическая характеристика.

Z. R. Rustamzoda

**TYPICAL TRACES AND THE TRACE FORMATION MECHANISM
IN COMMITTING ILLICIT TRAFFICKING OF DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES
AND THEIR ANALOGUES**

In the article traces and the trace formation mechanism in committing illicit trafficking of drugs, psychotropic substances and their analogues are examined.

The author gives the criminalistics characteristics of the mentioned category of crimes; examines the methodical issues of investigating these crimes and analyzes the trace formation mechanism; classifies the types of traces and the peculiarities of trace formation mechanism in committing illicit trafficking of drugs, psychotropic substances and their analogues.

The examination highlights that the investigative methods of crimes related to the illicit trafficking of drugs, psychotropic substances and their analogues as well as analysis of investigative and court practice should be used in theory of the criminalistics characteristics. First, the author proposes to examine the issue's nature including detailed survey of the acts and the process of trace formation mechanism to develop on this base the efficient guidelines of trace discovering and criminalistics analysis and their application in the proving process.

Key words: traces, trace formation mechanism, drugs and their analogues, illicit trafficking of drugs and their analogues, criminalistics characteristics.

Борьба с незаконным оборотом наркотических средств является вопросом национальной безопасности Республики Таджикистан, что обусловлено географическим положением страны. Как известно, Таджикистан имеет общую границу с Афганистаном,

где производство наркотических средств имеет исторически давние корни и широкие масштабы. Например, урожай только гашиша за 2016 г. в Афганистане составил 4 100 тонн, незаконные площади посевов опийного мака составили до

150 тысяч гектаров, с которых можно собрать около 7 000 тонн опия-сырца.

Как транзитная страна Таджикистан сталкивается с проблемой перевозки наркотических средств через свою территорию, это влияет и на наркоситуацию внутри государства. По статистическим данным в Таджикистане за последние пять лет наркоситуация резко обострилась, количество преступлений, совершенных в этой сфере, значительно увеличилось. Так, согласно сведениям наркологической службы Министерства здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан, численность больных наркоманией в 2016 г. составила 7 067 человек [1] (при численности населения 8 млн 388 тыс. человек). Количество зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств в 2016 г. — 965, что на 2,8 % больше, чем в 2015 г. и на 18,3 % больше уровня 2011 г. [2, с. 4]. Данный факт обуславливает ведение государством полномасштабной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. В связи с этим исследование криминалистической характеристики данной категории преступлений представляется важным аспектом. Кроме того, существенное значение имеет разработка новых частных методик расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их криминалистических характеристик. Положение, изложенное выше, является фундаментом для формирования модели криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Криминалистическая характеристика преступлений рассматриваемого вида как основа методики расследования сформирована на научном обобщении криминальной практики и состоит из системы криминалистически значимых для его раскрытия признаков (элементов) [3, с. 30]. Постоянное внимание, которое уделяется разработке учения о криминалистической характеристике преступлений, объясняется прежде всего необходимостью усовершенствования методики их раскрытия, основанной на познании сущности противоправного деяния, его механизма, способов его совершения, закономерностей процесса образования следов.

Первым криминалистом, давшим развернутое определение криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, был А. Н. Колесниченко [4]. Согласно его точке зрения она включает в себя следующие методические вопросы:

- градацию однотипных преступлений на виды и группы;
- направление расследования и типичные следственные ситуации;

- характеристику способов совершения преступных деяний, видов следов, их применения и путей установления личности преступника;

- характеристику способов совершения и особенностей сокрытия следов преступления, их роль в установлении личности преступника [4, с. 20].

Криминалистическая характеристика изучаемых преступных деяний рассматривается лишь как вероятная модель и может быть использована следователем только в качестве ориентирующей информации. Она является инструментом для ориентации в следовой картине преступления, определения направления расследования, выдвижения типичных версий, принятия следственных решений и их осуществления, выбора вида следственных действий и подготовки к их проведению. В. М. Быков предлагает сформировать ее как систему, основанную «на собственной структуре», которая включает в себя следующие элементы:

- факт совершения преступления группой лиц;
- характер (временная, случайная, устойчивая) и состав группы лиц;
- способ совершения преступлений с участием группы лиц;
- обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений, совершенных группой лиц [5, с. 143].

Перечень элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых индивидуально или в составе группы лиц, может быть идентичным, однако каждый из этих элементов характеризуется определенными особенностями.

Структуре и содержанию криминалистической характеристики незаконного оборота наркотиков свойственен «типичный» набор элементов. Однако с учетом специфики она должна включать в себя следующие элементы:

- предмет преступного посягательства;
- обстановку совершения преступления (время, место, условия);
- способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;
- следы, характерные для данной категории преступлений;
- личность преступника.

Предлагаемое устройство криминалистической характеристики представляет собой полное соответствие особенностям исследуемой категории преступлений. Каждый из перечисленных элементов требует наполнения специфическим содержанием, присущим только данной группе преступлений.

Одну из удачных трактовок понятия «механизм слеодообразования» дал Р. С. Белкин. Он отмечал, что «под механизмом слеодообразования понимается специфическая конкретная форма протекания процесса, конечная фаза которого представляет собой образование следа-отображения», такая

трактовка на данном этапе является наиболее удачной [6, с. 61]. Она способствует изучению обстановки совершения преступных деяний в криминалистическом аспекте как модели объектов посягательства и воздействия, взаимосвязанных и образующих среду следообразования.

В контексте проводимого исследования наиболее значимыми являются такие элементы криминалистической характеристики, как способ, типичные следы и механизм следообразования:

— следы противоправных деяний по изготовлению или переработке средств наркотического характера (наркотические средства, наркосодержащее растительное сырье, химические приборы и лекарственные средства);

— следы сбыта запрещенных веществ и их смесей, микроследы, образовавшиеся на руках подозреваемых, ногтевых пластинах, волосах и одежде, рецептурные бланки (как заполненные, так и пустые, поддельные и оригинальные) на реализацию запрещенных к легальному обороту субстанций и средств через аптеки;

— следы транспортировки наркотических средств и их смесей (способы упаковки и перевязывания, перевязочный материал, полимерная упаковка, содержащая на себе следы пальцев рук, микроследы наслоений, попавших на упаковку в процессе перевозки) [7, с. 51—56].

Рассмотрим наиболее распространенные способы совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов.

Незаконный посев и культивация. Способ совершения данных преступлений представляется в виде сложной системы действий по подготовке и реализации умысла, сокрытию следов. Для подготовки к выращиванию растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, необходимо произвести поиск посевного материала (семян), подходящих земельных участков; принять меры по сокрытию посева и мест выращивания; приобрести и подготовить необходимые для посева и культивации технические средства.

Посев представляет собой внесение семян в почву или высадку рассады без официального разрешения.

Культивацией является уход (удобрение, полив и прополка) за посевами и всходами в целях доведения растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества, до необходимой стадии их созревания, т. е. до состояния их пригодности к изготовлению наркотиков.

А. В. Соловьев определяет изготовление наркотических средств как систему действий по переработке первоначального сырья, в том числе не содержащего наркотических средств и психотропных веществ, пригодного по своим свойствам

и составу для получения одурманивающего эффекта [8]. Кроме того, изготовлением является переработка лекарственных препаратов, очищение их от примесей в целях повышения концентрации веществ наркотического свойства [7; 9, с. 43]. Данный процесс носит прикладной характер и не нуждается в дополнительном исследовании. Практикуются различные варианты изготовления наркотиков, требующие специальных познаний и оборудования. В случаях многоуровневой переработки первоначального сырья в наркотическое средство моментом окончания преступного деяния считается получение наркотического средства независимо от возможностей его переработки [2, с. 43].

Хищение наркотических средств. Существует большое количество способов и вариантов хищения наркотических средств, а также многообразие субъектов преступления и других криминалистически значимых обстоятельств, изложенных в ст. 202 Уголовного кодекса Республики Таджикистан [10].

Способы хищения наркотических средств можно дифференцировать по следующим основаниям:

По субъекту делятся на совершаемые:

— лицами, которым наркотические средства вверены в связи с их служебным положением или под охрану;

— иными лицами, не подпадающими под признаки специального субъекта.

По предмету посягательства можно подразделить на следующие виды:

— хищение готовых лекарственных препаратов;

— хищение сырья с предприятий, производящих наркотические средства;

— хищение растений, содержащих наркотические средства и психотропные вещества с культурных плантаций, а также с приусадебных и дачных участков граждан, незаконно выращивающих указанные растения;

— хищение наркотических средств у граждан, владеющих ими на законных основаниях;

— хищения у лиц, страдающих наркотической зависимостью.

По способам действий хищения подразделяют:

— на совершаемые способами, основанными на использовании служебного положения, т. е. путем создания неучтенных излишков, с использованием должностного подлога;

— совершаемые тайно;

— совершаемые открыто с применением насилия (грабеж или разбой).

В экспертно-криминалистической практике встречаются и другие способы хищения наркотических средств. К ним можно отнести: ложное списание наркотических средств на научные исследования либо лечение онкологических или других категорий больных; замена наркотиков в ампулах и иных емкостях другими веществами; оформление фиктив-

ных актов на уничтожение наркотикосодержащих медикаментов с истекшими сроками хранения, выписка рецептов на вымышленных больных и лиц, которым не предписано медицинское потребление наркотических средств [9, с. 343].

Приобретение наркотических средств. Под приобретением можно понимать покупку, дарение, обмен, принятие в счет погашения долга и другие формы незаконного получения наркотических средств во владение [11, с. 19]. Цель приобретения наркотических средств может быть различной, в том числе для их дальнейшего употребления, перепродажи либо другой формы применения или распространения, а также для вовлечения в потребление наркотиков новых лиц. Наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги могут приобретаться и для совершения иных преступлений (например, приведения потерпевшего в бессознательное состояние).

Под хранением понимается подлинное владение наркотическими средствами для личного потребления или последующего сбыта, а также в иных целях (например, хранение наркотических средств по просьбе других лиц). С криминалистической точки зрения хранение должно быть рассмотрено как одна из стадий преступного распространения наркотиков (например, наркотики в небольшом количестве можно спрятать в подкладке, швах одежды, пуговицах, естественных полостях организма, предметах обстановки жилого помещения и на рабочем месте, специально изготовленных тайниках, замаскированных под предметы домашнего обихода и т. д.). Для маскировки используются следующие способы: дробление таблеток до мелкого порошка и их хранение под видом средств бытовой химии или пищевых продуктов, замена фабричной упаковки на упаковку других лекарств, хранение жидкой консистенции в пузырьках от обычных лекарств.

Современные способы перевозки имеют различный характер, при этом постоянно совершенствуются. Преступники используют изоцированные меры конспирации, которые затрудняют выявление и курьеров, и самого перевозимого наркотического груза. Для перевозки наркотиков различными видами транспорта (железнодорожным, водным и автомобильным) могут использоваться случайные лица, которых просят передать посылку соответствующим получателям. Но чаще всего это специально нанятые «курьеры». Для них разрабатываются пароли, средства оповещения и «легенды» на случай задержания. Перевозка наркотических средств также может осуществляться путем пересылки их по почте в посылках, бандеролях и даже в конвертах [12, с. 83].

Необходимо отметить, что в Республике Таджикистан наиболее распространенным способом перевозки наркотических средств является исполь-

зование курьера. Данное обстоятельство обусловлено прежде всего тем, что по территории республики проходит транзитный коридор. Многие безработные граждане, желая подзаработать легким, на первый взгляд, путем идут на неоправданный риск. Курьеры придумывают разные способы и механизмы перевозки наркотических средств: перевозка в замаскированном под сухофрукты виде (например, фисташки, орехи, миндаль); в разных предметах быта, одежды, обуви; в желудке (проглатывание полимерных контейнеров).

Способы сбыта наркотических средств зависят от стадии преступной деятельности по их распространению от производителя к конечному потребителю. Продажу наркотических средств лицам, употребляющим их, производят те, кто занимается расфасовкой и подготовкой наркотиков к употреблению, оптовой скупкой. Обычно такой «сбычик» обслуживает несколько групп. При этом он стремится ограничить свои контакты одним особо доверенным лицом, через которого продает наркотики для всей группы. Для получения развернутого представления о данной категории преступлений необходимо рассмотреть механизм образования следов при совершении перечисленных действий, а также свойства отдельных элементов механизма следообразования.

Механизм образования следов при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, имеет свои особенности. Они связаны со спецификой совершения данных преступных деяний.

В диспозиции ст. 202 (1) УК Республики Таджикистан предусмотрены такие виды деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, которые могли бы быть отдельными составами преступлений. К таким законодатель Республики Таджикистан отнес незаконные: производство, изготовление, переработку, приобретение, хранение, сбыт; транспортировку или пересылку прекурсоров в целях их применения в производстве или изготовлении наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере [10]. Следы, относящиеся к данной категории преступлений, можно классифицировать следующим образом.

К первой группе следов относятся сами наркотические средства: в виде порошка, спрессованных шариков, кусков, пластин и других форм. Сюда же можно отнести план местности, схемы, карты, проездные документы, билеты, свидетельствующие о том, что лицо посещало то или иное место.

Ко второй группе относятся следы, связанные с действиями по изготовлению или переработке наркотических средств. К ним можно отнести: сами наркотические средства и психотропные вещества,

наркотикосодержащие растения и лекарственные препараты, инструменты и оборудование для изготовления, переработки, дробления и взвешивания наркотических средств (лабораторная и бытовая посуда с остатками продуктов приготовления или синтеза наркотических средств), исходные, промежуточные и конечные продукты синтеза, а также записи химических схем синтеза.

К третьей группе следов, а именно сбыта, приобретения и потребления наркотических средств, относятся: табачные изделия, медицинские шприцы и иглы, ампулы с лекарственными веществами, перевязочные бинты, смывы с рук, ногтевые срезы и волосы, следы инъекций на частях тела наркозависимого. Кроме того, это могут быть рецептурные бланки (в том числе поддельные), выписываемые на получение наркотических средств в аптеке, и соответствующие документы, содержащие информацию о хищениях наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях здравоохранения, следы наркотических средств на предметах одежды (манжетах и вороте рубашки, в карманах и т. п.).

К четвертой группе следов, связанных с передачей наркотических средств и психотропных веществ, относятся: специально изготовленные или приспособленные упаковки и контейнеры, ампулы, капсулы, на которых могут быть оставлены следы пальцев рук, частицы наркотических средств, а также наслоения различных веществ и материалов, попавшие на упаковку в процессе транспортировки частицы наркотических средств.

Часто встречаемыми группами следов, связанных с наркотическими средствами, являются микрочастицы. Их можно обнаружить на объекте-носителе в виде механических включений и наслоений,

например на предмете одежды. Кроме того, большое количество микрочастиц обнаруживается на бытовых предметах (ложках, газовой горелке, посуде, ступке, пресс-форме и сите). Микроследы в виде пятен могут находиться на внутренних стенках шприца для однократного применения, ученических или аптекарских разновесах (весах), приборах, упаковках химических реактивов, используемых для синтеза запрещенных препаратов, на стенках бытовых емкостей, медицинских шприцев, перевязочных бинтах и ватных тампонах [13, с. 290—313].

Изъятие микрочастиц наркотических средств производится с объектом-носителем:

— жидкостные микроколичества — в посуде, шприце, капилляре;

— порошкообразные вещества на предметах одежды — вместе с предметом одежды и т. д.

Технико-криминалистическими средствами для поиска и обнаружения следов служат лупа (криминалистическая), различные источники света, ультрафиолетовые преобразователи света (лампы), пылесос (со съемными микронасадками), пинцет, игла (препаровальная) и т. п. [14, с. 86].

Таким образом, при разработке методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов, наряду с анализом следственной и судебной практики целесообразно использовать учение о криминалистической характеристике. При этом первоочередной является проблема уяснения ее сущности, которая заключается в предметном изучении самих деяний, механизма образования следов в целях подготовки на этой основе наиболее эффективных рекомендаций по их обнаружению и криминалистическому анализу, а также использованию в процессе доказывания.

1. По материалам пресс-конференции по итогам работы за 2016 год Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://akn.tj> (дата обращения: 22.04.2018).

2. Кодиров Д. С. Незаконный оборот наркотических средств: особенности методики расследования (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

3. Советская криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений / В. К. Лисиченко [и др.]; под ред. В. К. Лисиченко. Киев, 1988.

4. Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков. 1976.

5. Быков В. М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент, 1991.

1. On the materials of the project-financing for the work for 2016, the Agency for monitoring the narcotics under the President of the Republic of Tajikistan. URL: <http://akn.tj> (reference date: 22/04/2018).

2. Kodirov D. C. An Unexposed Circuit of Narcotic Agents: The Synthesis of the Methodology of Order (on the Material of the Republic of Tajikistan): dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2017.

3. A conscientious criminal. Methodics of management of some views of introduction / V. K. Lisichenko [and others]; ed. by V. K. Lisichenko. Kiev, 1988.

4. Kolesnichenko A. N. General information on the procedure for the management of certain views of the buildings. Harkov. 1976.

5. Bykov V. M. Preliminary group: criminality problems. Tashkent, 1991.

6. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: Юрист, 1997. Т. 2.

7. Актуальные вопросы экспертизы веществ, материалов, изделий и перспективы ее развития / И. Н. Мельников [и др.] // Комплексные проблемы техносферной безопасности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2014. С. 51—55.

8. Соловьев А. В. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Следователь. 1998. № 5.

9. Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева. М., 1984.

10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (по сост. на 14.11.2016).

11. Шурухнов Н. Г. Расследование незаконного изготовления, хранения, приобретения, перевозки и сбыта наркотических средств. М.: Академия МВД СССР, 1990.

12. Драган Г. Н., Калачев Б. Ф. Наркомания и наркобизнес: выявление и пресечение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. М., 1998.

13. Знание современной химии металлов — путь успешной работы эксперта криминалиста в раскрытии некоторых категорий преступлений / Г. К. Лобачева [и др.] // под ред. Г. К. Лобачевой. Волгоград, 2013. Ч. 2. С. 290—313.

14. Наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества: правовые, методические и криминалистические аспекты: учеб.-практ. пособие / М. Ю. Захарченко [и др.] // под ред. С. Я. Пичхидзе. Саратов: КУБиК, 2015.

6. Belkin R. C. The course of criminalistics. Moscow: Jurist, 1997. Vol. 2.

7. Actual questions of the examination of substances, materials, products and prospects of its development / I. N. Melnikov [and others] // Complex problems of technical security: the materials of the interrogator scientific practical conference. Voronezh, 2014. P. 51—55.

8. Solovev A. V. The criminal characteristics of attempts connected with the unhealthy process of narcotic agents // Investigator. 1998. No 5.

9. Criminality / ed. by I. F. Panteleev. Moscow, 1984.

10. The Criminal Code of the Republic of Tajikistan from 21 May 1998 No 574 (on the date of 14.11.2016).

11. Shurukhnov N. G. The management of non-existent production, storage, retrieval, retrieval and sales of narcotic drugs. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990.

12. Dragan G. N., Kalachev B. F. Drug addiction and drug business: revealing and transgression of unsophisticated circulation of narcotic substances and psychic substances. Moscow, 1998.

13. Knowledge of the current chemistry of metals — the way of the effective work of the criminal justice in the reopening of certain categories of theories / G. K. Lobacheva [and others] // ed. by G. K. Lobacheva. Volgograd, 2013. Part 2. P. 290—313.

14. Drugs, psychic and strong substances: right, mortar and criminic acyclical objects: ucheb.-prikt. / M. Yu. Zacharcheko [and others] // ed. by S. Ya. Pichkhidze. Saratov: Cubic, 2015.

© Рустамзода З. Р., 2018

© Rustamzoda Z. R., 2018

* * *

В. С. Хоршева, Е. В. Токарева

НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ВЫЕМКИ

В статье проводится всесторонний анализ сущности выемки как отдельного следственного действия. Уделено внимание тактическим, процессуальным и организационным аспектам ее производства, соблюдению прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Рассмотрены проблемы производства выемки до возбуждения уголовного дела и возможность ее проведения в случаях, не терпящих отлагательств. Выделены фактические и юридические основания производства выемки. Предлагаются рекомендации по совершенствованию тактики производства данного следственного действия, а также поднимается вопрос по внесению изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: следственные действия, выемка, предметы, документы, изъятие, тактика, предварительное расследование, уголовно-процессуальное законодательство.

V. S. Khorsheva, E. V. Tokareva

SOME ORGANIZATIONAL AND TACTICAL PROBLEMS OF SEIZURE EXECUTION

The article provides a comprehensive analysis of seizure essence as separate investigation activity, drawing attention to tactical, procedural and organizational aspects of seizure execution, observing rights and freedoms of participants in criminal procedure. Reviewed in the article are problems of seizure execution prior to institution of a criminal case and the possibility of seizure execution, tolerating no delay. Identified are actual and legal grounds for seizure execution. Described are errors, made in investigation practice when implementing provisions of article 183 of the Russian Criminal Procedure Code, regarding seizure execution of articles and documents in a house, suggestions are made on adaptation of provisions in articles 165 and. 183 of the Russian Criminal Procedure Code. The purpose of the research is analysis of the existing implementation practice and elaboration of science based recommendations on improving the tactics of this investigation activity. Also raised is the issue of revising the effective Criminal Procedure Code and the necessity in improving articles 183 and 144 of the Russian Criminal Procedure Code.

Key words: investigation activity, seizure, articles, documents, seizure, tactics, preliminary investigation, Criminal Procedure Code.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит понятия выемки, в ч. 1 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) лишь указано, что при необходимости изъятия определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, и если точно известно, где и у кого они находятся, производится их выемка. Действующее законодательство не содержит и разъяснения того факта, у кого именно, т. е. у лица, находящегося в каком процессуальном статусе, может быть произведена выемка. В то же время анализ следственной и судебной практики дает возможность сделать вывод, что выемка может быть произведена у любого участника уголовного процесса, будь то потерпевший, свидетель, подозреваемый или обвиняемый.

Кроме того, спорным является вопрос о том, может ли выемка проводиться только у физического лица либо она может быть произведена в целях изъятия предметов и документов и у физического, и у юридического лица. Анализ практики показывает, что случаи производства выемки в организациях и учреждениях нередки, об этом прямо говорит и уголовно-процессуальное законодательство, предусматривая возможность производства выемки в ломбардах, банках и иных кредитных организациях. В связи с этим в научной литературе имеется мнение о том, что выемка может быть произведена как у физического, так и у юридического лица [1]. Мы считаем его неверным по следующим причинам. При производстве выемки на предприятии, в учреждении либо организации постановление о производстве выемки предъявляется конкретному физическому лицу,

занимающему определенную должность в этой компании, данное лицо подписывает протокол выемки. Таким образом, фактически выемка всегда производится у физического лица.

Анализ ст. 183 УПК РФ позволяет определить выемку как следственное действие, связанное с изъятием у физического лица определенных предметов или документов, имеющих значение для дела, местонахождение которых точно известно.

Целью производства выемки всегда является изъятие определенных предметов и документов, имеющих значение для дела.

Задачами выемки является изъятие:

1) орудий преступления (например, лома, которым взломано запорное устройство при проникновении в помещение, жилище, хранилище);

2) предметов:

— со следами преступления (например, одежды, обуви со следами пятен бурого цвета, похожих на кровь);

— ставших предметами преступного посягательства (например, похищенный сотовый телефон);

3) документов, в которых содержится важная информация для дела (например, товарные накладные, фотоснимки, чеки);

4) объектов, изъятых из оборота (например, наркотических средств, оружия);

5) имущества, на которое может быть наложен арест в порядке ст. 115 УПК РФ.

Исходя из задач производства выемки, можно выделить следующие ее виды: выемка предметов; выемка документов; выемка почтово-телеграфных отправлений.

Фактическим основанием производства выемки выступает наличие у лица, производящего расследование, данных о том, что в определенном месте у определенного лица имеются предметы и документы, имеющие значение для расследуемого уголовного дела. Основанием для такого вывода служат имеющиеся в деле доказательства, которые прямо указывают на вид искомых объектов и их местонахождение. Другими словами, сведения о виде и местонахождении искомых предметов и документов при выемке должны носить не вероятный, а достоверный характер. Достоверность означает, что данные получены уголовно-процессуальными средствами: при производстве каких-либо других следственных действий, т. е. сведения, из которых следует, что у определенного лица в определенном месте имеется определенный предмет, должны содержаться в материалах уголовного дела и быть доступными для обозрения всех, в чьи полномочия входит возмож-

ность ознакомления с материалами уголовного дела.

Нужно также учитывать, что, кроме достоверности знаний о том, где находятся искомые предметы или документы, необходима еще и точность таких знаний. Абсолютное понятие точности относительно знаний о местонахождении искомого не может быть сформулировано, поскольку данная категория зависит от характеристик объекта, подлежащего изъятию. Чем объект объемнее, тем меньшая точность его местонахождения требуется. Так, если изъятию подлежит телевизор, поскольку он легко обнаруживается визуально, достаточно иметь представление о помещении, в котором он находится (о квартире или дачном доме); если изъятию подлежат автомобильные шины, то также достаточно иметь представление об их месте нахождения (о гараже или складе). Несколько сложнее понимание точности местонахождения в случаях, когда искомый объект обладает маленьким размером. В этой ситуации точность связывается с размером того хранилища, где может находиться данный предмет. Например, если искомым объектом является обувь, то необходимо знать и квартиру, и конкретный шкаф. Если речь идет о еще более мелком предмете, например, ювелирном изделии, то необходимо знать конкретный выдвижной ящик, сейф, где данное изделие находится.

Если точное место нахождения объектов, интересующих следствие, неизвестно, то лицо, производящее расследование, будет вынуждено принять меры к поиску необходимого объекта, а такие действия в рамках производства выемки недопустимы, поэтому при отсутствии точных знаний о месте нахождения предметов и документов, интересующих следствие, должен проводиться обыск, а не выемка.

Если речь идет о выемке документов в организации, имущества в ломбарде, комиссионном магазине, изделий из металла, находящихся в пункте приема металла, требование о точном месте нахождения объекта является относительным, так как в постановлении о производстве выемки может быть указано только наименование и адрес организации, в которой осуществляется выемка, особенно это касается бесконфликтных ситуаций [2].

Обычно информацию о месте нахождения каких-либо предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, лицо, производящее расследование, получает в ходе допросов. Так, в ходе допроса у свидетеля могут быть получены сведения о том, что у него имеются документы на похищенную бытовую технику, данные показания будут

являться основанием для производства выемки у свидетеля указанных документов.

В ходе допроса у свидетелей могут быть получены сведения о том, что они видели у определенного лица, например, у подозреваемого, предмет, похожий на похищенный у потерпевшего, либо о том, что подозреваемый продал им похищенную вещь, которая находится у них. В ходе допроса подозреваемого (обвиняемого) могут быть получены данные о том, где находится похищенное им имущество либо средства совершения преступления.

В качестве примера сведений, носящих достоверный характер, которые послужили основаниями для выемки, можно привести приговор Долинского городского суда Сахалинской области от 23 ноября 2012 г., которым З. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. в, г ч. 2 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. Судом установлено, что З. похитил мобильный телефон, принадлежащий И.

В ходе допроса подозреваемого З. были получены признательные показания о том, что им у И. похищен мобильный телефон. На основании данных показаний у З. была произведена выемка мобильного телефона, похищенного им у И. [3].

В научной литературе существует мнение о том, что достоверные сведения, которые могут выступать в качестве основания для производства выемки, могут быть получены путем гласных оперативно-разыскных мероприятий [4]. Однако это мнение представляется неверным. Любые данные, полученные в ходе производства оперативно-разыскных мероприятий, требуют закрепления путем производства следственных действий. Так, в ходе получения объяснения установлено, что у лица находится предмет, похищенный подозреваемым. Для того чтобы появились реальные основания для производства выемки в целях изъятия данного предмета, лицо, с которого получено объяснение, следует допросить. Таким образом, следственная практика идет по тому пути, что основаниями для производства выемки может являться лишь информация, закрепленная путем производства следственных действий.

Если дальше развить мысль о возможности закрепления информации путем производства следственных действий, то, на наш взгляд, такое закрепление может быть осуществлено лишь путем производства допроса. Это может быть обосновано следующим. Если информация получена, например, в ходе проверки показаний на месте (лицо, давая показания на месте, поясняет, что оно спрятало орудие преступления в кустах рядом с домом, в который оно проникало), то указанный

предмет может быть изъят в ходе проводимого следственного действия — проверки показаний на месте, в связи с чем производства отдельного следственного действия — выемки — не требуется. Аналогичным образом если информация о предметах и документах, имеющих значение для уголовного дела, получена в ходе осмотра места происшествия, указанные объекты изымаются в рамках указанного следственного действия.

Таким образом, представляется, что основанием производства выемки является получение в ходе допросов участников уголовного судопроизводства лицом, производящим расследование, сведений о точном местонахождении предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

По общим правилам выемка производится по постановлению лица, производящего расследование (следователя или дознавателя). Убедившись в наличии достаточных оснований для производства выемки, лицо, производящее расследование, выносит постановление о ее производстве.

Следует отметить, что в настоящее время дискуссионным является вопрос о том, может ли выемка быть произведена до возбуждения уголовного дела в рамках производства процессуальной проверки сообщения о преступлении. Статья 144 УПК РФ содержит неоднозначное указание на возможность производства данного следственного действия на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в ней указывается, что лицо, производящее проверку по сообщению о преступлении, вправе истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ. Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность изъятия документов и предметов в ходе различных следственных действий, в связи с этим сложно понять, подразумевается ли возможность производства выемки как возможность изъятия до возбуждения уголовного дела, либо это касается исключительно тех следственных действий, которые прямо перечислены в ст. 144 УПК РФ (осмотр места происшествия, осмотр предметов и документов).

Некоторые ученые, ссылаясь на закрепленную в ст. 144 УПК РФ возможность изъятия документов и предметов [1], полагают, что выемка может быть осуществлена до возбуждения уголовного дела.

Другие считают, что, если бы законодатель предусмотрел возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела, он бы закрепил такую возможность непосредственно в ст. 144 УПК РФ, как это сделано относительно других следственных действий, соответственно, в данный момент производство выемки в рамках производства процессуальной проверки невозможно [4].

Наиболее верной видится вторая точка зрения именно по тем же основаниям, которые указаны В. Т. Томиным и М. П. Поляковым. Так, законодатель четко указал, какие следственные действия могут быть произведены до возбуждения уголовного дела: получение образцов для сравнительного исследования; назначение судебной экспертизы; осмотр места происшествия, предметов, документов и трупов; освидетельствование; поручение производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов. Кроме того, как уже говорилось выше, основания для производства выемки могут быть получены лишь путем закрепления информации о месте нахождения искомого в протоколах следственных действий, в частности, допросов, а производство допросов ст. 144 УПК РФ в качестве следственного действия, которое может быть произведено в рамках процессуальной проверки, не указано.

Представляется, что законодательно процедура производства выемки может быть упрощена, кроме того, имеется возможность разрешения всех спорных вопросов. Для этого представляется необходимым дополнить ч. 1 ст. 183 УПК РФ следующей нормой: «Основаниями производства выемки являются сведения о местонахождении предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, полученные путем получения объяснений и производства допросов». Такое уточнение позволит лицу, осуществляющему расследование, производить выемку сразу же после получения объяснений, содержащих нужную информацию, без траты времени на производство допросов. Кроме того, внесение изменений в ст. 183 УПК РФ поможет изменить и ст. 144 УПК РФ, в которую предлагается включить норму о том, что при проверке сообщения о преступлении может быть произведена выемка предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Постановление о производстве выемки составляется в соответствии с общими правилами, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством для всех постановлений, выносимых по уголовным делам. Постановление имеет вводную, описательную и резолютивную часть. Во вводной части указывается дата, время и место вынесения данного постановления, должность, фамилия и инициалы лица, вынесшего его, номер уголовного дела, по какому оно выносится, а также статьи УПК РФ, в соответствии с которыми производится это следственное действие. Далее следует описательная часть постановления о производстве выемки, где указываются конкретные основания производства выемки. Так, данная часть постановления может выглядеть следующим образом: «Ус-

тановил: 1 мая 2018 г. неизвестное лицо путем взлома замка входной двери незаконно проникло в квартиру, расположенную по адресу: г. Энск, ул. Энская, д. 1, кв. 1, откуда тайно похитило имущество Н. на общую сумму 157 000 руб., тем самым причинив ей значительный ущерб. В ходе осмотра места происшествия изъят след обуви, который, согласно заключению № 1 от 1 мая 2018 г., является пригодным для идентификации. В ходе расследования по подозрению в совершении преступления в порядке ст. 91, 92 УПК РФ был задержан подозреваемый М. Из его показаний установлено, что кроссовки, в которых подозреваемый М. находился в момент совершения кражи из квартиры, в настоящее время находятся в камере ИВС ОП „Энский“, где содержится задержанный М. В связи с тем что данные кроссовки имеют значение для уголовного дела, необходимо произвести их выемку».

Как видно из указанного примера, все основания производства выемки должны быть описаны подробно, кроме того, в обязательном порядке должно быть указано, где и у кого должна быть произведена выемка.

Изложив основания производства выемки в описательной части, лицо, производящее расследование, переходит к резолютивной части постановления о производстве выемки. В данном примере она будет выглядеть следующим образом: «Постановил: произвести выемку кроссовок в камере ИВС ОП „Энский“».

Вынесенное постановление о производстве выемки лицом, производящим расследование, предъявляется лицу, у которого осуществляется выемка предметов или документов.

В ряде случаев уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации допускает производство выемки только с соблюдением определенных требований. Законом предусматриваются ситуации, в которых выемка может быть произведена исключительно с разрешения суда. Их перечень содержится в нормах УПК РФ. Так, ч. 3 ст. 183 УПК РФ устанавливает, что на основании судебного решения производится выемка: предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. Однако данный перечень не является исчерпывающим, что следует из ч. 5 ст. 165 УПК РФ, где указаны случаи, когда производство выемки, если оно не терпит отлагательств, может быть произведено без судебного решения. Среди таких случаев названы необхо-

димось производства выемки в жилище, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи. Таким образом, несмотря на то, что ст. 183 УК РФ не содержит указания на необходимость получения судебного решения для производства выемки в жилище, данное следственное действие должно осуществляться только по судебному решению. В связи с тем что в следственной практике возможны ошибки толкования данной нормы, представляется необходимым привести в соответствие ст. 165 и 183 УПК РФ: дополнить ч. 3 ст. 183 УПК РФ нормой о том, что выемка в жилище также производится с разрешения суда. Здесь необходимо отметить, что лица, производящие расследование, всячески избегают необходимости производить выемку в жилище, поскольку получение судебного разрешения на производство следственного действия является трудоемким и длительным. Часто, когда выемка осуществляется в бесконфликтной ситуации, лицу, у которого необходимо произвести ее, предлагается принести подлежащее изъятию имущество в служебный кабинет лица, производящего расследование, где и производится выемка. При этом в постановлении и протоколе выемки местом изъятия указывается служебный кабинет, таким образом формально требования, предъявляемые к производству выемки, соблюдаются.

Рассмотрим порядок получения судебного разрешения на производство выемки. Лицо, производящее расследование, при наличии оснований возбуждает перед судом ходатайство о производстве выемки (в жилище, банковской организации, ломбарде и т. д.), составляя постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве выемки в... Его следователь согласовывает с руководителем следственного органа, а дознаватель — с прокурором. К указанному постановлению в обязательном порядке прилагаются материалы уголовного дела, обосновывающие необходимость производства данного следственного действия. Суд, получив ходатайство о производстве выемки и обосновывающие его материалы, изучает их, после чего выносит постановление об удовлетворении ходатайства, разрешая производство запрашиваемого следственного действия, либо, не усмотрев оснований для производства данного следственного действия, отказывает в его удовлетворении. Дальнейший порядок производства выемки аналогичен порядку производства выемки без судебного решения: лицо, производящее расследование, также предлагает лицу, у которого осуществляется выемка предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, добровольно выдать требуемое, а в случае

отказа сделать это производит выемку принудительно.

В некоторых случаях длительность и сложность процедуры получения судебного разрешения на производство выемки может привести к утрате вещественных доказательств. В целях недопущения этого законодатель предусмотрел возможность производства выемки в случаях, не терпящих отлагательств, без судебного решения. В такой ситуации ходатайство о производстве выемки перед судом не возбуждается, лицо, производящее расследование, выносит постановление о производстве выемки такое же, как в случаях, когда разрешение суда не требуется, с одним лишь отличием — в постановлении о производстве выемки в обязательном порядке делается отметка о том, что данное следственное действие является безотлагательным (не терпит отлагательства), при этом такое утверждение должно быть обоснованным. Например, подозреваемый продал другому лицу похищенное имущество, а это другое лицо, храня имущество у себя в жилище, уже нашло покупателя на данную вещь и в ближайшее время намеревается ее перепродать. С целью не допустить утраты вещественного доказательства (похищенного имущества) необходимо безотлагательное производство выемки. Однако здесь следует отметить, что и в случаях, не терпящих отлагательств, обойтись без решения суда по вопросу производства выемки невозможно. В связи с этим в течение трех суток с начала производства безотлагательной выемки лицо, производящее расследование, обязано уведомить об этом суд и прокурора. Уведомление составляется в письменной форме, к нему прилагаются материалы уголовного дела, обосновывающие необходимость производства такой выемки, а также постановление и протокол выемки [5].

Нередко в следственной практике встречаются ситуации, когда лицо, производящее расследование, специально дожидается конца рабочего дня в суде, чтобы произвести выемку безотлагательно, поскольку организационно гораздо проще выполнить следственное действие, а затем уведомить об этом суд. Однако, как верно замечает А. В. Осипов, опасность утраты доказательств при производстве безотлагательного следственного действия ничуть не ниже, чем при длительном непринятии решения о производстве выемки либо обыска [6]. Действительно, в случае производства выемки безотлагательно признание судом данного следственного действия незаконным влечет к полной утрате доказательств, так как в этом случае все полученные доказательства признаются недопустимыми и восстановить их не будет никакой

возможности. В связи с этим лицу, производящему расследование, необходимо в каждой конкретной ситуации взвешивать имеющиеся основания для производства рассматриваемого вида выемки и при наличии сомнений в законности проведения данного следственного действия в обязательном порядке возбуждать перед судом ходатайство о производстве выемки.

Как уже говорилось выше, законодатель предусмотрел возможность производства выемки в случаях, не терпящих отлагательств, без судебного решения, в жилище, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи. В данной ситуации не ясна позиция законодателя относительно того, что из четырех видов выемки, производимых с разрешения суда, безотлагательно могут быть произведены только два вида. Два другие — выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях — как логически следует из сказанного, в случаях, не терпящих отлагательств, производиться не могут. Такая позиция законодателя видится не вполне верной, например, если в преступлении замешан банковский работник, ему ничего не мешает принять меры к уничтожению документов, доказывающих его причастность к совершению преступления, и затягивание с получением разрешения суда на выемку дает преступнику дополнительное время. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в ст. 165 УПК РФ, указав, что в случаях, не терпящих отлагательств, без разрешения суда может быть произведена любая выемка.

Таким образом, выемка представляет собой следственное действие, связанное с изъятием у физического лица определенных предметов или

документов, имеющих значение для уголовного дела, местонахождение которых точно известно, является отдельным следственным действием, его задача — изъятие определенных предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, в случаях когда точно известно, где и у кого они находятся. Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд выемок, при производстве которых должны соблюдаться некоторые требования, особенно это касается тех видов выемок, для производства которых требуется судебное разрешение. Однако и данные нормы нельзя назвать совершенными.

Так, несмотря на то что ст. 183 УК РФ не содержит указания на необходимость получения судебного решения для производства выемки в жилище, это следственное действие должно осуществляться только по судебному решению, что следует из ст. 165 УК РФ. В связи с тем, что в следственной практике возможны ошибки толкования данной нормы, представляется необходимым привести в соответствие ст. 165 и 183 УПК РФ, дополнив ч. 3 ст. 183 УПК РФ нормой о том, что выемка в жилище также производится с разрешения суда.

Выделив случаи, когда на производство выемки требуется судебное решение, законодатель предусмотрел и возможность производства некоторых из этих видов выемок безотлагательно, без судебного решения. Считаем наиболее правильным внести изменения в ст. 165 УПК РФ, указав, что в случаях, не терпящих отлагательств, без разрешения суда может быть произведена любая выемка. В статью 144 УПК РФ предлагается включить норму о том, что при проверке сообщения о преступлении может быть произведена выемка предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

1. Коваленко А. Г. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ. М.: Эксмо, 2013.

2. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. 6-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015.

3. Приговор Долинского городского суда Сахалинской области от 23 ноября 2012 г. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 11.05.2018).

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В. Т. Тomin, М. П. Поляков. 8-е изд. М.: Юрайт, 2015.

1. Kovalenko A. G. Commentary to the Code of Criminal Procedure of Russian Federation. Moscow: Eksmo, 2013.

2. Criminal trial: textbook / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskiy; ed. by A. V. Smirnov. 6 th ed., revised. Moscow: Norma: INFRA-M, 2015.

3. The verdict of the Dolinsky City Court of the Sakhalin Region on November 23, 2012. URL: <https://rospravosudie.com> (reference date: 11.05.2018).

4. Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / scientific. ed. by V. T. Tomin, M. P. Polyakov. 8 th ed. Moscow: Yurayt, 2015.

5. Леонов А. И. Некоторые вопросы разрешения ходатайств на производство следственных действий, проводимых по судебному решению // Общество и право. 2011. № 4.

6. Осипов А. В. Постановление судьи о разрешении производства обыска в жилище: проблемы практики // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 82. Том 1.

© Хоршева В. С., Токарева Е. В., 2018

5. Leonov A. I. Some questions of permission of petitions for the conduct of investigative actions conducted by a judicial decision // Society and law. 2011. No 4.

6. Osipov A. V. Decision of the judge on the resolution of the search of housing: problems of practice // News of the Altai State University. 2014. No 82. Vol. 1.

© Khorsheva V. S., Tokareva E. V., 2018

* * *

А. А. Брюхнов, Н. А. Вакуленко, В. В. Зубенко

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ НАРУШЕНИЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ЗАКОННОСТИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются проблемы укрепления дисциплины и законности. Исследуются особенности современной индивидуальной воспитательной работы. Дается оценка различным направлениям профилактической работы.

Ключевые слова: полицейский, нарушения дисциплины, соблюдение законности, профилактика, индивидуальная воспитательная работа, укрепление дисциплины и законности.

A. A. Bryukhnov, N. A. Vakulenko, V. V. Zubenko

MODERN PROBLEMS OF PREVENTION OF VIOLATIONS OF DISCIPLINE AND LAW IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article discusses the issues of strengthening of discipline and legality. Examines the characteristics of the modern individual educational work. Assesses various directions of preventive work.

Key words: police, misconduct, rule of law, prevention, individual work, strengthening discipline and legality.

Исследованием профилактики отклоняющегося поведения в любых его проявлениях занимались представители различных научных отраслей и направлений. Это свидетельствует о многоаспектности и актуальности профилактики нарушений дисциплины и законности в органах внутренних дел. При этом наряду с совершенствованием организационных, психологических и педагогических основ профилактики данных нарушений большое значение отведено средствам укрепления дисциплины, которые в современных реалиях требуют определенного переосмысления.

Проблема укрепления дисциплины и законности в органах внутренних дел приобретает особую актуальность в свете демократических преобразований в стране. От практической реализации законов и других нормативных актов, добросовестного исполнения своих непосредственных обязанностей, уровня профессионализма управленческой деятельности зависит не только позитивный характер отношений между властью и гражданами, но и авторитет правоохранительных органов, эффективность государственного управления.

Как показывает практика, в последние годы управленческий аппарат различного уровня, подразделения по работе с личным составом принимают усилия, направленные на профилактику и предупреждение дисциплинарных проступков,

чрезвычайных происшествий и правонарушений среди личного состава. Однако результативность этих мероприятий оставляет желать лучшего.

Отметим, что целенаправленное влияние на вопросы соблюдения закона в современной полиции оказывается федеральными и местными исполнительными и распорядительными органами, а также другими структурами, входящими в состав правоохранительных органов. Главными субъектами управления в этой сфере являются руководители различных подразделений ОВД, которые в своей деятельности длительное время опирались, прежде всего, на приказ МВД России «О морально-психологическом обеспечении оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» № 80 (далее — приказ МВД России № 80), который в июле 2018 г. без каких-либо серьезных причин был отменен.

Следует особо подчеркнуть, что для организации работы по профилактике нарушений дисциплины и законности необходим четкий и взвешенный подход руководителей всех уровней к реализации воспитательной работы. Они должны представлять всю ответственность решения этой сложной задачи. Между тем, как показал анализ деятельности ОВД, далеко не всегда при совершении нарушения законности сотрудниками ставится вопрос об ответственности руководителей, что приводит последних к утрате чувства ответственности за

работу своих подчиненных. Более того, в некоторых структурных подразделениях современной полиции до сих пор имеют место факты протекционизма, укрывательства, круговой поруки и иных негативных форм взаимоотношений сотрудников с руководителями [1, с. 190].

Ситуация, связанная с отменой приказа МВД России № 80, не лучшим образом отражается на деятельности современной полиции, причем речь идет не столько о результативности в вопросах профилактики нарушений дисциплины и законности, сколько об отсутствии правовой основы в виде соответствующего нормативного акта, который регулировал бы вопросы формирования и развития у сотрудников государственно-патриотического мировоззрения, комплекса гражданских, нравственных, духовных и иных профессионально значимых качеств личности, обусловленных требованиями государства и общества к гражданскому и профессионально-нравственному облику сотрудника органов внутренних дел, потребностями и особенностями оперативно-служебной деятельности. Отметим, что важная роль в этом процессе отводится организации индивидуальной воспитательной работы, которая должна осуществляться по следующей схеме: определение круга лиц, на которых возлагается проведение различного рода воспитательных мероприятий с подчиненными; составление общей схемы организации индивидуально-воспитательной работы в подразделении; оказание руководящему составу методической помощи в выборе способов и средств индивидуального воспитания сотрудников. Здесь акцент необходимо сделать на использовании соответствующих методических рекомендаций; выявлении сотрудников, требующих проведения обязательной первоочередной индивидуальной воспитательной работы (лица, недавно принятые на службу; молодые специалисты; сотрудники, имеющие низкие показатели в служебной деятельности, допускающие нарушения служебной дисциплины, состоящие в «группе повышенного внимания»); осуществлении мониторинга за результативностью индивидуальной воспитательной работы; обобщении и распространении положительного опыта индивидуальной воспитательной работы.

С учетом сказанного считаем, что успешное выполнение ОВД стоящих перед ними задач зависит от процесса поддержания в служебных коллективах определенного морально-психологического климата, дисциплины и законности. Этому должна способствовать организация индивидуального воспитательного воздействия со стороны руководящего состава органов внутренних дел, кадровых и воспитательных подразделений, психологических служб,

а также общественных формирований и наставников [2, с. 263].

Воспитание сотрудников должно осуществляться на основе многовековых нравственных устоев, традиций ОВД, патриотизма и уважительного отношения к народам и народностям многонационального российского государства, исторического опыта, современного состояния, проблем и тенденций развития российского общества. Сегодня в органах внутренних дел сложилась ситуация, при которой данный процесс осуществляется, но с учетом отсутствия нормативного закрепления морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности фактически нарушена система работы по укреплению служебной дисциплины и законности среди сотрудников как комплексный вид морально-психологического обеспечения, представляющий собой деятельность, направленную на профилактику и предупреждение правонарушений и чрезвычайных происшествий.

Более того, как показывают исследования, «формируется отрицательный прогноз изменения оценки уровня доверия граждан к полиции. Используя метод линейного тренда, в краткосрочной перспективе в 2018—2019 гг. ожидается снижение уровня доверия граждан до 43 % от числа респондентов, кто выскажется о доверии к полиции» [3, с. 62]. Часто мы видим негативное отношение граждан к сотрудникам правопорядка, поэтому для создания их положительного образа, поднятия престижа и авторитета службы важно использовать средства массовой информации. Для популяризации имиджа полицейского среди населения целесообразно организовывать публикации в печати, распространять брошюры, буклеты, создавать хроникально-документальные и художественные кинофильмы, отражающие положительные примеры действий сотрудников органов внутренних дел.

Основу профилактики нарушений дисциплины и законности должна составлять работа, содержанием которой должен быть показ негативных примеров и последствий нарушений законов, формирование позитивных взглядов и убеждений, воспитание уважительного отношения к гражданам и т. п. При этом акцент должен быть сделан на полученные научные данные и результаты криминологических и социологических исследований. В связи с этим уместным является выполнение требований ведомственных нормативных актов об организации и проведении правовой подготовки, поскольку многое зависит от того, как она планируется, как содержательно и кем проводится. К проведению занятий в системе общественно-государственной и служебной подготовки целесообразно привлекать профес-

сорско-преподавательский состав вузов МВД России, общественных и политических деятелей, сотрудников контролирующих и надзирающих органов и т. п.

В то же время профилактика нарушений дисциплины и законности не должна сводиться только к пропаганде, необходимо прилагать максимальные усилия к соблюдению установленного порядка деятельности подразделения, поскольку «уставной порядок способствует и организации культурного досуга и отдыха личного состава, воспитывает собранность, привычку и готовность к немедленному и безоговорочному исполнению правомерных приказов и распоряжений соответствующих начальников, способствует повышению боеготовности подразделения, а также предупреждению нарушений дисциплины и законности, воздействует на поведение тех, у кого не сложились привычки исполнения дисциплины» [4, с. 114].

Еще одним проблемным аспектом, связанным с отменой приказа МВД России № 80 является фактическое ослабление вопросов проведения культурно-просветительной работы как вида морально-психологического обеспечения, представляющего собой деятельность по формированию у сотрудников нравственно-эстетических и морально-психологических качеств средствами художественной культуры и искусства. Важным вопросом является и организация досуга подчиненного личного состава, хотя некоторые руководители скептически относятся к мерам, связанным с развитием творчества сотрудников и членов их семей, взаимодействию с ветеранскими организациями и т. д. На фоне фактического забвения нужд сотрудников, низкого уровня материального обеспечения и возросшей нагрузки такие меры не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на состояние дисциплины и законности. Понятно, что финансовое обеспечение ОВД оставляют желать лучшего, и от руководителя в меньшей мере зависит, как дополнительно поощрить проявившего себя сотрудника. Однако вопросы стимулирования добросовестного выполнения служебных обязанностей не должны оставаться без внимания. Должны быть исключены из практики факты премирования и награждения сотрудников, ничем не проявивших себя в оперативно-служебной деятельности. Приказы о поощрении и наказании сотрудников необходимо доводить до всего личного состава. Такой процедуре следует придавать характер открытости и гласности, чтобы у подчиненных не возникало каких-либо сомнений по поводу объективности, своевременности и справедливости принятых руководством решений.

Отметим, что в практике деятельности ряда подразделений имеют место факты абсолютно попустительского отношения некоторых руководителей не только к нуждам подчиненных, но и к семьям погибших сотрудников. Все это становится возможным в результате отсутствия должного контроля за их деятельностью [1, с. 191].

Несмотря на то что вся служебная деятельность сотрудников строго регламентирована, количество нарушений служебной дисциплины и законности реально не уменьшается. Одно дело довести до сведения подчиненных требования соответствующего приказа или распоряжения, а другое — проконтролировать исполнение его положений на практике. Низкий уровень организации контроля, отдельные отступления от него и упущения в любой сфере служебной деятельности чреваты наступлением нежелательных последствий. Контроль за подчиненными должен осуществляться постоянно и реально. Формальный подход, отписки за якобы организованную и проведенную воспитательную работу не могут обеспечить надлежащего уровня дисциплины в подразделении.

Заметим, что важным методом проведения работы с личным составом является метод убеждения, который основывается «на приемах объяснения, изложения, предупреждения, наставления, внушения, личном примере и др. Метод организации поведения предполагает следующие приемы: требование, показ, инструктаж, поручение, упражнение и др. Такой метод, как коррекция поведения, подразделяется на два противоположных вида — стимулирование и торможение. Первое включает в себя следующие приемы: одобрение, похвала, доверие, поощрение, благодарность; второе — внушение, порицание, осуждение, взыскание, предупреждение, наказание» [5, с. 39].

Необходимость в использовании всего арсенала указанных выше форм не вызывает сомнения. Однако подобного рода мероприятия не должны носить формального характера либо оставаться только «на бумаге».

Организацию профилактической работы по укреплению дисциплины и законности среди личного состава ОВД следует проводить целенаправленно по нескольким направлениям:

1. Осуществление постоянного контроля за состоянием дисциплины и законности, выявление нарушений и принятие соответствующих мер дисциплинарного воздействия к нарушителям. В обращении Министра внутренних дел Российской Федерации к сотрудникам правоохранительных органов неоднократно указывалось на необходимость давать принципиальную оценку каждому нарушению дисциплины и законности [6].

Для выявления нарушений дисциплины и законности следует активизировать и расширять работу заинтересованных служб, обеспечивать полноту и всесторонность служебных проверок. «Четкие выводы о причинах, условиях, обстоятельствах и мотивах совершения тех или иных проступков, характере взаимоотношений виновного с руководством и коллегами, обстановке в семье, микросоциальном окружении, контактах и поведении в свободное от службы время позволят вскрыть недостатки воспитательно-профилактического воздействия на сотрудников и должностных лиц» [7, с. 52].

Считаем, что для профилактики нарушений дисциплины и законности необходимо обладать полной и всесторонней информацией о состоянии и динамике нарушений во вверенном подразделении. Все негативные тенденции (рост числа дисциплинарных проступков, нарушений законности, фактов привлечения сотрудников к уголовной ответственности) должны служить ориентиром и критерием оценки работы по профилактике правонарушений сотрудников. Нужно помнить, что своевременность и оперативность реагирования на нарушения дисциплины — залог формирования уставного порядка в подразделении, реализация принципа неотвратимости ответственности. Укрывательство допущенных нарушений, факты покровительства со стороны руководства отдельных сотрудников (якобы дающих «результаты» в раскрытии и расследовании преступлений), непридание им огласки и оставление без соответствующего реагирования может еще больше осложнить морально-психологический климат в коллективе. У сотрудников подразделения, знающих о фактах нарушений, допущенных коллегами по службе или соответствующими начальниками, и реакции на них со стороны соответствующих руководителей, формируется представление о допустимости нарушений, теряется смысл в необходимости следования приказам и указаниям со стороны руководства.

Отдельно хотелось бы отметить, что некоторых руководителей современных органов правопорядка по-прежнему характеризует бесконтрольность, безнаказанность и укрывательство проступков и преступлений, совершенных подчиненными, а также наличие определенных пробелов в организации режима службы и отдыха лиц, несущих службу [1, с. 192].

С учетом роста числа сотрудников, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков и в целях выявления возможного употребления наркотиков, нужно установить регулярные медицинские осмотры заступающих на службу сотрудников. Такая система профилактических мер эффективно функционирует во многих подразделениях полиции.

2. Планомерная и скоординированная система действий всех заинтересованных субъектов в деле укрепления дисциплины и законности. Нужно признать, что на практике о взаимодействии и взаимопомощи вспоминают, когда уже произошло чрезвычайное происшествие. Необходимо также активизировать действия подразделений собственной безопасности в организации и проведении воспитательной работы [2, с. 82]. Важна координация сил и действий, осуществляемых всеми звеньями внутри подразделения, которая возможна только при грамотном планировании работы. Для реализации этой задачи необходимо планировать и проводить постоянно действующие семинары руководящего и командного состава по обучению основам психологии управления, особенностям проведения воспитательной работы, укреплению дисциплины, порядка и законности.

3. Организация системы воспитания подчиненных с использованием всего арсенала средств и методов. Надлежащее воздействие на служебный коллектив немислимо без всестороннего знания мотивов поступления на службу подчиненных, их социальных установок и моральных качеств, т. е. на ведущее место выходит индивидуальная воспитательная работа с ними, являющаяся значимой составной частью многоаспектного процесса воспитания.

Важную роль в процессе индивидуально-воспитательной работы играет педагогическая организация близких и дальних перспектив (возможность карьерного роста, обеспечение социальных и правовых гарантий и т. п.). Руководителям необходимо формировать и поддерживать устойчивую мотивацию к достижению жизненных и профессиональных успехов подчиненных.

4. Повышение эффективности психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел. В числе приоритетных мер психологических служб по профилактике правонарушений сотрудников ключевую роль играет профессиональная ориентация. Для повышения эффективности профессионального отбора всем поступившим на службу в конкретные подразделения в период прохождения испытательного срока было бы целесообразно проходить психологическую экспертизу — углубленное изучение индивидуальных особенностей новичка. Это позволило бы решить задачу своевременного выявления лиц с латентной психической патологией, определения их предрасположенности к различным формам деструктивного поведения, прогнозирования профессиональной успешности сотрудника в конкретных видах деятельности.

Необходимо также наладить организацию в системе профессиональной служебной подготовки

занятий с подчиненными по формам и методам раннего выявления состояний психической и социально-психологической дезадаптации с обсуждением основных направлений по их нейтрализации или минимизации.

5. Повышение эффективности профессионального отбора кадров. Надлежащее исполнение кадровыми аппаратами соответствующих предписаний — залог успешности выполнения задачи по формированию коллективов высококлассных специалистов, при этом соответствующих сотрудников должны интересовать и другие вопросы: отношение к своим служебным обязанностям, в том числе по предыдущей должности (в случае перевода на другую должность или место работы); аккуратность в работе с документами, хранением печатей, бланков, штампов; повышенный интерес к работе других отделов и служб, включая службы по порядку оформления документов, принятию соответствующих решений по фактам производства дознания и предварительного следствия; неразглашение служебной и оперативной информации о работе в конкретном подразделении.

6. Разработка и реализация мер по профессиональной адаптации молодых сотрудников и выпускников специализированных образовательных учреждений. Невысокая степень успешности профессиональной адаптации молодых сотрудников обусловлена неудовлетворенностью профессиональной деятельности, расхождением между романтическими ожиданиями и реальной службой в полиции, завышенным уровнем притязаний, трудностями во взаимоотношениях с руководителями. В связи с этим руководители органов и подразделений, наставники, сотрудники психологической службы, кадровых и воспитательных отделов должны обеспечить результативность процесса адаптации сотрудников посредством влияния всего коллектива, совершенствования функционирования института наставничества, организации встреч с молодыми сотрудниками и выпускниками образовательных организаций системы МВД России, руководителями управления кадров, других служб аппарата управления, представителей совета ветеранов, в ходе которых надлежит рассказывать о положительном опыте организации наставничества, закреплении молодежи на службе, передаче бесценных знаний, накопленных ветеранами, новому, молодому поколению сотрудников правопорядка. В данном аспекте важно предусмотреть возможность материального и морального поощрения наставников в случае положительных результатов профессиональной адаптации молодых коллег. Работу с недавно пришедшими сотрудниками целесообразно рассматривать также как условие зачисления их в кадровый резерв. Одновременно следует обратить внимание

на социально-психологические процессы, происходящие в подразделении.

Поскольку допускаемые молодыми сотрудниками нарушения законности связаны с недостаточным уровнем профессиональной подготовки кадров ОВД, следует разработать систему мер по ее повышению. Целесообразно восполнять пробелы в общеобразовательной, правовой и тактической подготовке у подчиненных посредством планирования и проведения занятий в группах с приглашением соответствующих специалистов.

Укрепление дисциплины и законности как фактор обеспечения собственной безопасности ОВД должно идти с активным привлечением населения. «Апробированные на практике различные формы координации усилий различных органов и участия граждан в предупреждении преступлений, совершаемых сотрудниками полиции, нуждаются в возрождении и обновлении» [8, с. 49]. Как известно, основным источником поступления информации о противоправных и незаконных действиях сотрудников являются жалобы граждан. В год их поступает до нескольких тысяч, более 80 % из них остаются неподтвержденными. Наиболее сложными являются расследования по жалобам о коррупции в органах внутренних дел, а также о связи сотрудников с коммерческими и криминальными структурами. Предотвращению таких связей может содействовать хорошо налаженная система рассмотрения всех видов жалоб, поданных письменно, устно или по телефону, хотя здесь могут рассматриваться и анонимные жалобы. Практика организации и функционирования «горячих линий» уже находит свое применение в правоохранительных органах, хотя такие мероприятия часто носят разовый, показательный характер.

Более того, с учетом изложенного отметим, что на протяжении последних лет принципиальная позиция руководства МВД России состоит в том, чтобы максимально объективно отражать официальную статистику о количестве совершаемых нарушений дисциплины и законности. Логически обоснованным в данном направлении выглядели бы усилия, направленные на предупреждение и профилактику подобных нарушений, однако на фоне указанных тенденций абсолютно беспочвенно и без какой-либо альтернативы был отменен нормативный акт, регулирующий часть данных вопросов, поэтому для скорейшей нормализации обстановки необходимо в кратчайшие сроки принять соответствующий приказ либо методические рекомендации по морально-психологическому обеспечению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

1. Брюхнов А. А. Современные детерминанты нарушений дисциплины и законности, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Юрист-Правоведъ. 2017. № 4. С. 189–193.

2. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учеб. пособие / С. А. Алтухов [и др.]. М.: ДГСК МВД России, 2014.

3. Трунцевский Ю. В., Новоселов С. А. Уровень доверия граждан к полиции как показатель итогов проведения реформы в органах внутренних дел Российской Федерации // Рос. следователь. 2018. № 2. С. 62–67.

4. Сафронов А. Д., Зайцев И. А. Уставной порядок – решающий фактор обеспечения дисциплины и законности в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2008. № 1. С. 112–115.

5. Проблемы укрепления законности в деятельности органов внутренних дел: науч.-практ. пособие / под общ. ред. В. Я. Кикотя. М.: ВНИИ МВД России, 2008.

6. Обращение Министра внутренних дел РФ генерала армии Р. Г. Нургалиева к сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск МВД России от 23.08.2005 // Щит и меч. 2005. 8 сент.

7. Овчинников Н. А. Служебная проверка как способ обеспечения законности и дисциплины в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2011. № 2. С. 52–56.

8. Костенников М. В. К вопросу о противодействии коррупции в полиции // Административное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 48–50.

© Брюхнов А. А., Вакуленко Н. А.,
Зубенко В. В., 2018

1. Brukhnov A. A. Modern determinants of violation of discipline and law committed by employees of internal Affairs bodies // The lawyer. 2017. No 4. P. 189–193.

2. Prevention of corruption in bodies of internal Affairs and the formation of anti-corruption behavior of employees and workers of the internal Affairs agencies: textbook / S. A. Altukhov [and others]. Moscow: DGSK Ministry of internal Affairs of Russia, 2014.

3. Truncevski Yu. V., Novoselov S. A. The Level of public confidence in the police as an indicator of the results of the reforms in the internal Affairs of the Russian Federation // Russian investigator. 2018. No 2. P. 62–67.

4. Safronov A. D., Zaitsev I. A. The Statutory procedure is a decisive factor of discipline and legality in the internal Affairs bodies // Proceedings of Academy of management of MVD of Russia. 2008. No 1. P. 112–115

5. Problems of strengthening of legality in activity of bodies of internal Affairs. Scientific-practical allowance / under the general editorship of V. Ya. Kikot. Moscow: VNIИ MVD Rossii, 2008.

6. Address by the Minister of internal Affairs of the Russian Federation General of the army R. G. Nurgaliev to the employees of internal Affairs bodies and servicemen of internal troops of the MIA of Russia from 23.08.2005 // The Shield and sword. 2005. September 8.

7. Ovchinnikov N. A. Service check as a way to provide legality and discipline in the activities of employees of bodies of internal Affairs // Administrative and municipal law. 2011. No 2. P. 52–56.

8. Kostennikov M. V. To the question on combating corruption in the police // Administrative and municipal law. 2013. No 1. P. 48–50.

© Bryukhnov A. A., Vakulenko N. A.,
Zubenko V. V., 2018

* * *

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Алексей Павлович,

заместитель начальника Волгоградской академии МВД России
(по научной работе),
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: alex0421@yandex.ru

Артюшина Ольга Викторовна,

доцент кафедры уголовного права
Казанского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук;

Батурин Вячеслав Юрьевич,

начальник кафедры тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: nataliya_baturina@mail.ru

Батурина Наталия Игоревна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: nataliya_baturina@mail.ru

Бирюков Святослав Юрьевич,

начальник кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Bir.slav@yandex.ru

Блинков Александр Павлович,

заместитель начальника кафедры административной деятельности
и охраны общественного порядка
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Бойко Дмитрий Валентинович,

заместитель начальника кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
8-937-087-42-37

Ботвин Илья Викторович,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: botviniv@mail.ru

Брюхнов Александр Анатольевич,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: lexandr@mail.ru

Вакуленко Наталья Алексеевна,
заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук,
e-mail: foroposha@mail.ru

Вишнякова Наталья Валерьевна,
доцент кафедры уголовного права
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;

Горкина Елена Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: lengor40@rambler.ru

Домовец Светлана Сергеевна,
доцент кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Донцова Кристина Борисовна,
аспирант Саратовской государственной юридической академии
e-mail: vestnik2@ssla.ru

Дубровина Мария Михайловна,
инспектор отдела кадров
Тамбовского государственного технического университета;
e-mail: dubrovina.maria2013@yandex.ru

Желудков Михаил Александрович,
профессор кафедры уголовного права
и прикладной информатики в юриспруденции
Юридического института
Тамбовского государственного технического университета,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: kandydat1@yandex.ru

Закатов Александр Александрович,
профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Зубенко Виктор Викторович,
начальник Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат социологических наук;
e-mail: viktor.zubenko.82@mail.ru

Казначей Иван Васильевич,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Ковальченко Алексей Александрович,

преподаватель кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: amstalex@yandex.ru

Конев Андрей Николаевич,

начальник Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доктор технических наук, доцент;
e-mail: konev_a@mail.ru

Котельников Николай Васильевич,

заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Купин Алексей Федорович,

доцент кафедры интеллектуальной собственности и судебной экспертизы
Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана,
кандидат юридических наук;
e-mail: alexcrim@rambler.ru

Медведев Александр Игоревич,

доцент кафедры педагогики, психологии и физической культуры
Волгоградского государственного института искусств и культуры,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: bear1375@mail.ru

Мерзликин Роман Александрович,

начальник кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
8-937-532-91-09

Мингес Изабелла Александровна,

начальник кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Мордумов Ринат Негаматуллаевич,

доцент кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;

Непомнящий Станислав Васильевич,

профессор кафедры тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России,
кандидат педагогических наук, профессор;
8-904-362-56-01

Павлова Анна Александровна,

лаборант кафедры интеллектуальной собственности и судебной экспертизы
Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана;

Перегудова Дарья Алексеевна

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России
e-mail: dashaperegudova7@yandex.ru

Печников Геннадий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: shmel82@list.ru

Попов Алексей Михайлович,

заведующий кафедрой безопасности и правопорядка
Юридического института Тамбовского государственного технического университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: bgd@mail.nnn.tstu.ru

Попов Виктор Викторович,

доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Попов Михаил Юрьевич,

доцент кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Пронин Владимир Вячеславович,

заместитель начальника ФКУ «СКОУМТС МВД России»;
e-mail: Vladimir_Pronin@inbox.ru

Пупцева Анна Викторовна,

начальник кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Редько Александр Александрович,

начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

Рустамзода Зарина Рустам,

адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России;
e-mail: rustamzoda83@mail.ru

Рыженков Анатолий Яковлевич,

профессор кафедры гражданского права и процесса
Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: 4077778@list.ru

Садков Андрей Николаевич,
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Скориков Дмитрий Геннадьевич,
доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: skdmitri@mail.ru

Тихонов Виктор Васильевич,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: 2018ivk@mail.ru

Токарева Екатерина Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Федоров Александр Федорович,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент;
e-mail: fedoroffaf@mail.ru

Ханахмедов Алексей Сефединович,
начальник Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук;

Хоршева Валентина Сергеевна,
доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Valya3107@bk.ru

Яловенко Татьяна Васильевна,
доцент теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Ястребов Александр Васильевич,
старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexeev Alexey Pavlovich,

deputy chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Research Work),
candidate of juridical science, associate professor;
e-mail: alex0421@yandex.ru

Artushina Olga Viktorovna,

associate professor of the department of the criminal law
of the Kazan Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;

Baturin Vyacheslav Yurevich,

head of the department of tactical and special training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences, professor;
e-mail: nataliya_baturina@mail.ru

Baturina Natalia Igorevna,

associate professor at the civil-legal disciplines department
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: nataliya_baturina@mail.ru

Birukov Svyatoslav Yurevich,

head of the department of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Bir.slav@yandex.ru

Blinkov Alexander Pavlovich,

deputy head of the administrative activities and public order maintenance department
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Boyko Dmitry Valentinovich,

deputy head of the department fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
8-906-128-97-22

Botvin Ilya Viktorovich,

associate professor at the department of criminal law and criminology
of the Barnaul law institute of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: botviniv@mail.ru

Brukhnov Alexander Anatolevich,

associate professor at the department of criminal law and criminology
of the Rostov law institute of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lexandr@mail.ru

Domovets Svetlana Sergeevna,

associate professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Dontsova Christina Borisovna,

associate postgraduate of the Saratov State Law Academy;
e-mail: vestnik2@ssla.ru

Dubrovina Maria Mikhaylovna,

inspector of the human recourses department
of the Tambov State Technical University;
e-mail: dubrovina.maria2013@yandex.ru

Fedorov Alexander Fedorovich,

head of the department of criminal law and criminology
of the Barnaul law institute of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of pedagogical sciences, docent;
e-mail: fedoroffaf@mail.ru

Gorkina Elena Vladimirovna,

associate professor at the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: lengor40@rambler.ru

Kaznachey Ivan Vasilevich,

senior lecturer at the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Khanahmedov Alexey Sefedinovich,

head of the Ufa law institute of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;

Khorsheva Valentina Sergeevna,

senior lecturer at the department of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Valya3107@bk.ru

Konev Andrey Nikolaevich,

head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, doctor technical sciences, docent;
e-mail: konev_a@mail.ru

Kotelnikov Nikolay Vasilevich,
deputy head of the civil-legal disciplines department
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Kovalchenko Alexey Alexandrovich,
lecturer at the department of physical training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
e-mail: amstalex@yandex.ru

Kupin Alexey Phedorovich,
associate professor at the department of intellectual property and forensic expertise
Bauman Moscow state technical university;
candidate of juridical sciences;
e-mail: alexcrim@rambler.ru

Medvedev Alexander Igorevich,
associate professor at the department of psychology, pedagogics and physical education
of the Volgograd state institute of arts and culture,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: bear1375@mail.ru

Merzlikin Roman Alexandrovich,
head at the department fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
8-937-532-91-09

Minges Izabella Alexandrovna,
head of the department of history and theory law and state
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Morodumov Rinat Negamatullaevich,
associate professor at the department of civil and labor law,
civil procedure of the Moscow University
of the Ministry of Interior of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot,
candidate of juridical sciences, docent;

Nepomnyashchiy Stanislav Vasilevich ,
professor at the department of tactical and special training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of pedagogical sciences, professor;
8-904-362-56-01

Pavlova Anna Alexandrovna,
laboratory assistant at the department of intellectual property and forensic expertise
Bauman Moscow state technical university;

Pechnikov Gennady Alexeevich,
professor at the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: shmel82@list.ru

Peregudova Daria Alexeevna,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: dashaperegudova7@yandex.ru

Popov Alexey Mikhaylovich,

head of the department of the security and rule law
of the Juridical Institute of the Tambov State Technical University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: bgd@mail.nnn.tstu.ru

Popov Mikhail Yurevich,

associate professor at the department of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Popov Viktor Viktorovich,

associate professor at the department of history and theory law and state
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Pronin Vladimir Vyacheslavovich,

deputy head of the FKU SKOUMTS of the Ministry of the Interior of Russia
e-mail: Vladimir_Pronin@inbox.ru

Puptseva Anna Viktorovna,

head of the criminology department of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical science, docent;
e-mail: anna.pupceva@mail.ru

Redko Alexander Alexandrovich,

head of the research department
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Tuapsina@yandex.ru

Rustamzada Zarina Rustam,

associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: rustamzoda83@mail.ru

Ryzhenkov Anatoly Yakovlevich,

professor at the department of civil law and procedure
of the Kalmyk state university named after B. B. Gorodovikov,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: 4077778@list.ru

Sadkov Andrey Nikolaevich,

head of the civil-legal disciplines department
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Skorikov Dmitry Gennadievich,

associate professor at the department of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: skdmitri@mail.ru

Tikhonov Victor Vasilevich,

head of the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: 2018ivk@mail.ru

Tokareva Ekaterina Viktorovna,

associate professor at the department of the criminal process
of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Vakulenko Natalia Alexeevna,

deputy head of the department of criminal law and criminology
of the Rostov law institute of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: foroposha@mail.ru

Vishnyakova Natalia Valerevna,

associate professor at the department of the criminal law
of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;

Yalovenko Tatiana Vasilevna,

associate professor at the department of history and theory law and state
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Yastrebov Alexander Vasilevich ,

lecturer at the department of tactical and special training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Zakatov Alexander Alexandrovich,

professor at the criminology department of the training and scientific complex
of preliminary investigation in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Zheludkov Mikhail Alexandrovich,

professor at the department of criminal law and applied informatics
of the Juridical Institute of the Tambov State Technical University,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: kandydat1@yandex.ru

Zubenko Viktor Viktorovich,

head of the Volgograd branch
of the Rostov law institute of the Ministry of Internal affairs of Russia,
candidate of sociological sciences;
e-mail: viktor.zubenko.82@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-50037 от 4 июня 2012 г.
Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761
ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- анализ актуальных проблем обучения и воспитания в ведомственных вузах МВД и поиск оптимальных путей их решения;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.
2. Конституционное и административное право.
3. Частное право.
4. Уголовное право и криминология.
5. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.
6. Страницы истории.
7. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен превышать 10 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисуночных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.52008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков государственной образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

— идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте;

— рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидата или доктора наук и научным званием доцента или профессора соответствующего научного профиля);

— подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте академии. Договор подписывают все авторы статьи);

— авторская справка об отсутствии в тексте статьи сведений, имеющих ограниченное распространение или предназначенных для служебного пользования;

— справка о проверке рукописи статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения с приложением заключения, сформированного программой.

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.
Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».
E-mail: rio-vamvd@yandex.ru.
Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-54, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета ВА МВД России по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

Рецензирование статей, представляемых для опубликования в журнале, осуществляется в два этапа: внешнее и внутреннее рецензирование. В качестве внешней рассматривается рецензия, подготовленная специалистом в соответствующей отрасли науки, не являющимся сотрудником (работником) ВА МВД России. Рецензентами в данном случае могут выступать лица, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук и научное звание доцента или профессора, либо руководители подразделений государственных органов или общественных организаций, чья деятельность непосредственно соответствует тематике статьи. В отдельных случаях при возникновении необходимости рецензирования статьи специалистом-практиком к рецензированию могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, судов, адвокатуры и т. д., чья профессиональная деятельность соответствует тематике статьи, направляемой на рецензирование.

На этапе внутреннего рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА
на публикацию статьи в журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

1. Сведения об авторе

1.1. ФИО полностью	
1.2. Ученая степень	
1.3. Ученое звание	
1.4. Место работы	
1.5. Должность	

2. Контактная информация

2.1. Почтовый индекс, адрес места работы, рабочие телефоны	
2.2. Почтовый индекс, домашний адрес, домашний телефон	
2.3. Мобильный телефон	
2.4. E-mail*	
2.5. Контактная информация для опубликования в журнале (телефон или e-mail)	

3. Информация о статье

3.1. Название статьи	
3.2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3.3. Ключевые слова	
3.4 Рубрика**	

4. Другие сведения

4.1. Подпись автора	<p>Я не возражаю против того, чтобы указанные мной в пп. 1.1, 1.5 и 2.5 сведения были опубликованы в открытом доступе</p> <p>«___» _____ 20__г. _____</p> <p style="text-align: right;">(подпись)</p>
---------------------	---

* Наличие e-mail обязательно.

** Указать желаемую рубрику в соответствии с рубрикацией журнала.

Внимание! При неправильно заполненной заявке и предоставлении неполной информации вопрос о публикации статьи рассматриваться не будет.